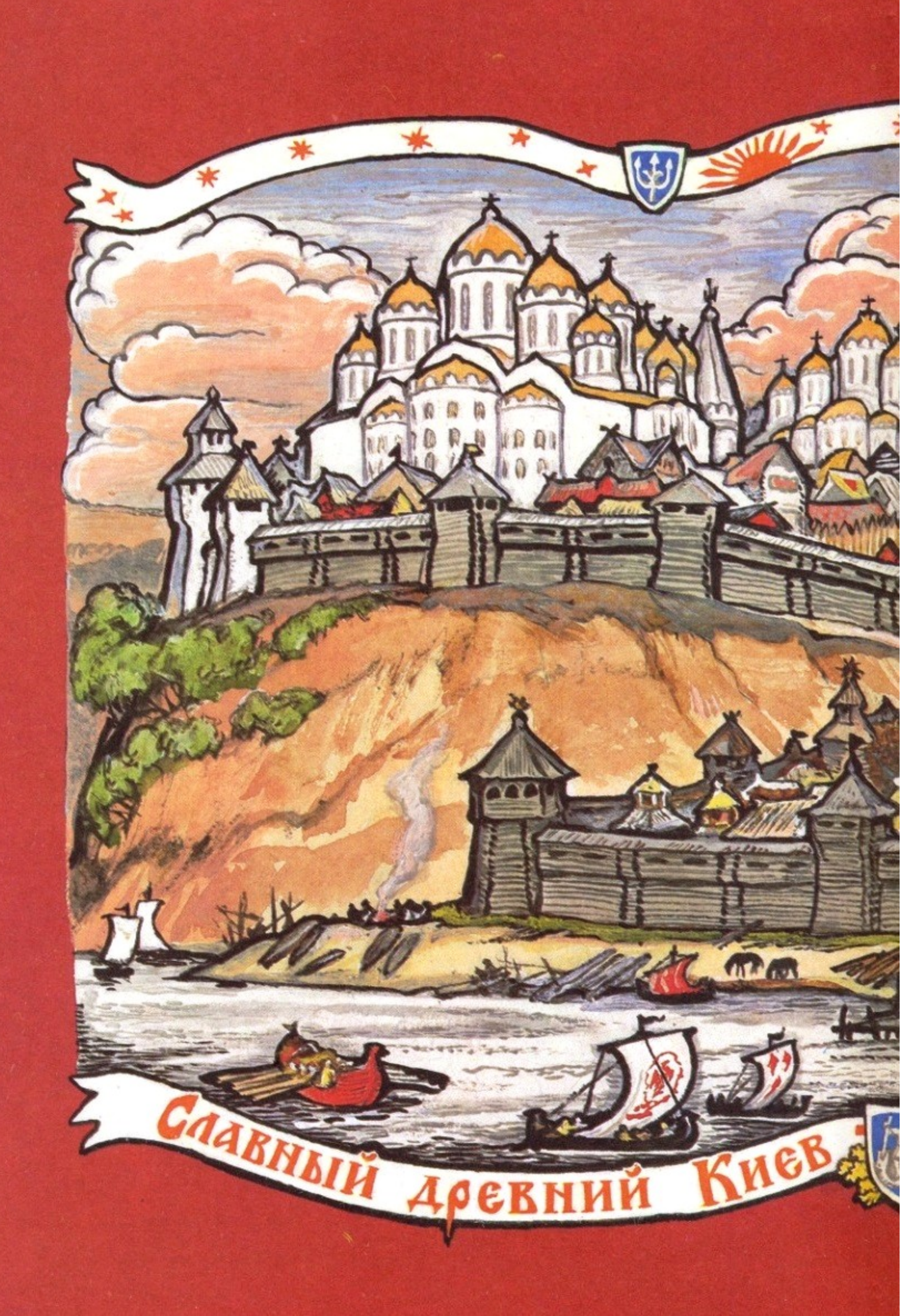
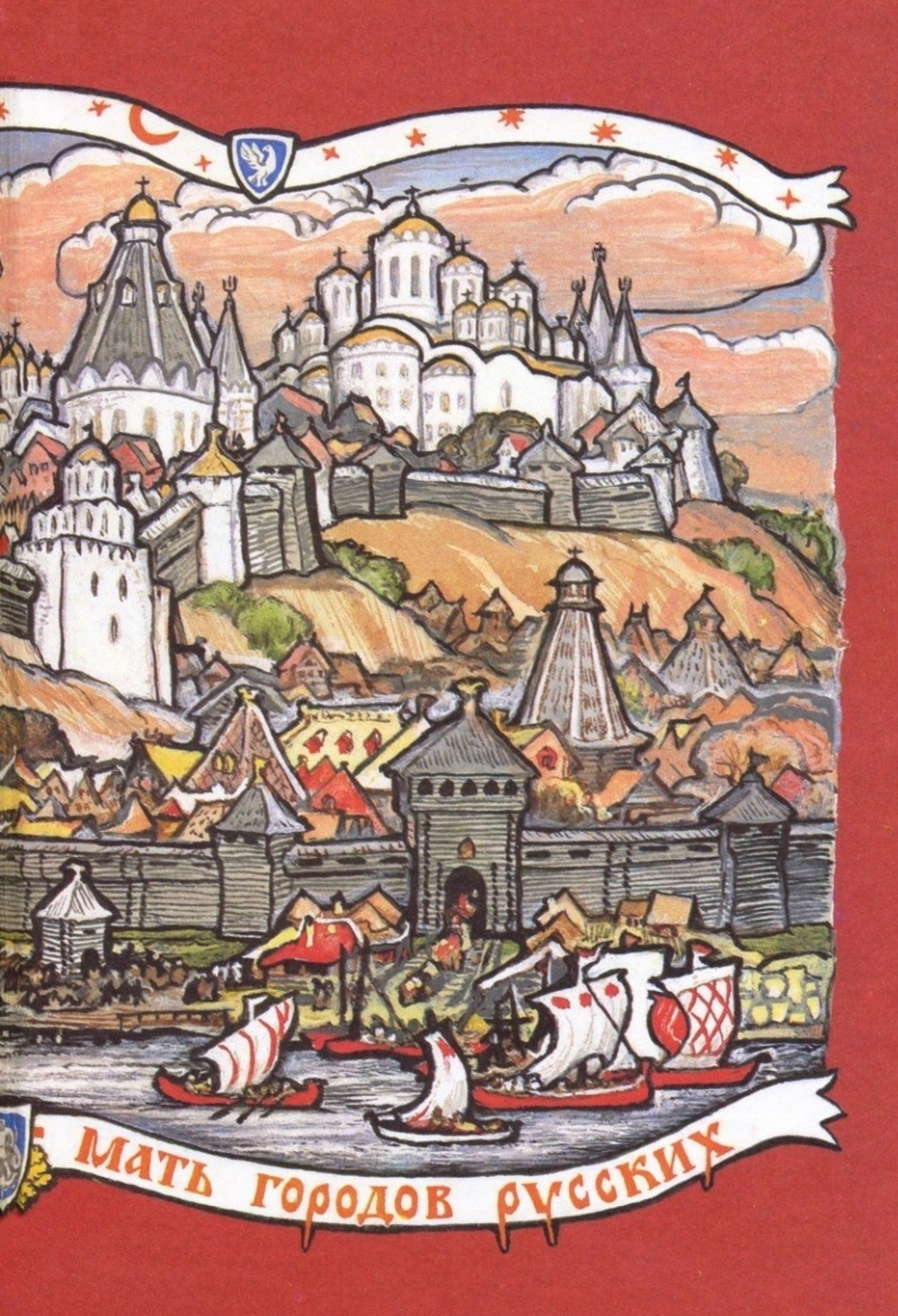

Рассказы
Начальной
русской
летописи

2 руб.

Славный древний Киев

Мать городов русских

Киеву
1500
лет

Р1
Р24

Научный редактор,
составитель и автор послесловия
академик
Д. С. Лихачев

Перевод с древнерусского
и пояснения
Т. Н. Михельсон

Р $\frac{4803010101-309}{М101(03)82}$ 166—82

Рассказы начальной русской летописи

художник И. Архипов

МОСКВА
· ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ·
1982

Повесть временных лет

Вот повесть минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля

Славяне пришли и сели по Днепру

Так начнем повесть сию.

Сели славяне по Дунаю, где ныне Угорская земля и Болгарская. И от тех славян разошлись славяне по земле и стали называться по местам, где селились. Так одни пришли и сели на реке, по имени Морава, и прозвались моравами, а другие чехами назвались. А вот еще те же славяне: белые хорваты и сербы. Когда волохи напали на славян на дунайских и поселились среди них и стали притеснять их, то славяне те ушли и поселились на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, которая впадает в Двину и именуется Полота. Славяне же, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — словенами и построили город и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле и прозвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская».

Был тут путь из Варяг в Греки

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, был тут путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловати, а по Ловати можно войти в Ильмень, озеро великое. Из того же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно идти до Рима, а от Рима можно прийти по тому же морю ко Царьграду, а от Царьграда

прийти в Понт-море, в которое впадает Днепр-река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на полдень. А Двина из того же леса течет, а идет к полунощью и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское. Так и из Руси можно идти по Волге в Болгары и в Хвалисы, а по Двине — в Варяги, из Варяг до Рима.

А Днепр втекает в Понтийское море; это море слывет Русским,— по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петров.

На сих горах будет город великий

Когда Андрей учил в Синопе и пришел в Корсунь, узнал он, что от Корсуни близко до устья Днепра, и захотел пойти в Рим, и прошел в устье днепровское и оттуда пошел вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам:

— Видите ли горы сии? На сих горах воссияет благодать божья, будет город великий, и воздвигнет бог в нем много церквей.

Он взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и пошел по Днепру вверх.

Пришел к словенам, где ныне стоит Новгород, и увидел живущих там людей: каковы их обычаи и как моются и хлещутся в банях — и дивился на них. И пошел в Варяги, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и сказал им:

— Удивительное видел я в Словенской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, разожгут их докрасна, и разденутся донага, и обольются квасом кожевенным, и возьмут прутья молодые, и бьют себя сами, и до того себя бьют, что едва слезут, еле живые, и тогда обольются водою студеною и так оживут. И творят это каждый день, никем не мучимые, но сами себя мучат, и так совершают омовенье себе, а не мученье.

Те же, слышав это, удивлялись. А Андрей, побыв в Риме, пошел в Синоп.

И были три брата — Кий, Щек и Хорив

Поляне жили отдельно и управлялись своими родами. И были три брата: один, по имени Кий, и другой — Щек, а третий — Хорив, и сестра их Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне спуск Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив — на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили город во имя брата своего старшего и назвали его Киевом. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смышлены, и назывались они полянами, от них поляне в Киеве и до сего дня.

Некоторые же, несведущие, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз, на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А Кий этот княжил в роде своем и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, этот царь. Кий, вернувшись в свой город Киев, тут и кончил жизнь свою, и братья его, Щек и Хорив, и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты

После смерти Кия, Щека и Хорива род их стал держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у словен в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От них же произошли кривичи, которые сидят в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск, там и сидят кривичи, от них же и северяне. На Белоозере сидит весь, а на Ростовском

озере меря, а на Клещине-озере меря же. А по Оке-реке, где она впадает в Волгу,— мурома, у нее свой язык, и у черемисы свой язык, и у мордвы свой язык. Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, после же называемые волынянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора, ямь, литва — эти говорят на своих языках.

Радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой Вятко, и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко с родом своим на Оке, от него прозвались вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Имели они свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждый — свой нрав. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и соседили с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне. Вот почему греки называли их «Великая Скифь».

Погибли как обры

В те же времена были и обры. Эти обры воевали против славян и покорили дулебов, также славян. И творили обры много зла женам дулебским: если поедет куда обрин, то не давал запрячь ни коня, ни вола, но велел впрячь трех, четырех или пятерых жен в телегу и везти его — обрина. И так мучили дулебов. Были же обры телом велики и умом горды, и бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни единого обрина. И есть поговорка на Руси и до сего дня: «Погибли как обры».

Не добрая это дань, княже

После смерти трех братьев стали обижать полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары на горах этих, в лесах, и сказали:

— Платите нам дань.

Посовещались поляне и дали от дыма по мечу. И отнесли хазары мечи к князю своему и к старейшинам своим и сказали им:

— Вот, нашли мы новую дань.

Те же спросили:

— Откуда?

Они же ответили:

— В лесу, на горах, над рекою Днепром.

Опять спросили старцы хазарские:

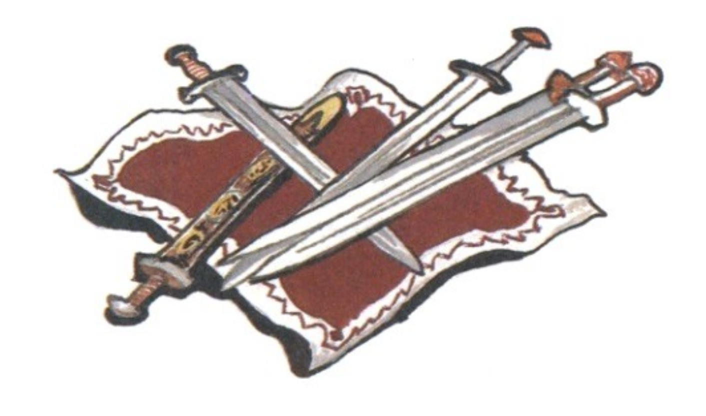
— А что дали?

Они же показали мечи.

И сказали старцы:

— Не добрая это дань, княже. Мы доискались ее оружием, острым с одной стороны,— саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи: придет день, когда они будут собирать дань и с нас и с иных земель.

И сбылось все: сперва властвовали, после же над самими властвуют, ибо владеют русские князья хазарами и до нынешнего дня.

С этой поры начнем и числа положим

В лето 6360 (852), когда начал царствовать в Греции Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот с этой поры начнем и числа положим.

Земля наша велика и обильна

В лето 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен новгородских, и с мери, со всех кривичей, а хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В лето 6370 (862). Изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было в них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе:

— Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву.

И пошли за море, к варягам, к руси. Те варяги называли себя русью, как другие зовутся свеи, а иные норманы, другие готы, так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь:

— Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами.

И собрались трое братьев со своими родами и взяли с собою всю русь и пришли. И сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус,— на Белоозере, а третий, Трувор,— в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — люди новгородские от рода варяжского, а прежде были словене.

После же двух лет умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть Рюрик и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк,

этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в тех городах — пришельцы, а первое население в Новгороде — словене, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и теми всеми владел Рюрик.

Было у Рюрика два мужа, Аскольд и Дир

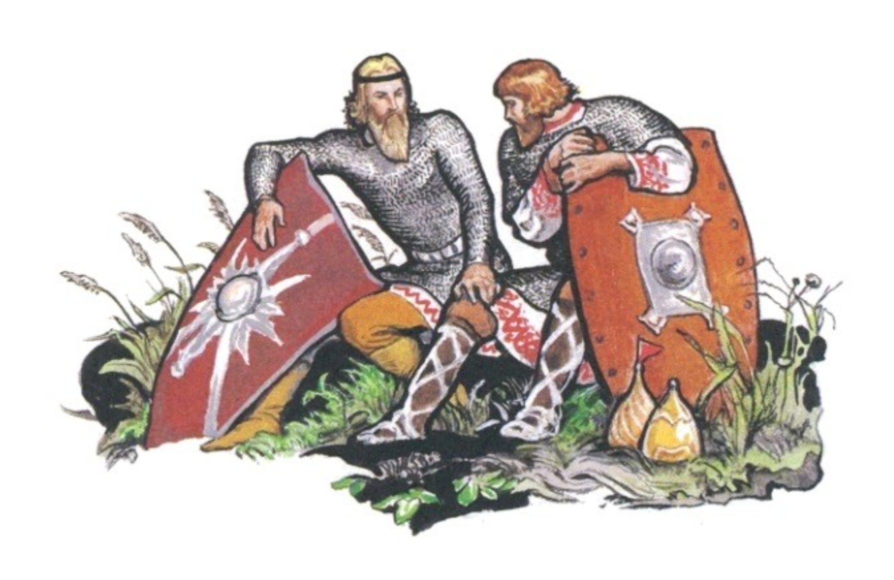
Было у Рюрика два мужа, не родичи его, но бояре, Аскольд и Дир. И отпросились они в Царьград с родом своим. И пошли они по Днепру, и когда плыли мимо, увидели на горе городок. И спросили:

— Чей это городок?

Тамошние же жители ответили:

— Было три брата — Кий, Щек и Хорив, они построили городок этот и умерли, а мы, их род, тут сидим и платим дань хазарам.

Аскольд и Дир остались в городе том, собрали у себя много варягов и начали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

Начали братья эти составлять славянскую азбуку

Был един народ славянский: и те славяне, что сидели по Дунаю, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и ляхи, и поляне, которых теперь называют русь. Для них ведь, первых, для моравов, созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у руси, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещеными, князья их, Ростислав, Святополк и Коцел, послали к царю греческому Михаилу, говоря:

— Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил и поучил нас и истолковал святые книги, ибо не знаем мы ни греческого языка, ни латинского. Одни учат нас так, а другие иначе, от того не знаем ни начертания букв, ни их значения. Пошлите нам учителей, которые могли бы нам рассказать о книжных словах и о смысле их.

Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им речи славянских князей. И сказали философы:

— Есть муж в Солуни, именем Лев. У него два сына, искусные философы, разумеющие славянский язык, Кирилл и Мефодий.

Царь, узнав об этом, послал в Солунь ко Льву, говоря:

— Пошли к нам скорей сыновей своих, Кирилла и Мефодия.

Лев вскоре послал их и, когда они пришли, сказал им:

— Прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги.

И уговорил их царь и послал в Славянскую землю. Когда же братья эти пришли, начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол, Евангелие и Псалтырь и другие книги. И собрали хороших скорописцев и перевели все книги полностью с греческого языка на славянский в шесть месяцев, начав в марте, а закончив 26 октября.

А славянский язык и русский — одно, ибо от варягов прозвались русью, а сперва были славяне. Хотя и назывались полянами, ибо в поле сидели, но у них была славянская речь, а язык славянский — един.

Это будет мать городам русским

В лето 6387 (879). Умер Рюрик, передав княжение свое Олегу — родичу своему и отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

В лето 6390 (882). Пошел Олег, взяв с собой много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей — и пришел к Смоленску, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда пошел вниз и взял Любеч и посадил мужей своих. Придя к горам к Киевским, узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. И спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам подошел к горам, неся ребенка Игоря. И послал сказать Аскольду и Диру:

— Мы — гости, идем в Греки от Олега и от княжича Игоря. Выходите к нам, к родичам своим.

Когда же Аскольд и Дир пришли, воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру:

— Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода.

А когда вынесли Игоря, сказал:

— Вот он, сын Рюрика.

И убили Аскольда и Дира, и отнесли на гору, и погребли их на горе, где ныне Ольмин двор. На той могиле Ольма поставил церковь святого Николы. А Дирова могила за церковью святой Ирины.

И сел Олег, княжа в Киеве, и сказал Олег:

— Это будет мать городам русским.

И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами

Были у Олега варяги и словене и прочие, прозывавшиеся русью.

Этот Олег начал города ставить и установил дани словенам, и кривичам, и мери; установил и варягам давать дань от Новгорода триста гривен в лето, мира ради, что и давали варягам до смерти Ярослава.

В лето 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал с них дань по черной кунице.

В лето 6392 (884). Пошел Олег на северян и победил северян, и возложил на них дань легкую — и не дал им платить дань хазарам, говоря:

— Я их противник, и вам ни к чему им платить.

В лето 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая:

— Кому даете дань?

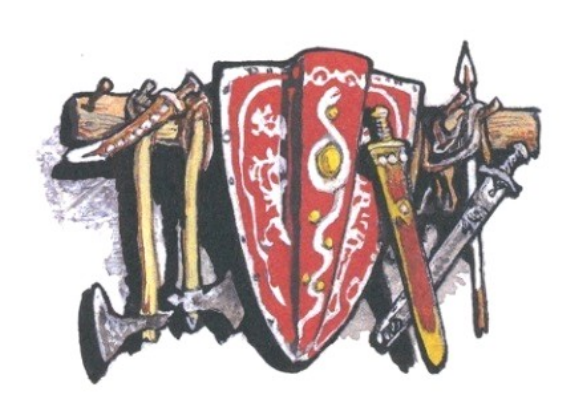
Они же ответили:

— Хазарам.

И сказал им Олег:

— Не давайте хазарам, но платите мне.

И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

И повесил Олег щит свой на вратах Царьграда

В лето 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же он с собою множество варягов, и словен, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов — всех их называют греки «Великая Скифь». И с этими со всеми пошел Олег на конях и на кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду. Греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег и начал воевать. И много убийства сделал около города, и разбил много палат, и церкви пожег. А тех, кого брали в плен, одних иссекали, других же мучили, иных расстреливали, а иных в море бросали. И много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И так как был попутный ветер с поля, то подняли они паруса и пошли к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав послов к Олегу:

— Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь.

И остановил Олег воинов, и вынесли ему греки яства и вино, но не принял Олег вина, ибо было оно отравлено. Испугались греки и сказали:

— Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога.

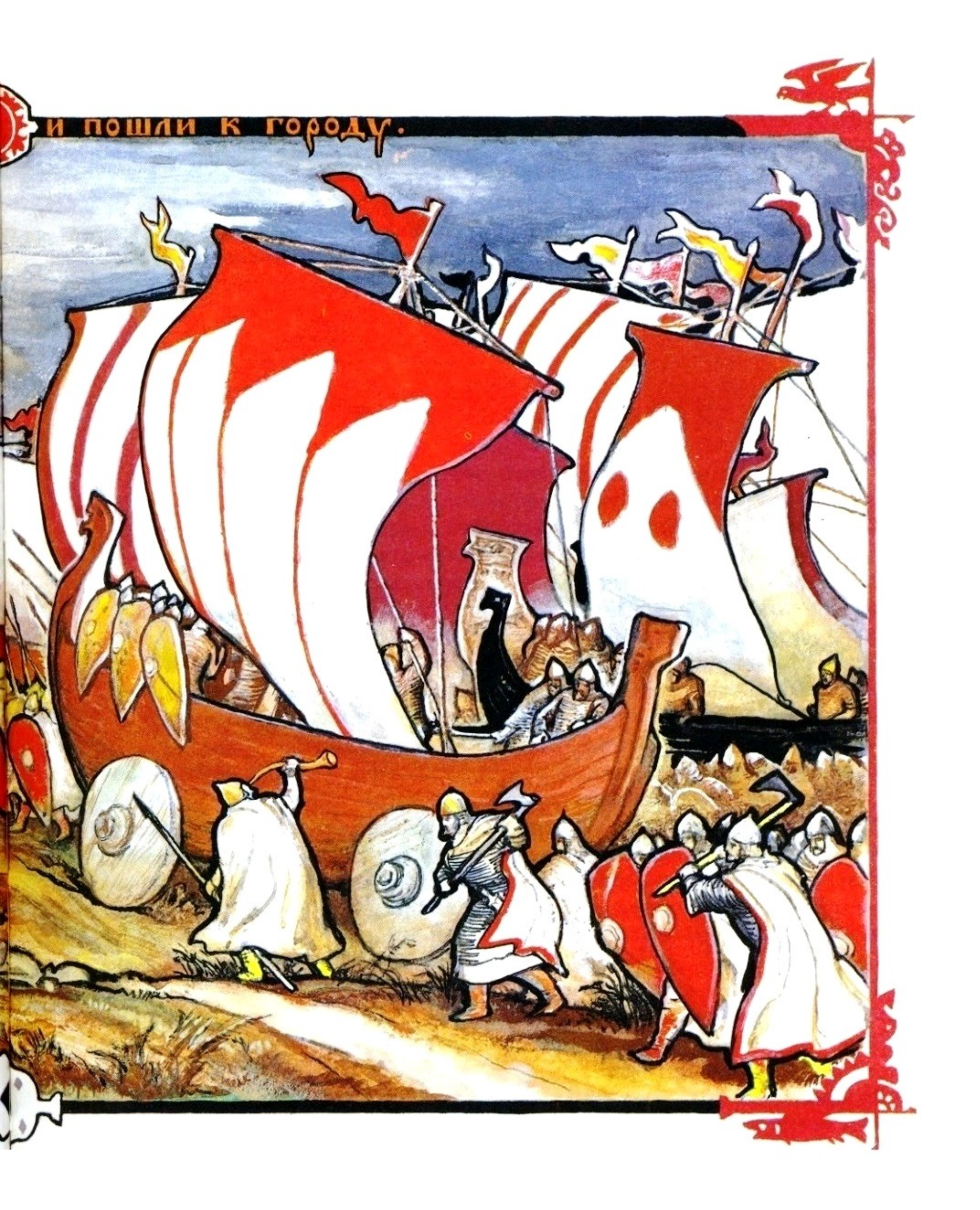
И приказал Олег грекам дать дани на две тысячи кораблей, по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей; а потом дать дани для русских городов: прежде всего для Киева, а затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов, ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу.

И согласились на это греки, и начали они просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. И обещали греческие цари уплачивать дань. И давали друг другу присягу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те оружием своим и Перуном, богом своим, и Велесом, богом скота, и утвердили мир.

И сказал Олег:

— Сшейте для руси паруса из паволок, а словенам — полотняные.

...подняли они паруса

и пошли к городу.

И было так. И повесил Олег щит свой на вратах Царьграда, показуя победу, и пошел от греков. И подняла русь паруса из паволок, а словене — полотняные, и разодрал их ветер. И сказали словене:

— Возьмем свои холщовые паруса, не дали словенам парусов из паволок.

И пришел Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

И вспомнил Олег коня своего

В лето 6420 (912). И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить и уже не садился на него. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников:

— От чего мне умереть?

И сказал ему кудесник один:

— Княже! Коня любишь и ездишь на нем,— от него тебе и умереть!

И запали слова эти в душу Олегу, и сказал он:

— Никогда не сяду на него и не увижу его больше.

И повелел кормить коня и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока ходил на греков.

Когда прошло четыре лета, на пятое, пришел Олег от Царьграда в Киев и вспомнил своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшего конюха и сказал:

— Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?

Он же ответил:

— Уже умер!

Олег засмеялся и укорил того кудесника, сказав:

— Неправду говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив.

И повелел оседлать себе коня:

— Да увижу кости его.

И приехал на место, где лежали его кости голые и череп голый, слез с коня и, посмеявшись, сказал:

— От сего ли черепа смерть мне принять?

И ступил ногою на череп. И выползла змея из черепа и ужалила его в ногу. И с того разболелся и умер. И оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и до сего дня, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Пошел Игорь на греков

В лето 6421 (913). По смерти Олега стал княжить Игорь.

В лето 6449 (941). Пошел Игорь на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и начал трубами пускать огонь на ладьи русские. И было видно страшное чудо. Русские, увидев пламень, бросились в воду морскую, стремясь спастись. Но только немногие возвратились восвояси. И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне.

— Будто молнию небесную,— говорили они,— имеют у себя греки, и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их.

Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов, желая снова идти на них.

В лето 6452 (944). Игорь собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев,— и нанял печенегов и заложников у них взял, и пошел на греков в ладьях и на конях, желая отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману, царю греческому, со словами:

— Вот идут русские, нет числа кораблям их, покрыли море корабли.

Также и болгары послали весть, говоря:

— Идут русские и наняли с собою печенегов.

Услышав об этом, царь послал к Игорю лучших бояр с мольбою:

— Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани.

Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину и начал с нею держать совет и поведал ей речь цареву. Сказала же дружина Игорева:

— Если так говорит царь, то чего нам еще нужно: не бившись, возьмем золото, и серебро, и паволоки! Ведь никто не знает, кто одолеет: мы или они! Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: общая смерть всем.

И послушал их Игорь и, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси.

В лето 6453 (945). И послал Игорь мужей своих к Роману, царю греческому, восстановить прежний мир. Роман же созвал бояр и сановников. И привели греки русских послов к своему царю, и велели им говорить, и записывали все речи на хартию. И клялись русские и греки хранить любовь правую, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и во все будущие.

Когда послы Игоревы пришли в Киев с послами греческими, Игорь призвал греческих послов и сказал им:

— Говорите, что сказал вам царь?

И отвечали послы царевы:

— Царь хочет иметь мир и любовь с князем русским. Царь наш давал твоим послам клятву хранить мир, и нас послал царь, чтобы ты и мужи твои дали нам клятву о том же.

Обещался Игорь так и сделать. Наутро призвал он послов и привел их на холм, где стоял Перун, и положил оружие свое, и щиты, и золото, и стали клясться Игорь и мужи его. И, утвердив мир, отпустил Игорь послов греческих, одарив их мехами, челядью и воском.

Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо

И стал Игорь замышлять поход на древлян, желая взять с них больше дани.

В лето 6453 (945). Сказала дружина Игорю:

— Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, княже, с нами за данью, и ты добудешь и мы.

И послушал их Игорь: пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его.

Взяв дань, пошел Игорь в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал дружине своей:

— Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще.

И отпустил дружину свою домой, а сам с малой дружиной возвратился, желая большего богатства.

Древляне же, услышав, что идет опять, держали совет с князем своим Малом:

— Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит.

И послали к нему, говоря:

— Почто идешь опять? Забрал уже всю дань.

И не послушал их Игорь. И, выйдя из города Искоростеня, древляне убили Игоря и дружину его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня, в Древлянской земле, и до сего дня.

Хочу мстить за обиду мужа своего

Ольга, вдова Игоря, была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его Асмуд, и воевода был Свенельд.

Сказали же древляне:

— Вот убили мы князя русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава, сына ее, возьмем и сделаем ему что захотим.

И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали под Боричевым в ладье, ибо тогда вода текла под горой Киевской, и на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был, где ныне двор Гордятин и Никифоров; а княжой двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чюдина, и был вне города другой двор, где стоит теперь двор служителя за церковью святой Богородицы, а над горою двор теремной, был там терем каменный.

И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала их Ольга к себе и сказала им:

— Добрые гости пришли.

И ответили древляне:

— Пришли, княгиня.

И сказала им Ольга:

— Говорите, чего ради пришли сюда?

Ответили ей древляне:

— Послала нас Древлянская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, ибо муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, ибо пасут Древлянскую землю. Поди замуж за князя нашего, за Мала».

Было ведь имя ему, князю древлянскому, Мал.

Сказала же им Ольга:

— Люба мне речь ваша. Мужа моего мне уже не воскресить, но хочу почтить вас завтра перед людьми своими, а ныне идите в свою ладью и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье». И вознесут вас в ладье.

И отпустила их к ладье. Ольга повелела выкопать на теремном дворе вне города яму великую и глубокую, наутро же, сидя в тереме, послала за гостями. И пришли к ним и сказали:

— Зовет вас Ольга для чести великой.

Они же ответили:

— Не едем на конях, ни на возах, ни пеши не идем, но понесите нас в ладье.

Ответили киевляне:

— Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя.

И понесли их в ладье. Они же сидели важно, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их во двор к Ольге. Как несли, так и сбросили их с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга:

— Хороша ли вам честь?

Они же ответили:

— Пуще нам Игоревой смерти.

И повелела засыпать их живыми. И засыпали их.

И послала Ольга к древлянам, и сказала им:

— Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди.

Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Древлянскою землею, и прислали за ней.

Когда же древляне пришли, велела Ольга приготовить баню, говоря им так:

— Вымывшись, придите ко мне.

И разожгли баню, и влезли в нее древляне и начали мыться. И заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от дверей, тут и сгорели все.

И послала Ольга к древлянам, говоря так:

— Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у города, где убили мужа моего, да попла́чусь на могиле его и устрою тризну мужу своему.

Они же, услышав о том, свезли множество медов и заварили их.

Ольга же, взяв малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле и плакала по мужу своему. И повелела людям своим насыпать великую могилу, и, когда насыпали, повелела совершать тризну. После того сели древляне пить, и повелела Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге:

— Где дружина наша, которую послали за тобой?

Она же ответила:

— Идут за мною с дружиною мужа моего.

И когда упились древляне, велела отрокам своим пить за них, а сама

отошла прочь и велела дружине своей сечь древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга возвратилась в Киев.

В лето 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Древлянскую землю. И вышли древляне против нее. И сошлись оба полка. Бросил копьем Святослав в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило в ноги коню, ибо был Святослав еще ребенок. И сказал Свенельд, воевода отца его:

— Князь уже начал; ударим, дружина, за князем.

И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах.

А Ольга устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили мужа ее, и стала около города с сыном своим, а древляне затворились в городе и крепко бились из города, ибо знали, что сами убили князя и на что себя обрекли.

И стояла Ольга все лето и не могла взять города и замыслила так: послала к городу со словами:

— До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и платят дань и уже возделывают нивы свои и земли свои, а вы, не желая платить дани, хотите умереть с голоду.

Древляне же ответили:

— Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего.

Сказала же им Ольга:

— Я мстила уже за обиду мужа своего, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз мстила я, когда устроила тризну по мужу своему. Больше уже не хочу мстить, хочу только взять с вас небольшую дань и, замирившись с вами, уйду прочь.

Спросили же древляне:

— Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе медом и мехами.

Она же сказала:

— Нынче у вас нет ни меду, ни мехов, вы ведь изнемогли в осаде. Я же не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, оттого и прошу у вас мало: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья.

Древляне обрадовались и собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном.

Ольга же сказала им:

— Вот вы уже и покорились мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю и пойду в свой город.

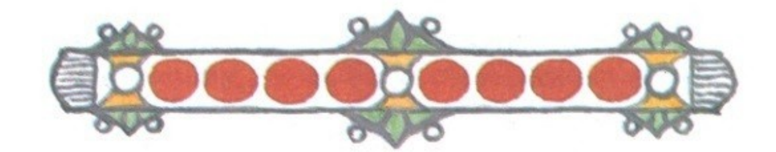
Древляне же с радостью вошли в город и поведали людям, и обрадовались люди в городе.

Ольга же раздала воинам — кому по голубю, кому по воробью — и повелела к каждому голубю и воробью привязывать тлеющий трут, завертывая его в маленькие платки и ниткой привязывая к каждому. И повелела Ольга своим воинам, когда станет смеркаться, пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, воробьи же под стрехи. И так загорелись — где голубятни, где клети, где сараи и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как все дворы загорелись сразу.

И побежали люди из города, и повелела Ольга своим воинам хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей кого убила, кого отдала в рабство мужам своим, а прочих оставила платить дань. И возложила на них тяжкую дань. Две части дани шли Киеву, а третья Вышгороду к Ольге, ибо был Вышгород град Ольгин.

И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая уставы и уроки. И сохранились места ее стоянок и охот до сих пор.

Пошла Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани, и по Луге — оброки и дани. Ловища ее есть по всей земле, и сани ее стоят во Пскове до сего дня, и по Днепру и по Десне есть места ее для ловли птиц; есть доселе и село ее Ольжичи. И, упорядочив все, возвратилась к сыну своему в Киев и жила с ним в любви.

Перехитрила ты меня, Ольга

В лето 6463 (955). Пошла Ольга в Греки и пришла к Царьграду. Был тогда царь Константин, сын Леонов, и пришла к нему Ольга. И увидел царь, что она красива лицом и разумна, подивился ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей:

— Достойна ты царствовать с нами в граде нашем.

Она же, уразумев это, ответила царю:

— Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь.

И крестил ее царь с патриархом. Было же наречено ей имя во крещении Елена, как и древней царице, матери Великого Константина. И поучал ее патриарх. Она же стояла, склонив голову, внимая учению, как губка напояемая. И благословил ее патриарх и отпустил.

После крещения призвал ее царь и сказал ей:

— Хочу взять тебя в жены себе.

Она же ответила:

— Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал меня дочерью? А у христиан не разрешается этого — ты сам знаешь.

И сказал ей царь:

— Перехитрила ты меня, Ольга.

И дал ей дары многие: золото и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью.

Пришла Ольга в Киев и учила Святослава, сына своего, принять крещение, но он не внимал тому, говоря:

— Как мне одному принять иную веру? А дружина моя смеяться начнет,— и продолжал жить по языческим обычаям, но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем.

Иду на вы

В лето 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, начал он собирать много храбрых воинов. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так и ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные страны со словами: «Иду на вы».

И пошел на Оку-реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им:

— Кому дань даете?

Они же ответили:

— Хазарам по щелягу от сохи даем.

В лето 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. И в битве одолел Святослав хазар и столицу их взял. И победил ясов и касогов.

В лето 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В лето 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай, на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял восемьдесят городов их по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков.

Пришли впервые печенеги на Русскую землю

В лето 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце на Дунае. И затворилась Ольга в Киеве со внуками своими Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни ве́сти послать. Нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. Изнемогали люди от голода и жажды.

И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу. И нельзя было ни одному из них войти в Киев, ни из Киева к ним. И стали тужить люди в городе и сказали:

— Нет ли кого, кто бы мог перейти на ту сторону и сказать им: если не подступите наутро к городу, сдадимся печенегам?

И сказал один отрок:

— Я пройду.

И ответили ему:

— Иди.

Он же вышел из города с уздечкой и побежал сквозь стан печенегов, спрашивая их:

— Не видел ли кто коня?

Ибо умел он говорить по-печенежски, и принимали его за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Видя это, печенеги устремились за ним, стреляли в него из луков, но не могли ему ничего сделать.

На том берегу видели это, подъехали к нему в ладье и взяли его в ладью, и привезли его к дружине. И сказал он им:

— Если не подступите завтра к городу, то сдадутся люди печенегам.

Сказал же воевода их, по имени Претич:

— Подступим завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на эту сторону. Если же этого не сделаем, погубит нас Святослав.

Наутро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенеги же подумали, что пришел сам князь, и побежали от города. И вышла Ольга с внуками и с людьми к ладьям.

Печенежский же князь, видя это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил:

— Кто это пришел?

А тот ему ответил:

— Люди той стороны Днепра.

Печенежский князь снова спросил:

— А ты не князь ли?

Претич же ответил:

— Я муж его и пришел в сторо́жах, а за мной идет полк с самим князем: бесчисленное их множество.

Так сказал он, чтобы пригрозить им. Князь же печенежский сказал Претичу:

— Будь мне другом.

Тот ответил:

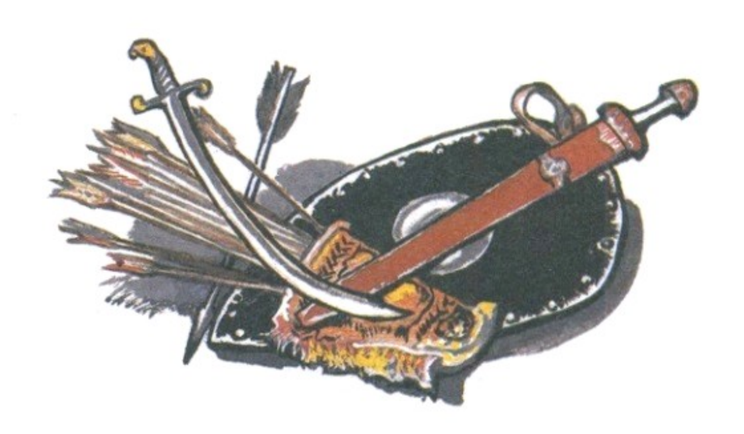
— Так и сделаю.

И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю, стрелы. Он же дал ему кольчугу, щит, меч. И отступили печенеги от города.

И послали киевляне к Святославу со словами:

— Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если ты не придешь и не защитишь нас, то возьмут нас. Или не жаль тебе своей отчины, ни старой матери, ни детей своих?

Услышав это, Святослав быстро сел на коня и пришел в Киев с дружиною своею. Он поцеловал мать и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов и прогнал печенегов в поле, и был мир.

Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае

В лето 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам:

— Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, там середина земли моей, туда стекаются все блага: от Грек — золото, паволоки, вина, различные плоды; из Чехии и из Угор — серебро и кони; из Руси же — меха и воск, мед и челядь.

Отвечала ему Ольга:

— Видишь, что я больна? Куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня, тогда иди куда хочешь.

Через три дня умерла Ольга, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди. И понесли и похоронили ее.

В лето 6478 (970). Святослав посадил Ярополка, сына своего старшего, в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли люди новгородские просить себе князя.

— Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя.

И сказал им Святослав:

— Кто же пойдет к вам?

И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня:

— Просите Владимира.

Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни, и был Добрыня дядей Владимиру.

И сказали новгородцы Святославу:

— Дай нам Владимира.

Он же сказал им:

— Вот он вам.

И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, дядей своим, в Новгород, а Святослав в Переяславец на Дунае.

Не посрамим земли Русской

В лето 6479 (971). Пришел Святослав к Переяславцу, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на сечу против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам:

— Здесь нам и пасть! Постоим же мужественно, братья и дружина!

И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами:

— Хочу на вас идти и взять столицу вашу, как взял и этот город.

И сказали греки:

— Мы не можем стоять против вас, возьми с нас дань, но скажи, сколько вас, мы дадим по числу мужей.

Так говорили греки, обманывая русских. И сказал им Святослав:

— Нас двадцать тысяч,— и прибавил он десять тысяч, ибо было русских только десять тысяч.

И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Увидев их, русские сильно испугались такого великого множества воинов, и сказал Святослав:

— Уже нам некуда деться, волею или неволею — должны сразиться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем костьми, ибо мертвые срама не имам. Если же побежим, срам нам будет. Не побежим, но станем крепко, я же пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о себе сами позаботьтесь.

И ответили воины:

— Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим.

И исполчились русские, и была сеча великая, и одолел Святослав, и побежали греки. И пошел Святослав к Царьграду, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты.

И созвал греческий царь бояр своих в палату и сказал им:

— Что нам делать? Не можем противостоять ему!

И сказали ему бояре:

— Пришли ему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?

...и исполчились русские,

И БЫЛА СЕЧА ВЕЛИКАЯ...

И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его взором, и лицом, и мыслями!»

Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал Святослав:

— Введите их сюда.

Те вошли и поклонились ему и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону:

— Спрячьте.

Греки вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали:

— Пришли мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать.

И сказал один:

— Испытай его еще раз: пошли ему оружие.

Они же послушали его и послали Святославу меч и другое оружие. И поднесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Опять вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре:

— Лют будет сей муж, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань.

И послал к нему царь, говоря так:

— Не ходи к столице нашей, возьми дани сколько хочешь.

Ибо немного не дошел Святослав до Царьграда. И дали ему дани. Он же брал и на убитых, говоря:

— Возьмет за убитого род его.

Взял же даров много и возвратился в Переяславец со славою великою и начал совещаться с дружиной своей, говоря так:

— Если не заключим мира с царем и он узнает, что нас мало, то придут греки и обступят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги же с нами воюют, а кто нам поможет? Заключим мир с царем, ибо он уже обещал давать нам дани — и того с нас довольно. Если же перестанет давать дань, тогда, собрав много воинов, снова пойдем из Руси к Царьграду.

И люба была эта речь дружине, и послали лучших мужей к царю в Доростол. Царь же наутро призвал их и сказал:

— Пусть говорят послы русские.

И повелел писцу писать все речи Святослава на хартию. И начал посол говорить, а писец писать. Говорил же он так:

— Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву свою: хочу вместе с русскими, которые подо

мною, с боярами и прочими, иметь мир и полную любовь с великим царем греческим и со всеми людьми вашими до скончания века. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты богом, в которого веруем,— Перуном и Велесом, богом скота, и да будем желты, как золото, и да будем иссечены своим же оружием. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями.

И сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него

Заключил Святослав мир с греками и взял много даров. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы, обманув, не убили нас — и дружину мою и меня». Ведь многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины». И пошел в ладьях к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд:

— Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги.

И не послушал его Святослав, пошел на ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать:

— Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа.

Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился Святослав зимовать, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову. И тут зимовал Святослав.

В лето 6480 (972). Когда наступила весна, пошел Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский. И убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. И всех лет княжения Святослава было двадцать восемь.

Поди на брата своего и захвати волость его

В лето 6481 (973). Начал княжить в Киеве Ярополк, а воевода его был Свенельд.

В лето 6483 (975). Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и погнал зверя в лесу. И увидел его Олег, брат Ярополка, и спросил:

— Кто это?

И ответили ему:

— Свенельдич.

И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И была оттого ненависть между Ярополком и Олегом. И всегда говорил Свенельд Ярополку:

— Поди на брата своего и захвати волость его.

Свенельд говорил так, желая отомстить за сына своего.

В лето 6485 (977). Пошел Ярополк на Олега, брата своего, в Древлянскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в битве победил Ярополк Олега. Побежал Олег с воинами своими в город, называемый Вручий. Был мост через ров к городским воротам, и люди, теснясь на нем, пихали друг друга в ров. И спихнули Олега с моста вниз. Много людей попадало в ров с конями, и давили кони людей.

И вошел Ярополк в город Олегов, и взял волость его, и послал искать брата своего. И сказал один древлянин:

— Я видел, как вчера спихнули его с моста.

И послал Ярополк искать брата, и выволакивали трупы изо рва с утра и до полудня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И, придя, Ярополк плакал над ним и сказал Свенельду:

— Смотри, этого ты и хотел!

И похоронил Олега в поле у города Вручего, и есть могила его у Вручего и до сего дня. И принял волость его Ярополк.

Не хочу разуть сына рабыни

В лето 6488 (980). Сел Владимир, сын Святослава, в Новгороде и послал к Рогволоду. Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть в Полоцке. Велел Владимир сказать:

— Хочу дочь твою Рогнеду взять к себе в жены.

Тот же спросил у дочери своей:

— Хочешь ли за Владимира?

Она же ответила:

— Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка.

И пришли отроки Владимира и сказали ему всю речь Рогнеды — дочери Рогволода, князя полоцкого. Владимир же собрал много воинов — варягов и словен, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время уже вели Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел Владимир на Ярополка, брата своего

И пошел Владимир на Ярополка, брата своего, и пришел в Киев с большим войском, а Ярополк не смог стать против него и затворился в Киеве с людьми своими и с воеводой Блудом. И стоял Владимир, окопавшись, между Дорогожичем и Капичем, и есть ров тот и до сего дня.

И послал Владимир к Блуду — воеводе Ярополка — с лживыми словами:

— Будь мне другом! Если убьют брата моего, то будешь мне вместо отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, вышел против него.

И сказал Блуд послам Владимировым:

— Буду с тобой в любви и в дружбе.

О злая ложь человеческая! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, задумал на меня ложь». Блуд же обманом задумал коварство на своего князя. И еще сказал тот же Давид: «Муж кровожадный и коварный не доживет и до половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумны те, кто, приняв честь и дары от князя или от господина своего, замышляют погубить главу его, хуже они бесов. Так и Блуд предал князя своего, приняв от него большую честь, потому и повинен в крови той.

Засел Блуд в осаду вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, говорил ему:

— Беги из города, хотят киевляне предать тебя.

И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне, в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был в Родне большой голод, так что есть поговорка и до сего дня: «Беда, как в Родне».

И сказал Блуд Ярополку:

— Видишь, сколько воинов у брата твоего. Нам его не победить. Заключай мир с братом своим.

Так говорил, обманывая его. И сказал Ярополк:

— Да будет так!

И послал Блуд к Владимиру, говоря так:

— Сбылась мысль твоя, приведу к тебе Ярополка: приготовься убить его.

Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной и сел там с воинами и дружиною своею.

И говорил Блуд Ярополку:

— Поди к брату своему и скажи ему: «Я приму все, что ты дашь мне».

Ярополк пошел, а Варяжко говорил ему:

— Не ходи, княже, убьют тебя. Беги к печенегам и приведешь от них воинов.

Но не послушал его Ярополк. И пришел он к Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его на мечи под пазуху. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так был убит Ярополк.

Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора к печенегам и много потом воевал с ними против Владимира. Едва привлек его Владимир к себе, дав ему клятву.

И поставил Владимир кумиры на холме

И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за двором теремным: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокоша. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвами своими.

Владимир посадил Добрыню, дядю своего, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы, как богу.

Идите к болгарам, к немцам и к грекам, испытайте веру их

В лето 6494 (986). Пришли болгары Махметовой веры и немцы от папы из Рима, а после них хазарские евреи, и хвалили каждый закон свой. Затем прислали греки к Владимиру философа. Он много говорил о жизни и смерти, о добре и зле, о бытии всего мира. И запали Владимиру на сердце слова эти. Но он хотел еще узнать о всех верах и сказал:

— Подожду еще немного.

В лето 6495 (987). И созвал Владимир бояр своих и старцев и сказал им:

— Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». После приходили немцы от папы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, они хулили все законы, а свой восхваляли. Что же вы посоветуете, что ответите?

И сказали бояре и старцы:

— Знай, княже, что своего никто не хулит, но хвалит. Если хочешь доподлинно узнать, то пошли своих мужей, пусть разузнают, кто как служит богу.

И была люба речь князю и всем людям; избрали мужей славных и разумных, числом десять, и сказали им:

— Идите к болгарам, к немцам и к грекам, испытайте веру их.

Пошли русские послы к болгарам, к немцам и грекам. Когда они возвратились, созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им:

— Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними.— И обратился к послам: — Говорите перед дружиною.

Они же сказали:

— Ходили мы к болгарам, смотрели, как они молятся в мечети, и нет в них веселья, только печаль великая. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их многие службы, а красоты не видели никакой. И пришли мы в Греки, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе мы или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького: так и мы не можем уже быть в язычестве.

Сказали же бояре:

— Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя, Ольга, а была она мудрейшей из всех людей.

И спросил Владимир:

— Где примем крещение?

Они же сказали:

— Где тебе любо.

Пошел Владимир на Корсунь, город греческий

И когда прошел год, в лето 6496 (988), пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам:

— Если не сдадитесь, то буду стоять хоть три года.

Они же не послушались того.

Владимир, подготовив войско свое, повелел присыпать насыпь к городским стенам. Но корсуняне, подкопав стену городскую, выкрадывали насыпанную землю и носили ее к себе, ссыпая посреди города. Воины же Владимира насы́пали еще больше, а Владимир стоял.

И вот муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу в стан русский, так написав на ней: «За тобою с востока источники, из них вода идет по трубам в город. Перекопай их и перейми воду».

Владимир, услышав об этом, тотчас повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своей и послал сказать к царям греческим, было тогда два царя в Царьграде:

— Вот взял я ваш город славный. Слышал же я, что у вас есть сестра девица; если вы не отдадите ее за меня замуж, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу.

И, услышав это, опечалились цари. И послали Владимиру весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и сестру нашу получишь, и с нами единоверен будешь. Если же не хочешь сделать этого, то не можем выдать ее за тебя».

Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей:

— Скажите царям так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и люба мне вера ваша и богослужение, о котором рассказывали мне посланные нами мужи.

Рады были цари, услышав это, и послали к Владимиру, говоря:

— Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе.

Ответил же Владимир:

— Кто придет с сестрою вашею, пусть и крестит меня.

И стали цари просить сестру свою, Анну, говоря ей:

— Иди за Владимира, может быть, ты избавишь Греческую землю от лютой войны. Видишь ли, сколько зла наделала Русь грекам? Теперь же если не пойдешь, то сделают и нам то же, что в Корсуни.

Она же не хотела идти, говоря:

— Как в полон иду, лучше бы мне здесь умереть.

И едва принудили ее цари. Она же с плачем попрощалась с ближними своими, села в корабль и пошла через море. И прибыла в Корсунь, и вышли корсуняне к ней с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате.

Епископ же корсунский с царицыными попами крестил Владимира. Многие дружинники, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в Корсуни посреди города, где собираются корсуняне на торг. Палата же Владимира стоит рядом с церковью и до сего дня, а царицына палата — за алтарем. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Василёве, а другие и по-иному скажут.

Вышел Владимир на Днепр, и собралось там людей без числа

Владимир взял царицу, и Анастаса, и попов корсунских, взял и сосуды церковные, и иконы, двух медных идолов и четырех медных коней, которые и ныне стоят за церковью святой Богородицы Десятинной и про которых невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам пришел в Киев.

Когда Владимир пришел в Киев, он повелел опрокинуть кумиры — одних велел изрубить, а других предать огню. Перуна же повелел привязать к хвосту коня и волочить с горы по Боричеву к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его палками. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но на поругание бесу, который обманывал

людей в этом образе, чтобы принял он возмездье от людей. «Велик ты, господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем!

Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные люди, ибо еще не приняли они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им:

— Если пристанет где к берегу, отпихивайте его, а когда пройдет пороги, тогда оставьте его.

Они же исполнили, что им было велено. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло то место Перуньей отмелью, как слывет и до сего дня. Затем послал Владимир по всему городу сказать:

— Если не придет кто завтра на реку креститься — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб,— будет мне врагом.

Услышав это, с радостью пошли люди, говоря:

— Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь и бояре.

Наутро вышел Владимир с попами царицыными и с корсунскими на Днепр, и собралось там людей без числа. Вошли в воду и стояли одни по шею, а другие по грудь, молодые у берега, иные держали младенцев, а совершенные летами бродили по воде, попы же стояли и совершали молитвы. И была радость на небесах и на земле о стольких спасаемых душах, а дьявол говорил, сетуя:

— Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь я думал иметь жилище и веселился, что служили мне. И вот уже побежден не апостолами, не мучениками, а неведующим гласа божьего. И не буду я царствовать здесь.

Люди, крестившись, пошли каждый в дом свой. Владимир же повелел рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь святого Василия на холме, где стоял кумир Перуна и другие и где творили им жертвы князь и люди. И по другим городам начал ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в ученье книжное. Матери же детей этих плакали по ним, как по мертвым, ибо не утвердились они еще в вере.

Владимир просветился сам, и сыновья его, и земля его. И посадил Владимир сыновей своих — Изяслава в Полоцке, Ярослава в Новгороде, Святополка в Турове, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Мстислава же в Тмуторокани.

И сказал Владимир:

— Нехорошо, что мало городов около Киева.

И начал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать лучших мужей от словен, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей и ими населил города те. И была война с печенегами. И воевал с ними, и побеждал их.

В лето 6497 (989). Задумал Владимир создать церковь пресвятой Богородицы и послал привести мастеров от Греков. И начал ее строить, и когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских попов, дав ей все, что взял в Корсуни: иконы, и сосуды, и кресты. И сказал так:

— Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов.

И дал десятую часть Анастасу Корсунянину.

В лето 6499 (991). Владимир заложил град Белгород и набрал в него много людей из иных городов, ибо любил город этот.

Тогда выступил муж Владимира

В лето 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же пришел он с хорватской войны, пришли печенеги с той стороны Днепра от Сулы; Владимир же пошел против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не осмеливались ни наши перейти на ту сторону, ни они на эту.

И приехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему:

— Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года. Если же наш муж бросит твоего оземь, то будем воевать три года.

И разошлись.

Владимир, придя в стан свой, послал глашатаев по всем станам со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенежином?»

И не сыскался нигде.

Наутро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не было никого. И стал тужить Владимир и опять послал глашатая по всему войску. И пришел к князю один старый муж и сказал ему:

— Княже! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он остался дома. С самого детства его никто еще не бросил оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, тогда он рассердился на меня и разодрал кожу руками.

И, услышав такое, князь обрадовался и послал за ним. И привели его к князю, и князь поведал ему все. Тот отвечал:

— Княже! Не знаю, могу ли я с ним схватиться,— испытай меня: нет ли быка большого и сильного?

И нашли быка, большого и сильного. И повелел Владимир разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили. Бык побежал мимо отрока. Схватил он быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила рука. И сказал ему Владимир:

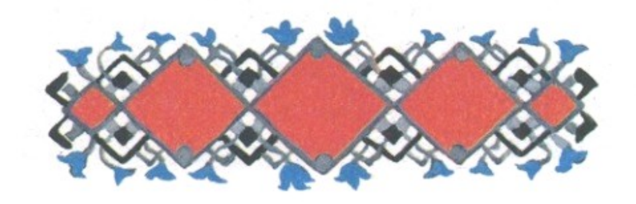
— Можешь бороться с печенегом.

И наутро пришли печенеги и начали вызывать:

— Где же ваш муж? Вот наш уже готов!

Владимир же повелел в ту ночь облечься в оружие, и сошлись обе стороны. Печенеги выставили своего мужа: был же он очень велик и страшен. Тогда выступил муж Владимира, и, увидев его, печенег посмеялся, ибо был он среднего роста. Размерили место между обоими полками и пустили борцов друг против друга. Они схватились и начали крепко жать друг друга, и удавил отрок печенега руками до смерти. И бросил его оземь.

Раздался крик, и печенеги побежали, и русские гнались за ними, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо переял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

Размерили место между обоими полками

и пустили борцов друг против друга.

Завел Владимир на дворе своем в гриднице пиры

Владимир повелел всякому нищему и убогому приходить на княжой двор и брать все, что надобно: питье, и пищу, и деньги из казны. Сказал он так:

— Немощные и больные не могут добраться до моего двора,— и повелел снарядить телеги, наложить на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас и развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?»

И раздавали тем все необходимое.

И еще больше делал он для людей своих: каждое воскресенье завел он на дворе своем в гриднице пиры, чтобы приходили туда бояре, гриди, и сотские, и десятские, и лучшие мужи — при князе и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичи, в изобилии были там всякие яства. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря:

— Горе нашим головам, дает он нам есть деревянными ложками, а не серебряными.

Услышав это, Владимир повелел сковать для дружины серебряные ложки, сказав так:

— Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой доискались с дружиною золота и серебра.

Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве земли, и о войне, и о законах, и жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Лядским, и со Стефаном Угорским, и с Андрихом Чешским. И были между ними мир и любовь. И жил Владимир по заветам отца и деда.

Нас кормит сама земля

В лето 6505 (997). Владимир пошел к Новгороду за воинами против печенегов, так как в это время была беспрерывная великая война. Узнали печенеги, что нет в Киеве князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, печенегов же было многое множество. Затянулась осада, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали:

— Вот уже скоро помрем от голода, а от князя помощи нет. Не лучше ли нам сдаться печенегам, кого-то они убьют, а кого-то оставят в живых: а так все помираем от голода.

На том и порешили.

Один старец не был на том вече, и спросил он:

— О чем было вече?

Люди сказали ему, что утром хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им:

— Слышал, что хотите сдаться печенегам.

Они же ответили:

— Не стерпят люди голода.

И сказал им старец:

— Послушайтесь меня, не сдавайтесь три дня, сделайте, что я вам велю.

Они же с радостью обещали послушаться.

И сказал им:

— Соберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей.

Они же пошли и сыскали. И велел старец женщинам сделать болтушку, из чего кисель варят, и велел выкопать колодец, вставить в него кадь и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь и поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, было оно спрятано в княжеской медуше. И велел сделать из него сыту и вылить в кадь в другом колодце.

Наутро старец повелел послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам:

— Возьмите от нас заложников, а сами пошлите человек с десять в город, посмотреть, что делается в городе нашем.

Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали их в город, чтобы проведали, что делается в городе. Когда пришли они в город, сказали им люди:

— Почто вы губите себя? Разве вы можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что можете сделать нам? Нас ведь кормит сама земля. Если не верите, то посмотрите своими глазами.

И привели печенегов к колодцу, где была болтушка, и почерпнули ее ведром, и вылили в латки, и когда сварили кисель, взяли его и пришли к другому колодцу, и почерпнули из него сыты, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали:

— Не поверят нам князья наши, если не отведают сами.

Люди же налили им корчагу болтушки и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали своим все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и дивились. И, взяв своих заложников, а тех отпустив, поднялись от города и пошли восвояси.

И похоронили тело Владимира с плачем

В лето 6523 (1015). Печенеги пошли походом на Русь. Владимир послал против них сына своего Бориса, а сам сильно разболелся. В этой болезни скончался июля в пятнадцатый день. Умер же он в Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями и, завернув тело Владимира в ковер, спустили веревками на землю, и, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам создал. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, и похоронили тело его с плачем.

Заступники они за землю Русскую

Святополк, старший сын Владимира, сел в Киеве по смерти отца своего. Борис же, брат его, был в походе против печенегов. Когда же он вернулся с воинами, пришла ему весть: «Отец твой умер». И плакал по отце сильно, ибо любим был отцом своим больше всех. И стал на Альте.

Сказала же Борису дружина отцова:

— Вот у тебя отцова дружина и войско: поди сядь в Киеве на столе отца.

Он же отвечал:

— Не подниму руки на брата своего старейшего: если отец у меня умер, то пусть Святополк будет мне вместо отца.

Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался с отроками своими.

Святополк же, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову, как бы погубить своих братьев.

«Перебью всех братьев и стану один владеть Русскою землею»,— думал он. Призвал он вышгородских бояр и сказал им:

— Не говоря никому ни слова, идите и убейте брата моего Бориса.

Они же обещали ему вскоре исполнить это. И пришли они ночью на реку Альту, где был Борис, и напали на его шатер, как звери дикие, и пронзили Бориса копьями, и слугу его с ним, который, защищая, прикрыл его своим телом. Был отрок тот родом угрин, по имени Георгий, и Борис его сильно любил и возложил на него гривну золотую большую. И не могли быстро снять гривну с шеи его, и отсекли ему главу и так сняли гривну, а голову отбросили прочь, оттого после не нашли тела его среди трупов. Избили и иных отроков Борисовых много.

Убив Бориса, окаянные завернули его в шатер, положили на повозку и повезли его, а он еще дышал. Увидел окаянный Святополк, что он еще дышит, и послал двух варягов прикончить его. Они пришли, и один из них извлек меч и пронзил им его сердце. Так скончался блаженный Борис. И положили тело его в церкви святого Василия, тайно принеся его в Вышгород.

Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалясь сделанным, беззаконники. Ведь злой человек, совершая злое дело, хуже беса, ибо бесы бога боятся, а злой человек ни бога не боится, ни людей не стыдится. Бесы креста боятся господня, а человек злой и креста не боится.

Святополк же окаянный, помышляя про себя, сказал: «Вот убил я Бориса: как бы убить Глеба?» И, замыслив Каиново дело, обманывая, послал посла к Глебу, говоря так:

— Приезжай поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен.

Глеб тотчас же сел на коня и пошел с малою дружиною, ибо всегда был послушен отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле споткнулся конь его и повредил себе немного ногу. И пришел в Смоленск и стал на Смядыне в насаде. В это время пришла ему весть об отцовой смерти и об убийстве Бориса.

— Не ходи, отец твой умер, а брат убит Святополком.

Услыхав об этом, Глеб громко воскликнул со слезами:

— Увы мне, лучше бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое, то умер бы с тобою. Ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего голоса. Один я остался на этом обманчивом свете.

Когда он говорил так, внезапно пришли посланные от Святополка погубить Глеба. Они взяли корабль Глебов и обнажили оружие. Убили окаянные Глеба, как безвинного ягненка, и, возвратясь, сказали Святополку:

— Сделали повеленное тобою.

Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный?» Ночью киевляне увезли тайком тело Глеба и положили его рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

Так были убиты Борис и Глеб. Заступники они за землю Русскую, светильники сияющие. Вот почему мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих, говоря: «Радуйтесь, светлые звезды, утром восходящие. Покорите поганых под ноги князьям нашим, молитесь владыке богу нашему, дабы мирно пребывать в единении и в здравии, избавьте от междоусобные рати и от пронырства дьявола».

Княже, можем за тебя бороться

Ярослав, младший сын Владимира, сидел в Новгороде и не знал еще об отцовой смерти. Было у него множество варягов, и творили они зло новгородцам и женам их. Восстали новгородцы и перебили варягов. И разгневался Ярослав и позвал к себе лучших мужей новгородских, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец твой умер, а брат Святополк сидит в Киеве, убив Бориса и Глеба, берегись его». Услышав это, опечалился Ярослав и об отце, и о братьях, и о дружине. Наутро, собрав остаток новгородцев, сказал Ярослав:

— О милая моя дружина, вчера я перебил ее, а сегодня она нужна.

Утер слезы и сказал им на вече:

— Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев своих.

И сказали новгородцы:

— Княже, хотя иссечены братья наши, можем за тебя бороться.

И одолел Ярослав

В лето 6524 (1016). Собрал Ярослав тысячу варягов, а прочих воинов сорок тысяч и пошел на Святополка, сказав:

— Не я начал избивать братьев, но он.

Услышав, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное множество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу, на тот берег Днепра. И не смели ни те, ни эти начать и стояли три месяца друг против друга на обеих сторонах Днепра. И начал воевода Святополка, разъезжая по берегу, насмехаться над новгородцами, говоря:

— Что пришли вы с хромцом этим? Эх вы, плотники. Вот заставим вас хоромы нам рубить.

Слыша это, сказали новгородцы Ярославу:

— Завтра переправимся на ту сторону. Если же кто не пойдет с нами, того сами заколем.

Были уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною своею. Ярослав же наутро, исполчив дружину свою, на рассвете переправился. Высадившись на берег, они оттолкнули ладьи от берега и пошли на противника, и сошлись в схватке. Была сеча злая, и не могли печенеги из-за озера помочь Святополку. Прижали новгородцы Святополка с дружиною к озеру и вступили на лед. Обломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав. Видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Ляхи, а Ярослав сел в Киеве на столе отца и деда.

Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком

В лето 6526 (1018). Пришел Болеслав, король польский, со Святополком и с ляхами на Ярослава. Ярослав же, собрав русских, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка, и стали они по обеим сторонам реки Буга. Был у Ярослава воевода по имени Буды. Он начал смеяться над Болеславом, говоря:

— Смотри, проткнем тебе колом брюхо твое толстое,— ибо был Болеслав так велик и грузен, что и на коне еле сидел, но зато был умен.

И сказал Болеслав дружине своей:

— Если вам не горек укор этот, то я погибну один.

Сел на коня, въехал он в реку, а за ним и воины его. Ярослав же не успел исполчиться, и победил Болеслав Ярослава. И убежал Ярослав с четырьмя мужами в Новгород, и хотел бежать за море, но посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рассек ладьи Ярославовы, говоря:

— Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком.

Болеслав же вошел в Киев со Святополком. И сказал Болеслав:

— Разведите дружину мою по городам на покорм.

И было так. И творили его люди много зла киевлянам. Тогда сказал окаянный Святополк своей дружине:

— Сколько есть ляхов по городам, избивайте их.

И перебили ляхов. Болеслав же побежал из Киева, взяв много богатства, и людей множество увел с собой, и города Червенские забрал, и пришел в свою землю. Святополк же стал княжить в Киеве. И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк в Печенеги.

Принял он муки окаянного

В лето 6527 (1019). Пришел Святополк с печенегами в силе тяжкой, и Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на Альту. Пошли друг на друга, и покрылось поле альтинское множеством воинов. Была же тогда пятница, и на восходе солнца сошлись обе стороны, и была сеча злая, какой не бывало на Руси. И, за руки хватаясь, рубились и сходились трижды, так что кровь текла по низинам. К вечеру одолел Ярослав, а Святополк бежал. И когда бежал он, напал на него бес, и расслабли кости его, и не мог он сидеть на коне и несли его на носилках. Он же говорил:

— Бегите со мною, гонятся за нами.

Отроки же его посылали посмотреть:

— Гонится ли кто за нами?

И не было никого, кто бы гнался вослед, и дальше бежали с ним. Он же лежал в немощи и, привставая, говорил:

— Вон гонятся, ой, гонятся, бегите.

Не мог он вытерпеть на одном месте и пробежал он через Лядскую землю, гонимый божьим гневом, и прибежал в пустынное место между ляхами и чехами и там бедственно окончил жизнь свою. Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти принял он муки окаянного. Есть могила его в том пустынном месте и до сего дня. Исходит из нее смрад зол. Все это бог явил в поученье князьям русским, чтобы знали они, что такую же казнь примут, если сотворят такое злое убийство.

Ярослав же сел в Киеве, утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик.

Чего ради губить нам дружины? Сойдемся да поборемся сами

В лето 6530 (1022). Мстислав, сын Владимира, был в Тмуторокани и пошел на касогов. Услышав то, князь касожский Редедя вышел против него. И когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу:

— Чего ради губить нам дружины? Сойдемся да поборемся сами. Если одолеешь ты, то возьмешь богатство мое, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму все твое.

И сказал Мстислав:

— Да будет так.

И сказал Редедя Мстиславу:

— Не оружием будем биться, но борьбою.

И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав:

— О пречистая богородица, помоги мне! Если одолею его, воздвигну церковь во имя твое.

И, сказав так, ударил им о землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю. И, пойдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, придя в Тмуторокань, воздвиг церковь святой Богородицы, что стоит и до сего дня в Тмуторокани.

И была гроза велика и сеча сильна и страшна

В лето 6532 (1024). Когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмуторокани к Киеву, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове. Тогда Ярослав послал за море звать варягов. И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполчил дружину и поставил северян в чело против варягов, а сам стал с дружиною своею по крылам. И была ночь, была тьма, молния, и гром, и дождь. И сказал Мстислав дружине своей:

— Пойдем на них.

И пошел Мстислав, а Ярослав против него, и схватились северяне с варягами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и начал рубить варягов. И когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. Увидел Ярослав, что его побеждают, и побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял плащ свой золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. И послал Мстислав за Ярославом, говоря:

— Садись в своем Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра.

И не смел Ярослав идти в Киев, пока не помирились. Когда же заключили мир, разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина велика в стране.

Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер

В лето 6544 (1036). Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. Положили его в Чернигове, в церкви святого Спаса, которую сам заложил. Были ведь при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою.

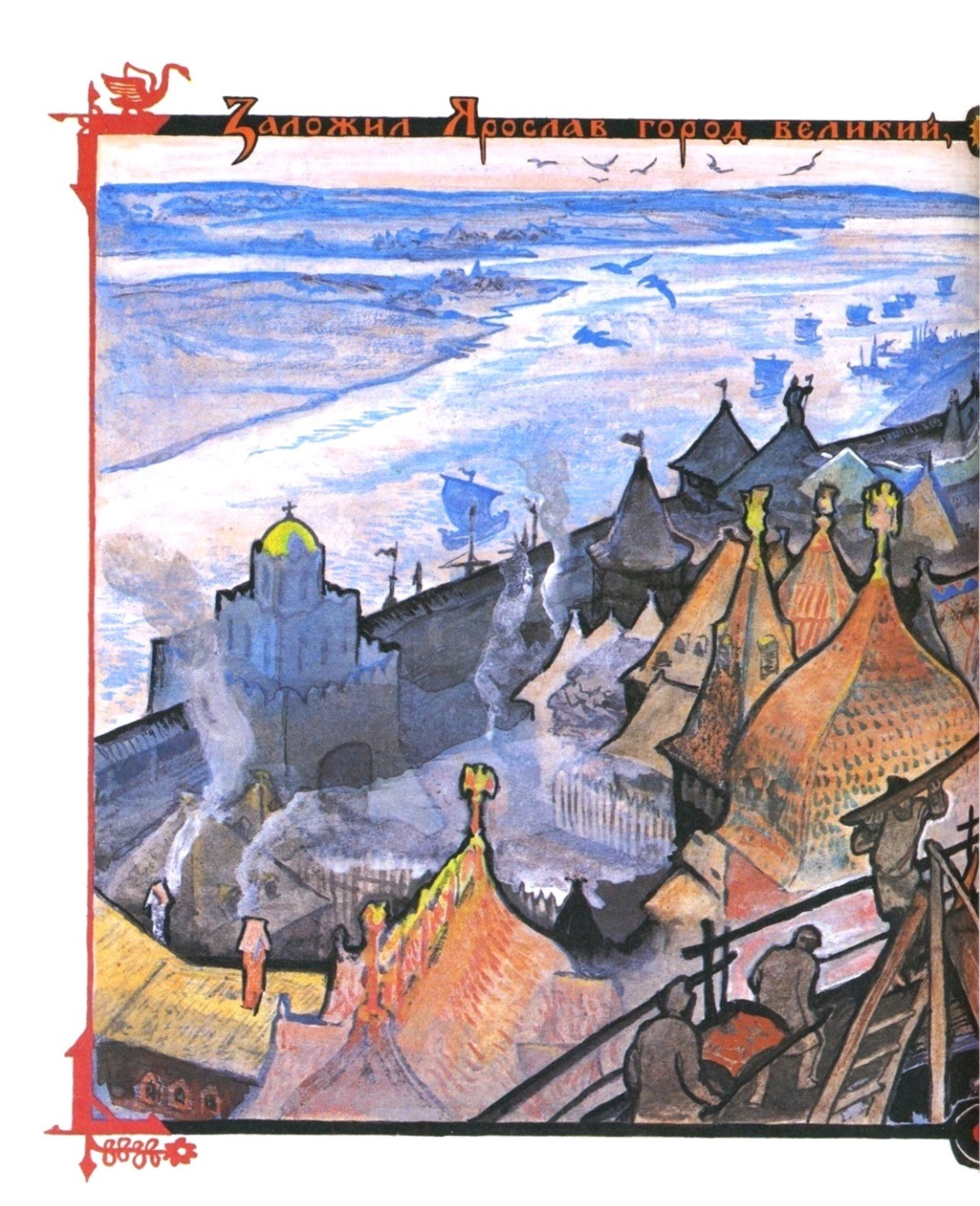
Был же Мстислав дороден, краснолиц, с большими очами, храбр на рати, милостив, любил дружину, богатства своего для нее не щадил, ни в питье, ни в пище не отказывал ей. После того взял всю волость его Ярослав и был самовластцем Русской земли.

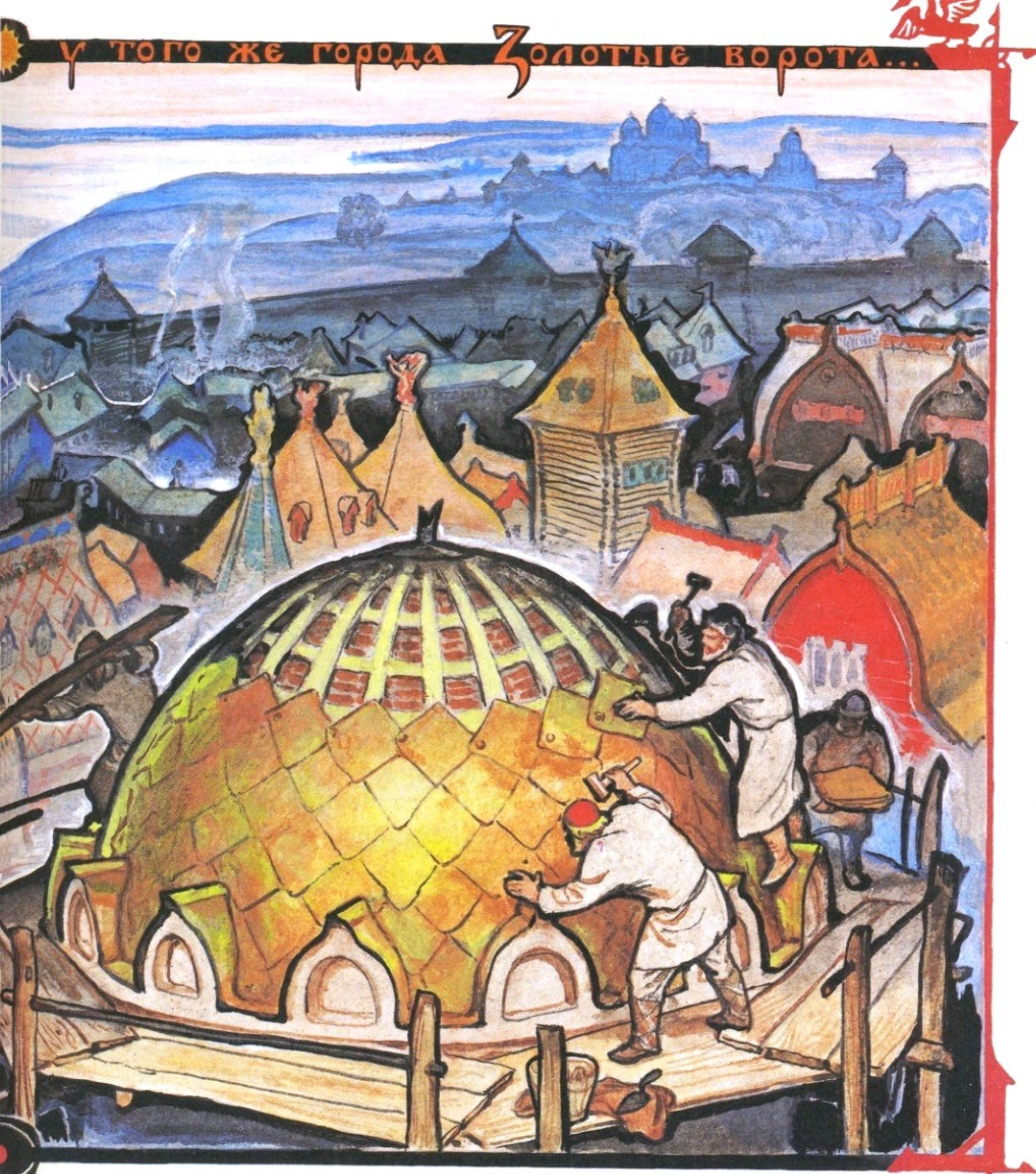
Заложил Ярослав город великий

В лето 6545 (1037). Заложил Ярослав город великий, у того же города Золотые ворота; заложил же и церковь святой Софии, митрополию и затем церковь на Золотых воротах — святой Богородицы Благовещенья, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины. И стала при нем вера христианская расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри стали появляться.

Любил Ярослав книги, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И списали они книг множество, ими же поучаются верные люди и наслаждаются учением божественным. Будто кто-то землю вспахал, а другой засеял, иные же пожинают и едят пищу неоскудевающую, так и Ярослав. Отец его, Владимир, землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил, Ярослав же засеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье принимая книжное.

Велика ведь бывает польза от учения книжного: книгами наставляемы и поучаемы на путь покаянья, ибо от слов книжных обретаем

Заложил Ярослав город великий,

У того же города Золотые ворота...

мудрость и воздержанье. Это ведь реки, напояющие Вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержанья. Велика есть мудрость. Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей.

Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам. Украсил ее золотом, серебром и сосудами церковными. И другие церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая им от богатств своих урок, веля им учить людей. Радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христианских, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими.

Послал Ярослав сына своего Владимира на греков

В лето 6551 (1043). Послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему воинов много, а воеводство поручил Вышате, отцу Яневу. И пошел Владимир в ладьях, и пришел на Дунай, и пошел к Царьграду. И была буря велика, и разбила корабли русских, и княжой корабль ветер разбил. И взял князя на свой корабль воевода Ярослава Иван Творимирич. Прочих же воинов Владимировых, числом до шести тысяч, выбросило на берег, и когда они захотели пойти на Русь, никто не пошел с ними из дружины княжой. И сказал Вышата:

— Я пойду с ними.

И высадился с корабля с ними и сказал:

— Если буду жив, то с дружиною, если погибну, то с нею же.

И пошли, желая дойти до Руси. Пришла весть грекам, что море разбило русь, и послал царь, именем Мономах, за русью четырнадцать ладей. Владимир же, увидев с дружиною, что идут за ними, повернув, разбил ладьи греческие и возвратился на Русь. Вышату же вместе с выброшенными на берег схватили греки и привели их в Царьград, и ослепили многих русских. Спустя три года установился мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу.

Имейте любовь между собой, потому что все вы дети от одного отца и матери

В лето 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им:

— Вот отхожу я от этого света, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что вы дети от одного отца и матери. И если будете жить в любви между собою, бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которую добыли они трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть он будет вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду — Переяславль, а Игорю — Владимир, а Вячеславу — Смоленск.

И так разделил он между ними города, запретив им переступать пределы братьев и сгонять со стола. И сказал Изяславу:

— Если кто вздумает обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают.

И так наставлял сыновей своих жить в любви. Сам же он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. И пришел конец жизни Ярослава.

Всеволод был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его всегда при себе. Обрядил Всеволод тело отца своего и, возложив на сани, повез его в Киев в сопровождении попов, певших положенные песнопения. И, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви святой Софии. И плакали по нем Всеволод и все люди.

Жил же он всех лет семьдесят шесть.

Поднял рать Всеслав Полоцкий

После смерти Ярослава Изяслав сел на столе в Киеве, Святослав же — в Чернигове, Всеволод — в Переяславле.

В лето 6575 (1067). Поднял рать Всеслав Полоцкий, сын Брячислава, и занял Новгород. Трое же старших Ярославичей — Изяслав, Святослав и Всеволод, собрав воинов, пошли на Всеслава.

Был великий мороз, и снег был великий. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день и пошли друг на друга. И была сеча злая, и многие пали, и одолели Изяслав, Святослав и Всеволод. Всеслав же бежал.

Затем месяца июля в 10-й день братья Ярославичи целовали крест честной Всеславу, сказав ему:

— Приди к нам, не сотворим тебе зла.

Он же, надеясь на их целованье креста, переехал к ним в ладье через Днепр. И схватил Изяслав Всеслава, преступив клятву свою, и, приведя его в Киев, посадил в поруб с двумя сыновьями.

Дай, княже, оружие и коней, и мы еще будем биться с половцами

В лето 6576 (1068). Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И когда была ночь, пошли друг на друга. И победили половцы, и побежали русские князья. Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав — в Чернигов. Когда люди киевские прибежали в Киев, собрали они вече на торгу и послали сказать князю:

— Вот половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще будем биться с ними.

Изяслав же не послушал их. Тогда люди начали наговаривать на воеводу Коснячка и пошли с веча на гору, где стоял двор Коснячков, и, не найдя его там, стали у двора Брячиславля и сказали:

— Пойдем освободим дружину свою из погреба.

И разделились надвое. Одни пошли к погребу освобождать оттуда людей, другие по мосту пришли на княжой двор. Изяслав же сидел на сенях с дружиною своею. И заспорили с князем те, кто стоял внизу. Князь же смотрел из окошка вниз. И сказал один боярин Изяславу:

— Видишь, княже, как люди взвыли, долго ль до беды. Пошли-ка, пусть крепче стерегут Всеслава.

А другие говорили:

— Пошли ко Всеславу. Пусть, подозвав его обманом к оконцу, пронзят его мечом.

И не послушал их князь. Люди же закричали и пошли к порубу Всеслава. Изяслав, видя это, побежал со двора с братом Всеволодом. Люди же освободили Всеслава из поруба в 15-й день сентября и прославили его среди княжого двора. Двор же княжой разграбили; там было бесчисленное множество золота и серебра, и шкурок куниц и белок. Изяслав же бежал в Ляхи. А Всеслав сел в Киеве.

Когда же наступила ночь, Всеслав тайно от киевлян бежал из Белгорода

В лето 6577 (1069). Пошел Изяслав с Болеславом Лядским на Всеслава; Всеслав же пошел навстречу. И пришел к Белгороду. Когда же наступила ночь, Всеслав тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев и устроили вече, и послали к Святославу и Всеволоду, говоря:

— Мы сотворили зло, прогнав Изяслава, князя своего, и вот теперь он ведет на нас Лядскую землю: подите в город отца своего защитить нас.

И сказал им Святослав:

— Мы пошлем к брату своему: если пойдет он с ляхами губить вас, то мы пойдем на него войною и не дадим погубить города отца своего; если же он хочет идти с миром, то пусть придет с малой дружиной.

И успокоил киевлян.

А Святослав и Всеволод послали к Изяславу, говоря:

— Всеслав бежал, не води ляхов на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если же хочешь держать гнев и погубить город, то знай, что мы пожалеем стол отца.

Услышав это, Изяслав оставил ляхов и пошел один, но вперед себя послал к Киеву сына своего, Мстислава. Придя в Киев, Мстислав перебил семьдесят человек киевлян, освободивших Всеслава, а других ослепил, а иных без вины погубил — без суда. Когда же Изяслав пришел к городу, вышли к нему люди с поклоном, и приняли князя своего киевляне. И сел Изяслав на столе своем.

Они смерды мои и моего князя

В лето 6579 (1071). Был однажды неурожай в Ростовской области, и восстали два волхва в Ярославле, говоря:

— Мы знаем, кто запасы держит.

И пошли по Волге, и куда ни придут в погост, тут и называют лучших жен, говоря, что та жито прячет, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, морочa людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и убивали многих жен, а имущество их отнимали. И пришли на Белоозеро, и было с ними людей триста.

В это время случилось Яню, сыну Вышатину, собирая дань, прийти от князя Святослава из Чернигова. Поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже много жен по Волге и по Шексне и теперь пришли сюда. Янь же, расспросив, чьи это смерды, и узнав, что они смерды его князя, послал к людям, которые были с волхвами, и сказал им:

— Выдайте мне волхвов, ибо они смерды мои и моего князя.

Они же его не послушали. Янь пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его:

— Не ходи без оружия, осрамят тебя.

Он же повелел отрокам взять оружие — было двенадцать отроков с ним, и пошел к волхвам, к лесу.

Волхвы и люди их встали, исполчившись против Яня. Янь же шел с топориком, и выступили от них три мужа, подошли к Яню и сказали ему:

— Видишь, идешь на смерть,— не ходи.

Янь повелел их убить и пошел к остальным. Они бросились на Яня, и один замахнулся топором. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом и повелел отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа.

Янь же, войдя в город к белозерцам, сказал им:

— Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас и на будущее лето.

Белозерцы тогда пошли, захватили волхвов и привели их к Яню. И сказал Янь волхвам:

— Чего ради погубили столько людей?

Те же сказали:

— Они держат запасы, и если истребим их, будет изобилие.

А затем они сказали:

— Мы знаем, как человек сотворен.

Янь же спросил:

— Как же?

Они ответили:

— Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Оттого, если умрет человек, в землю идет тело, а душа — к богу.

Сказал им Янь:

— Все это ложь; поистине прельстил вас бес. В какого бога веруете?

Они же сказали:

— В антихриста.

Он сказал им:

— Где он?

Они же сказали:

— Сидит в бездне.

Сказал им Янь:

— Какой же то бог, сидящий в бездне. То — бес. А бог — на небесах, сидит на престоле, его славят ангелы, предстоящие ему со страхом, не смея на него взглянуть. Из этих ангелов один был свержен, его вы и называете антихристом; за высокомерие был он низвержен с небес, и он — в бездне, как и вы говорите, ждет, когда сойдет бог с небес, свяжет сего антихриста узами и посадит его в бездну, схватив его, со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь предстоит муку принять от меня и после смерти — там.

Они же сказали:

— Нам боги поведали, что не можешь нам ничего сделать.

Он сказал им:

— Лгут вам боги.

Они сказали:

— Мы станем перед Святославом, а ты не можешь сделать ничего.

Янь же повелел их бить и вырывать им бороды. И били их и бороды выдирали расщепом. И спросил их Янь:

— Что молвят вам боги?

Они же сказали:

— Стать нам перед Святославом.

И повелел Янь вложить обрубок им в рот и привязать их к мачте ладьи, да так и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. Остановились в устье Шексны, и сказал Янь волхвам:

— Что же говорят вам боги?

Волхвы же ответили:

— Боги сказали нам так: «Не быть нам живым от тебя».

И сказал им Янь:

— Это они вам правду сказали.

И спросил Янь гребцов:

— Кого они у вас из родни убили?

Они же ответили:

— У меня мать, у того сестру, у другого дочь.

Янь же сказал им:

— Так мстите за своих.

Они же, схватив, убили волхвов и повесили их на дубе. И так погибли по наущению бесовскому, другим предвещая погибель, а своей — не ведая. Бесы ведь не ведуют ничего, ибо они немощны и скверны видом.

И был мятеж в городе

В Новгороде встал волхв при князе Глебе. Говорил людям, что он бог и многих обманул, чуть не весь город. Говорил, что знает все, и хулил веру христианскую, говоря:

— Перейду по Волхову на глазах у всех.

И был мятеж в городе. И все поверили ему и хотели убить епископа. Епископ же взял крест и облекся в ризы и сказал:

— Кто хочет верить волхву, да идет за ним, а кто истинно верует, тот да идет ко кресту.

И люди разделились надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли за волхвом. И был мятеж великий между ними.

Глеб же с топором под плащом пошел к волхву и сказал ему:

— Знаешь ли, что будет утром, а что вечером?

Он же сказал:

— Знаю все наперед.

И сказал Глеб:

— Знаешь ли, что будет с тобою сегодня?

— Чудеса великие сотворю,— сказал волхв.

Глеб же вынул топор, разрубил волхва, и тот упал мертвый, а люди разошлись. Он же погиб телом, а душою предавшись дьяволу.

Воздвиг дьявол распрю среди братьев Ярославичей

В лето 6581 (1073). Воздвиг дьявол распрю среди братьев Ярославичей. В этой распре Святослав и Всеволод были против Изяслава. Ушел Изяслав из Киева в Ляхи со многим богатством, говоря: «С этим добуду себе воинов».

Все это взяли ляхи у него, а ему показали путь от себя. Святослав же и Всеволод вошли в Киев и сели на столе в Берестовом, нарушив заповедь отца.

Святослав был виновником изгнания брата, желая большей власти, он взострил Всеволода на Изяслава и сел в Киеве, прогнав брата своего. Великий грех совершил он: нарушил заповедь отца своего. Не хорошо переступать предел чужой.

В лето 6584 (1076). Преставился Святослав, сын Ярослава, и положен в Чернигове у святого Спаса. И сел после него на Киевском столе Всеволод.

В лето 6585 (1077). Пришел Изяслав с ляхами, Всеволод же по-

шел ему навстречу, и сотворили мир. Изяслав сел в Киеве, а Всеволод в Чернигове. Олег же, сын Святослава, был у Всеволода в Чернигове.

В лето 6586 (1078). Бежал Олег, сын Святослава, в Тмуторокань от Всеволода. В то же лето привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли с ними на Всеволода. Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы русь, и многие убиты были тут. Олег и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, но земле Русской великое зло причинили, пролив кровь христианскую.

Всеволод же пришел к брату своему Изяславу в Киев. Поздоровались и сели совещаться. Всеволод поведал обо всем бывшем.

И сказал ему Изяслав:

— Брат, не тужи. Видишь, сколько со мной бед приключилось: не выгнали ли меня сначала киевляне и не разграбили ли мое имущество? И опять же, какая была моя вторая вина, когда был я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный богатства, не сделав никакого зла? И нынче, брат, не будем тужить. Если будет нам часть в Русской земле, то обоим. Если будем лишены ее, то оба. Я сложу голову свою за тебя.

И, сказав так, утешил Всеволода и повелел собирать воинов от мала до велика. И пошел Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим, прозванным Мономахом. Пришли они к Чернигову. Олега же и Бориса в Чернигове не было. Черниговцы затворились в городе, тогда Изяслав и Всеволод обложили город. А Владимир приступил к вратам восточным от Стрежени и взял ворота, и занял город окольный, и сжег его, а люди бежали во внутренний город.

Изяслав и Всеволод услышали, что идут Олег и Борис, и, опередив их, пошли от города им навстречу. И сказал Олег Борису:

— Видишь, я готов, стану против них всех.

Похвалился он сильно, не ведая, что бог гордым противится, а смиренным дает благодать, дабы не хвалился сильный силою своею.

И пошли Борис и Олег навстречу Изяславу и Всеволоду, и когда были они у села на Нежатиной Ниве, сошлись обе стороны, и была сеча злая. Первым убили Бориса, похвалявшегося сильно. Когда же Изяслав стоял с пешими воинами, внезапно кто-то подъехал и ударил его копьем в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава. Положил он голову свою за брата своего, не стремясь к большему владению, ни к большему богатству, но за братнюю обиду.

Сеча продолжалась. И побежал Олег с небольшой дружиной и едва спасся, убежав в Тмуторокань. Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв власть над всей Русской землей.

Украсил город Переяславль зданьями

В лето 6596 (1088). Освящена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволодовом. В то же лето умер Никон, игумен Печерский.

В лето 6597 (1089). Освящена была церковь Печерская святой Богородицы в монастыре Феодосьевом.

В то же лето преставился Иоанн-митрополит. Был же Иоанн большой знаток книг, муж ученый, милостив к беднякам, ласков ко всякому, богатому и нищему, смиренен и кроток, молчалив, но речист и книгами святыми утешал печальных. Такого не было прежде на Руси, ни после него не будет.

В то же лето освящена была церковь святого Михаила в Переяславле Ефремом-митрополитом, он и поставил ее и пристройки большие пристроил к ней и украсил ее всякою красотою и церковными сосудами.

Этот Ефрем был скопец, высок ростом. Много он тогда воздвиг зданий: закончил церковь святого Михаила, заложил церковь на воротах городских во имя святого мученика Федора, а затем церковь святого Андрея у ворот и строенье банное каменное, такого не было прежде на Руси. И стены заложил каменные от церкви святого мученика Федора и украсил город Переяславль зданьями церковными и прочими зданьями.

В Полоцке ночью со стоном по улицам рыскали бесы

В лето 6600 (1092). Предивное было чудо в Полоцке: ночью слышали цокот; со стоном, будто люди, по улицам рыскали бесы. Если кто выйдет из хоромины, желая их увидеть, того невидимо уязвляли бесы, и оттого он умирал. И не смели люди выходить из хором. А после того начали бесы являться и днем на конях, и не было видно их самих, но видны были копыта их коней. И так язвили людей в Полоцке и в области. Люди говорили, что души скончавшихся убивают полочан. Это бедствие шло от Друцка.

В то же время было знамение в небе: солнце было как превеликий круг посредине неба. В то же лето была засуха, перегорела земля и многие леса загорелись сами собой и болота. И много знамений было в иных местах, и рать великая была от половцев и отовсюду.

В те времена многие люди умирали от различных недугов. Говорили гробовщики:

— Продали семь тысяч гробов от Филиппова дня до мясопуста.

Это было за грехи наши, ибо умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас бог, велел нам покаяться и воздержаться от зависти и от прочих злых дел враждебных.

И люди не могли добиться правды княжой

В лето 6601 (1093) преставился великий князь Всеволод, сын Ярослава, внук Владимиров, месяца апреля в 13-й день. Когда княжил он в Киеве, были у него печали бо́льшие, нежели когда он сидел в Переяславле. Когда княжил он в Киеве, горе было ему от племянников его, так как начали они ему досаждать, один желая той волости, а другой — этой. Он же, чтобы замирить их, раздавал им волости. В этих печалях появились недуги, а за ними приспела и старость. И стал он любить образ мыслей младших дружинников, устраивая совет с ними, они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой. Начали эти молодые грабить и притеснять людей, а князь того не ведал из-за болезней своих. Когда же он совсем разболелся, послал он за сыном своим Владимиром Мономахом в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев его совсем больного, заплакал. Владимир и Ростислав, сын его меньший, сидели возле него, и, когда пришел час, преставился Всеволод тихо и кротко и приложился к отцам своим. Владимир же с Ростиславом, братом своим, оплакав отца, убрали тело его. И собрались епископы, и игумены, и черноризцы, и попы, и бояре, и простые люди и подняли тело его с обычными песнопениями и положили его во гробе в великой церкви святой Софии.

После смерти отца Владимир стал размышлять, говоря:

— Если я сяду в Киеве на столе отца своего, то быть войне со Святополком, так как стол этот был прежде его отца, Изяслава.

И, размыслив, послал за Святополком в Туров, а сам пошел в Чернигов, а Ростислав в Переяславль. И пришел Святополк в Киев. Вышли ему навстречу киевляне с поклоном и приняли его с радостью, и сел на столе отца своего и дяди своего.

Опустели села наши и города наши

Когда Святополк сидел в Киеве, а Владимир Мономах в Чернигове, пришли половцы на Русскую землю. Услышав, что Всеволод умер, они послали послов к Святополку о мире. Святослав же, не поговорив со старшею дружиной отца и дяди своего, совет держал с пришедшими с ним и, схватив послов, посадил их в избу. Услышав это, половцы начали воевать. И пришло половцев много, и окружили они город Торческ. Святополк отпустил послов половецких, желая мира. И не захотели половцы мира и наступали, воюя. Святополк стал собирать воинов, готовясь идти против них. И сказали ему мужи разумные:

— Не пытайся идти против них, ведь у тебя мало воинов.

Он же сказал:

— У меня семьсот своих отроков, которые могут стать против них.

Начали же другие, неразумные, говорить:

— Поди, князь.

Разумные же говорили:

— Если бы ты выставил их и восемь тысяч, и то было бы немного. Наша земля оскудела от войны и налогов. Пошли лучше к брату своему Владимиру Мономаху, чтобы он тебе помог.

Святополк послушал их и послал к Владимиру.

Владимир собрал воинов своих и послал за Ростиславом, братом своим, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда же Владимир пришел к Святополку в Киев, встретились они в монастыре святого Михаила и затеяли между собой распри и ссоры, а половцы между тем продолжали разорять землю. И сказали им мужи разумные:

— Почто вы спорите между собою? А поганые губят землю Русскую. После уладитесь, а ныне идите навстречу поганым — либо с миром, либо с войною.

Владимир хотел мира, Святополк же хотел войны.

И пошли Святополк, и Владимир, и Ростислав к Треполю и пришли к Стугне. И созвали дружину свою на совет, собираясь перейти через реку. И сказал Владимир:

— Пока за рекою стоим, заключим мир с ними.

Присоединились к совету этому разумные мужи. Киевляне же не захотели принять совета этого, но сказали:

— Хотим биться, перейдем на ту сторону реки.

Понравились слова те, и перешли Стугну-реку. Сильно поднялась в ней тогда вода. Святополк же, и Владимир, и Ростислав, исполчив дружину, пошли. И шел на правой стороне Святополк, на левой — Владимир, посредине же был Ростислав. И, миновав Треполь, прошли вал.

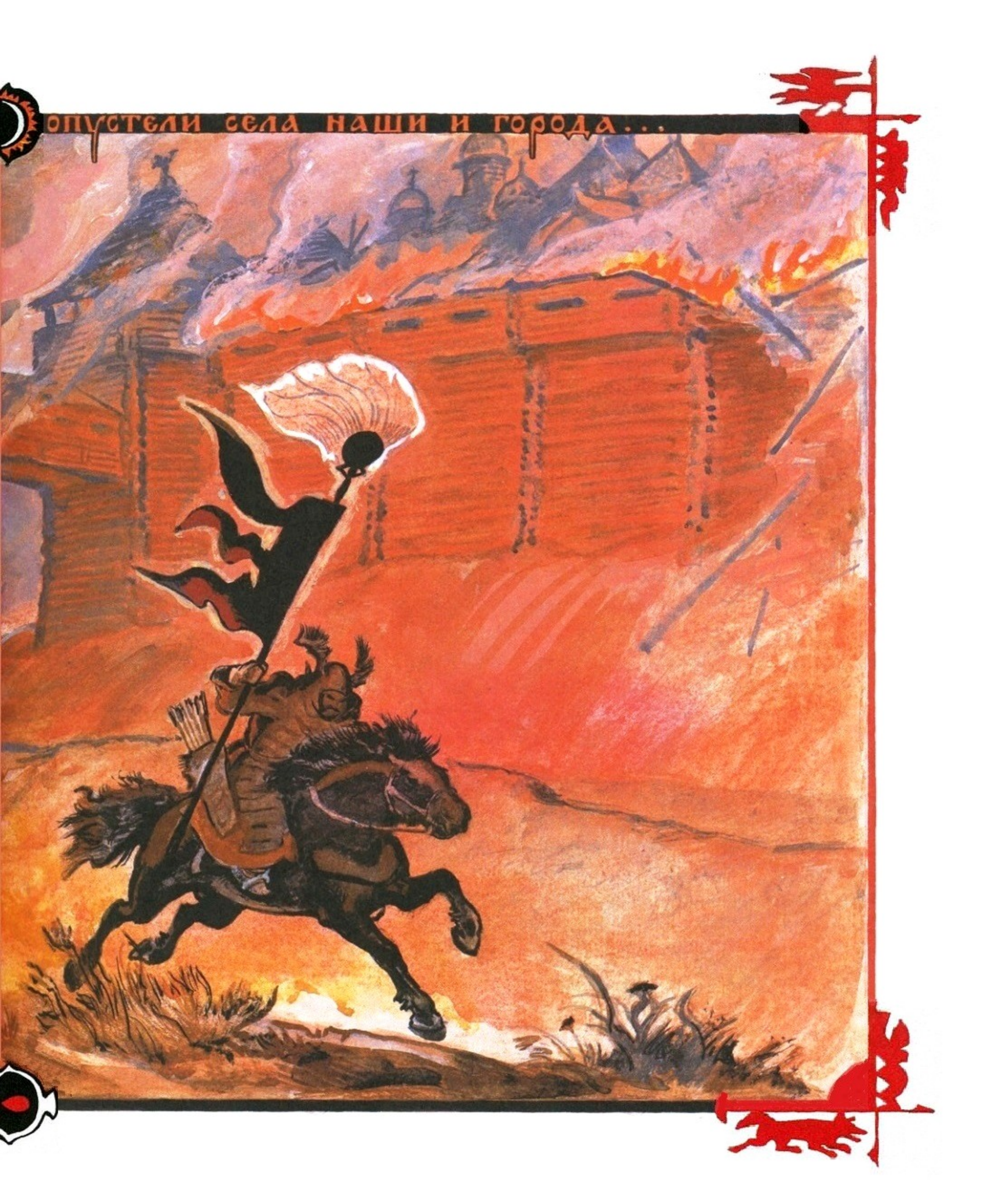
И вот половцы пошли навстречу, а стрельцы их двинулись перед ними. Наши же, став между валами, поставили стяги свои, и пошли стрельцы из-за валов. И половцы, подойдя к валу, поставили стяги свои и налегли прежде всего на Святополка и сломили полк его. Святополк же стоял крепко, но побежали люди его, не стерпев натиска врагов, после них побежал и Святополк. Потом половцы пошли на Владимира, и был бой лютый, и побежали и Владимир с Ростиславом, и воины его. И падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли. И прибежали к реке Стугне. И пошли вброд Владимир с Ростиславом, и начал тонуть Ростислав на глазах у Владимира. Владимир захотел подхватить брата своего и едва не утонул сам. Ростислава же спасти не смог. Перейдя реку с малою дружиною, ибо много воинов пало из полка его, и перебравшись на ту сторону Днепра, Владимир оплакал брата своего и пошел в Чернигов в глубокой печали. А Святополк пришел в Киев. Искали тело Ростислава и нашли его в реке. И, взяв, принесли его в Киев, и плакала по нему мать его, и все люди жалели его, юности ради его.

Половцы же, видя, что одолели, пустились разорять землю. И был плач велик в земле нашей, опустели села наши и города наши, и были мы в бегах перед врагами нашими.

Это бог напустил на нас иноплеменников, не их милуя, а нас наказывая. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злых дел своих. Ведь потому-то и народ подвергается мукам: одних ведут в плен, других убивают, иных выдают на месть, и они принимают горькую смерть, иные трепещут, видя убиваемых, иные от голода умирают и от жажды. Одно наказание, одна казнь, бедствия же различны; различны печали и страшны муки тех, кого связывают и пинают ногами, держат на морозе и кому наносят раны. Города все опустели, села опустели. Пройдем через поля, где паслись стада коней, овцы и волы, и все бесплодным ныне увидим. Нивы заросли и зверям жилищем стали.

Половцы воевали много и подошли к Торческу. Они окружили город и отвели воду. И изнемогали люди в городе от голода и жажды и сдались

И был плач велик в земле нашей,

Опустели села наши и города...

врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и много христианского народу повели в вежи к семьям своим. Страждущие, печальные, измученные, стужей скованные, томимые голодом и жаждою, с языком воспаленным, с почерневшим телом, с осунувшимися лицами, шли они незнаемою страною. Голые бродя и босые, с ногами, израненными тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря:

«Я был из этого города», а другой: «Я из того села».

Так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя к небу.

Пусть же никто не дерзнет сказать, что бог ненавидит нас! Нет, нет! Ибо кого любит бог так, как нас возлюбил? Кого так почтил он, как нас прославил и превознес? Никого! Были мы прославлены богом и не прославили его, были просвещены — и не уразумели, ведали волю владыки и презрели ее. Потому ведь и сильнее разгневался на нас, что больше всех почтены были и хуже всех совершили грехи. Вот и я, грешный, много и часто бога гневлю и часто согрешаю во все дни.

Это уже в третий раз навел Олег язычников на землю Русскую

В лето 6602 (1094). Пришел Олег, сын Святослава, с половцами из Тмуторокани и подошел к Чернигову. Владимир же Мономах затворился в городе. Олег, подойдя к городу, сжег все вокруг и монастыри пожег. Владимир же заключил мир с Олегом и пошел из города на стол отцов в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не возбранял им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он язычников на землю Русскую, его грех, да простит ему бог, и много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям.

В лето 6603 (1095). Святополк и Владимир Мономах послали к Олегу, веля ему идти на половцев с ними. Олег же обещался и вышел, но не пошел с ними единым путем.

Святополк же и Владимир пошли на вежи половецкие и взяли вежи и полонили скот и коней, верблюдов и челядь и привели их в землю свою. И стали Святополк и Владимир гнев держать на Олега, что не пошел с ними на иноплеменников.

В лето 6604 (1096). Святополк и Владимир послали к Олегу, говоря так:

— Иди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, будем вместе оборонять Русскую землю от язычников.

Олег же, исполнившись дерзких мыслей и высокомерных слов, сказал так:

— Не пристало судить меня епископу, или игуменам, или смердам.

И не захотел идти к братьям своим, послушав злых советников.

Святослав и Владимир сказали ему:

— Ты потому ни на половцев не идешь, ни на совет к нам, что злоумышляешь против нас и поганым думаешь помогать. Так пусть бог рассудит нас.

И пошли Святополк и Владимир к Чернигову, Олег же выбежал из Чернигова, месяца мая в 3-й день, в субботу. Святополк же и Владимир погнались за ним. Олег вбежал в Стародуб и затворился там.

Святополк и Владимир осадили его в городе, и бились крепко осажденные из города, а эти ходили приступом на город, и раненых было много с обеих сторон. И была между ними брань лютая, и стояли около города тридцать три дня, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, говоря:

— Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев на стол отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город в земле во всей, там и подобает нам сойтись на совет и договор заключить.

Олег же обещал это сделать, и на том целовали крест.

Пришел Боняк с половцами к Киеву

В это время пришел Боняк с половцами к Киеву, в воскресенье к вечеру. И воевал около Киева, и сжег на Берестове двор княжой.

В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье пожег, месяца мая в 24-й день.

В тот же месяц пришел Тугоркан, тесть Святополка, к Переяславлю и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк и Владимир пошли на него по этой стороне Днепра и пришли к Зарубу и там перешли вброд Днепр. И бог сохранил их: не заметили их половцы. И, исполчившись, пошли к городу. Горожане же, завидев их, рады были и вышли к ним. А половцы стояли на той стороне Трубежа, готовые к бою.

Святополк и Владимир перешли Трубеж вброд к половцам и ударили на конях в противников.

Половцы побежали, а наши погнались вслед ратникам и секли их.

И даровал в тот день господь спасение великое: месяца июля в 19-й день побеждены были иноплеменники. И князь их, Тугоркан, был убит, и сын его, и другие князья. Много пало там врагов наших.

Наутро нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага. И привез его в Киев и похоронил на Берестовом между дорогой, идущей на Берестово, и другой, идущей в монастырь Печерский.

20-го числа того же месяца (июля 1096), в пятницу, в первый час дня, снова пришел к Киеву Боняк безбожный, шелудивый, тайно, как хищник, внезапно; и чуть было в город не въехали половцы, и зажгли предградье около города, и монастыри выжгли и деревни. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали, после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили два стяга перед вратами монастырскими, а мы бежали задами монастыря, а другие взбежали на хоры каменной церкви Успения. Безбожные же сыны Измаиловы вырубили врата монастырские и пошли по кельям, вырубая двери, и выносили, если что находили в келье. Затем выжгли дом святой владычицы нашей богородицы, и пришли к церкви, и зажгли двери на южной сторо-

не, и вторые — на северной, и влезли в притвор у гроба Феодосия, хватали иконы, зажгли двери и убили несколько человек из братии нашей. Тогда же зажгли двор красный, который поставил благоверный князь Всеволод на холме Выдубицком. Все это окаянные половцы запалили огнем.

Почто губим Русскую землю?

В лето 6605 (1097). Пришли Святополк Киевский, и Владимир Мономах, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег и собрались на совет в Любече для устроения мира и говорили друг другу:

— Почто губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Объединимся отныне единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и каждый да владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Васильку — Теребовль.

И на том целовали крест:

— Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной.

Сказали все:

— Да будет против того крест честной и вся земля Русская.

И, попрощавшись, пошли восвояси.

Не бывало в Русской земле такого зла

Пришли Святополк с Давыдом Игоревичем в Киев, и рады были все люди, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду:

— Владимир Мономах соединился с Васильком против Святополка и тебя.

Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать Святополку на Василька, говоря:

— Кто убил брата твоего Ярополка? А ныне задумал против тебя и меня и сговорился с Владимиром? Подумай о своей голове.

Святополк, смутившись умом, сказал:

— Правда это или ложь — не знаю.

И сказал он Давыду Игоревичу:

— Коли правду говоришь, бог тебе свидетель. Если же от зависти говоришь, бог тебе судья.

Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, Давыд же обманул Святополка, и начали они злоумышлять на Василька. А Василько этого не знал. И Владимир не знал. И стал Давыд говорить:

— Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире.

И послушал его Святополк.

Василько пришел на Выдобечь и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице. Когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. А наутро прислал к нему Святополк, говоря:

— Не уходи от именин моих.

Василько же отказался, сказав:

— Не могу медлить, как бы не случилось дома войны.

И сказал Давыд Святополку:

— Видишь, Василько не помнит о тебе здесь, когда ходит под твоей рукой. Если же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет города твои: Туров, Пинск и прочие города твои. Тогда вспомнишь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне.

И послушался его Святополк и послал за Васильком, говоря:

— Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня, и посидим все с Давыдом.

Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил против него Давыд.

Василько, сев на коня, поехал,и встретил его отрок его и сказал ему:

— Не езди, княже, хотят тебя схватить.

И не послушал его Василько, помышляя: «Как им меня схватить? Ведь только что целовали крест да говорили: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и мы все».

И приехал с малою дружиной на княжой двор.

И вышел ему навстречу Святополк, и пошли в избу. И пришел Давыд, и сели. И начал говорить Святополк:

— Останься на праздник!

И сказал Василько:

— Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед.

Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк:

— Позавтракай хоть, брат.

И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк:

— Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь.

И вышел вон, а Давыд с Васильком остались сидеть. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был он объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд у отроков своих:

— Где брат?

Они же сказали ему:

— Стоит на сенях.

И сказал Давыд:

— Я пойду за ним, а ты, брат, посиди.

И, встав, вышел вон.

И как вышел Давыд, заперли Василька в 5-й день ноября и сковали его двойными оковами и приставили к нему сторожей на ночь.

Наутро Святополк созвал бояр и киевлян и рассказал им, что говорил Давыд: «Василько брата твоего убил, и против тебя соединился с Владимиром, и хочет тебя убить и города твои занять».

И сказали бояре и люди:

— Тебе, княже, надо блюсти голову свою. Если правду сказал Давыд, пусть примет Василько наказание. Если же неправду сказал Давыд, пусть будет ему отмщение от бога.

И узнали обо всем игумены и стали просить Святополка за Василька. И сказал им Святополк:

— Это Давыд.

Узнав об этом, Давыд начал подущать на ослепление:

— Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне.

И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти, и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. Сидя там, увидел Василько Берендия, овчаря Святополкова, острившего нож, и понял, что хотят его ослепить. И возопил к богу с плачем великим и со стенанием. И вошли посланные Святополком и Давыдом и начали расстилать ковер и, разостлав, схватили Василька и повергли его на ковер, и боролись с ним крепко, и одолели его. Тут приступил Берендий и ослепил его. И был Василько в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу как мертвого и повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище, и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья как мертвого.

Услышал Василько плач и сказал:

— Где я?

И ответила ему та:

— В Воздвиженске-городе.

И попросил воды, она же дала ему. И испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал:

— Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть принял и предстал в ней перед богом.

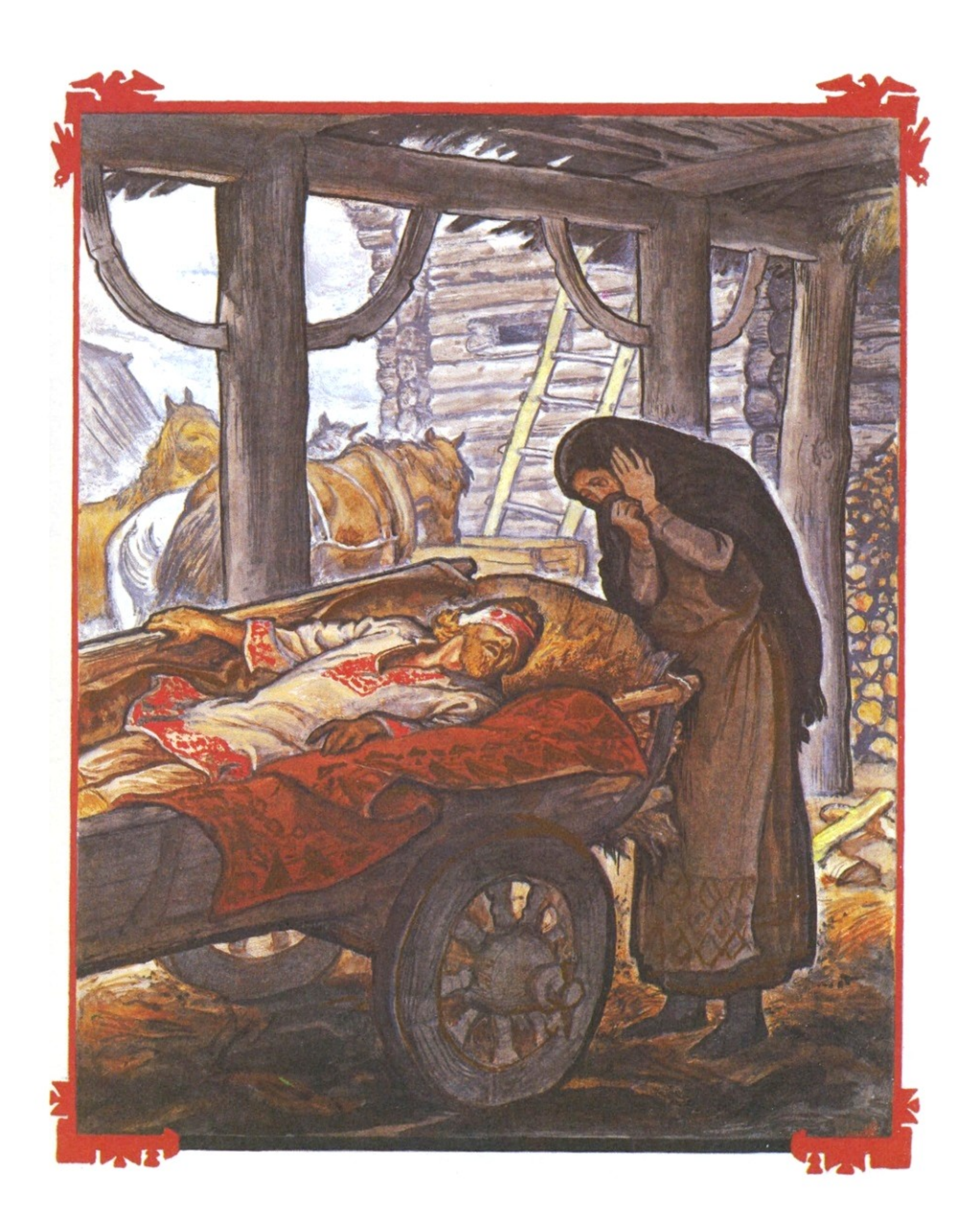
Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — груденъ, то есть ноябрь. И пришли с ним во Владимир в 6-й день. Пришел же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили Василька во дворе Вакееве, и приставили тридцать мужей и двух отроков княжих стеречь его.

Владимир же Мономах, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся и, заплакав, сказал:

— Не бывало в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла.

И тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря:

— Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле

и среди нас, братьев, ибо брошен в нас нож. И если этого не поправим, то большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую.

Услышав это, Давыд и Олег Святославичи сильно опечалились и плакали, говоря:

— Этого не было в роде нашем.

И, тотчас собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору. Владимир, и Давыд, и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря:

— Зачем ты это зло учинил в Русской земле и бросил нож в нас? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами и, доказав его вину, поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое.

И сказал Святополк:

— Говорил мне Давыд Игоревич: «Василько убил брата твоего, Ярополка, и тебя хочет убить и занять волость твою и целовал крест с Владимиром, что Владимир сядет в Киеве, а Василько — во Владимире». А мне поневоле пришлось свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд. Он и привез его к себе.

И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы:

— Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоем.

Сказав это, разошлись.

Наутро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря:

— Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли, ибо, если начнете войну между собой, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую собрали отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую.

Всеволода же вдова и митрополит пришли к Владимиру и молили его и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал:

— Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить.

И преклонился Владимир на мольбу княгинину, ибо чтил ее как мать, ради памяти отца своего.

Княгиня же от Владимира пришла в Киев и сказала все речи Святополку и киевлянам и что мир будет. И начали между собой посылать мужей, и целовали крест, и заключили мир.

Бросил ты нож в нас

В лето 6608 (1100) месяца августа в 30-й день собрались на совет в Уветичах все братья — Святополк, Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи, и пришел к ним Давыд Игоревич и сказал им:

— Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?

И ответил ему Владимир:

— Ты сам прислал к нам: «Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды». Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре — так чего же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?

И не отвечал Давыд ничего.

И стали братья на конях. Святополк стал со своею дружиною, а Давыд и Олег каждый со своей отдельно. А Давыд Игоревич сидел в стороне, и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И, порешив, послали к Давыду мужей своих: Святополк — Путяту, Владимир — Ратибора, Давыд и Олег Святославичи — Торчина. Посланные пришли к Давыду Игоревичу и сказали ему:

— Вот что говорят тебе братья: не хотим тебе дать стола владимирского, ибо бросил ты нож в нас, чего не бывало в Русской земле. И мы тебя не схватим и никакого зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе — иди и садись в Бужском остроге, а Дубен и Черторыйск дает тебе Святополк, а Владимир дает тебе двести гривен и Давыд с Олегом — двести гривен.

И сел Давыд в Бужске, и затем дал Святополк Давыду Дорогобуж, где он и умер.

Если у твоего сына две головы, то посылай его нам

В лето 6610 (1102) месяца декабря в 20-й день пришел Мстислав, сын Владимира Мономаха, с новгородцами в Киев к Святополку, ибо был у Святополка с Владимиром договор, чтобы быть Новгороду за Святополком и посадить ему сына своего в нем, а Владимиру посадить сына своего во Владимире.

Когда пришел Мстислав в Киев и сели в избе, сказали Святополку мужи Владимировы:

— Вот прислал Владимир сына своего, а вот сидят новгородцы, пусть возьмут сына твоего и пойдут в Новгород, а Мстислав да идет во Владимир.

И сказали новгородцы Святополку:

— Вот, княже, нас прислали к тебе мужи новгородские и сказали нам так: «Не хотим Святополка, ни сына его. Если у твоего сына две головы, то посылай его нам. А Мстислава дал нам Всеволод, дед его, и мы сами вскормили себе князя, а ты ушел от нас».

Святополк много спорил с ними, они же не хотели согласиться с ним и, взяв Мстислава, пошли в Новгород.

Огородилось солнце тремя дугами

В то же лето было знамение на небе месяца января в 29-й день: три дня как зарево пожара с востока, и юга, и запада, и севера был свет всю ночь, как от полной луны. В то же лето месяца февраля в 7-й день было знамение в солнце: огородилося солнце тремя дугами, и были другие дуги хребтами друг к другу. И, видя сии знамения, благоверные люди со вздыханием и со слезами молились богу, дабы обратил эти знамения на добро, ибо знамения бывают либо на зло, либо на добро. На следующее лето внушил бог мысль добрую русским князьям: решили дерзнуть идти на половцев, в землю их, как и было, как скажем после, в следующее лето.

Лошади вам жаль, а смерда не жаль ли?

В лето 6611 (1103). Вложил бог в сердце князьям русским Святополку и Владимиру Мономаху собраться на совет. И собрались они в Долобске. И сел Святополк со своею дружиною, а Владимир со своею в одном шатре. И стала совещаться дружина Святополкова и говорить:

— Не время ныне, весной, идти против половцев, погубим смердов и пашню их.

И сказал Владимир:

— Удивляюсь я, дружина, что лошадей вы жалеете, которыми пашут! А почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин ударит в него стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его, и детей его, и все его имущество? Лошади вам жаль, а смерда не жаль ли?

И ничего не ответила дружина Святополкова.

И сказал Святополк:

— Хорошо, я готов идти.

И встал Святополк.

И сказал ему Владимир:

— Это ты, брат, великое дело сотворишь земле Русской.

И послали к Олегу и Давыду Святославичам, говоря:

— Подите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы.

И послушал Давыд Святославич, а Олег не захотел того, сказав причину: «Нездоров».

Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк и Давыд Святославич и другие князья за ним.

И пошли на конях и в ладьях, и пришли к Днепру ниже порогов, и стали в протоках у острова Хортицы. И сели на коней, а пешие воины, выйдя из ладей, шли полем четыре дня и пришли в Сутень.

Половцы же, услышав, что идет русь, собрались без числа много и стали совещаться. И сказал Урусоба, князь половецкий:

— Попросим мира у руси, ведь крепко они будут биться с нами, ибо много зла сотворили мы Русской земле.

И сказали Урусобе молодые:

— Это ты боишься руси, а мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?

И пошли половцы, послав перед собою в сторожах Алтунопу, который славился у них мужеством. Также и русские князья послали сторожей своих. И подстерегли русские сторожи Алтунопу и, окружив его, убили и его, и бывших с ним, и ни один не спасся.

И пошли полки половецкие как лес, конца им не было видно, и русь пошла против них. И великий бог вложил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет от лица русских воинов, и оцепенели сами, и у коней их не было быстроты в ногах. Наши же с весельем, на конях и пешие, пошли навстречу им.

Половцы, увидев, как устремились на них русские, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя их. В день 4 апреля совершил бог великое спасение и на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою двадцать князей половецких, а Белдюзя-князя захватили.

После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к Владимиру Мономаху. И когда он пришел, начал говорить ему Владимир:

— Знай, наказаны вы за то, что нарушили клятву. Ибо сколько раз, дав клятву, вы воевали Русскую землю! Почему не учил ты сыновей

своих и род свой не нарушать клятвы, но проливал кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!

И повелел убить его.

Русские взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою.

Игумен Сильвестр святого Михаила написал книгу сию, летописец, надеясь от бога милость получить, при князе Владимире Мономахе, когда княжил он в Киеве, а я к то время игуменствовал у святого Михаила в лето 6624 (1116). А кто читает книгу сию — помяни меня.

Из произведений Владимира Мономаха

Поучение

Я, смиренный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов...

Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали:

— Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей и волость их отнимем. Если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе.

И отвечал я:

— Хоть вы и гневаетесь, не могу я с вами пойти и крестное целование преступить.

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?..», «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, кроткие же будут владеть землей!..», «Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убо-

гого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся...», «Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше...».

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую... «Еде и питью быть без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе... глаза держать книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет...»

Научись, смертный человек, быть благочестию свершителем, научись... «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела...»

Поистине, дети мои, разумейте, что мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то хотим его поглотить, кровь его пролить скорее...

«Что такое человек, как помыслишь о нем?», «Велик ты, господи, и чудны дела твои. Разум человеческий не может постигнуть чудеса твои...» Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма и свет? И земля на водах положена! Звери различные, и птицы и рыбы украшены твоим промыслом! И этому чуду подивимся: как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица, каждый имеет свой облик лица. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дано на пользу людям, в пищу и на радость... И те же птицы небесные умудрены тобою: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и, имея язык, онемеют...

Дальнейшее — моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня, если не всё примете, то хоть половину... Убогих не забывайте, но насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души.

Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь и не креститесь, ибо нет в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять,

на том и целуйте, а целовав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей...

Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но молвите: смертны суть, сегодня живы, а завтра в гробу... И в земле ничего не прячьте, это великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев.

В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим.

На войну выйдя, не ленитесь, не надейтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами снаряжайте и ночью, расставив охрану со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано. А оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь и пьянства, оттого ведь душа погибает и тело.

Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали люди проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напойте и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы он ни пришел к вам, простолюдин ли, или знатный, или посол. Если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо он, проходя, прославит человека по всем землям или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой...

Если будете забывать это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее. Пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На рассвете, увидев восходящее солнце, с радостью молвите: «Господи, умножь годы мои, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою». Так я говорю, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту, или на сбор дани, или лечь спать...

Летопись жизни

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам пошел к Курску. И затем снова ходил я к Смоленску, а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье двое братьев на пожарище, что ляхи пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключать с ляхами. Оттуда опять на лето во Владимир.

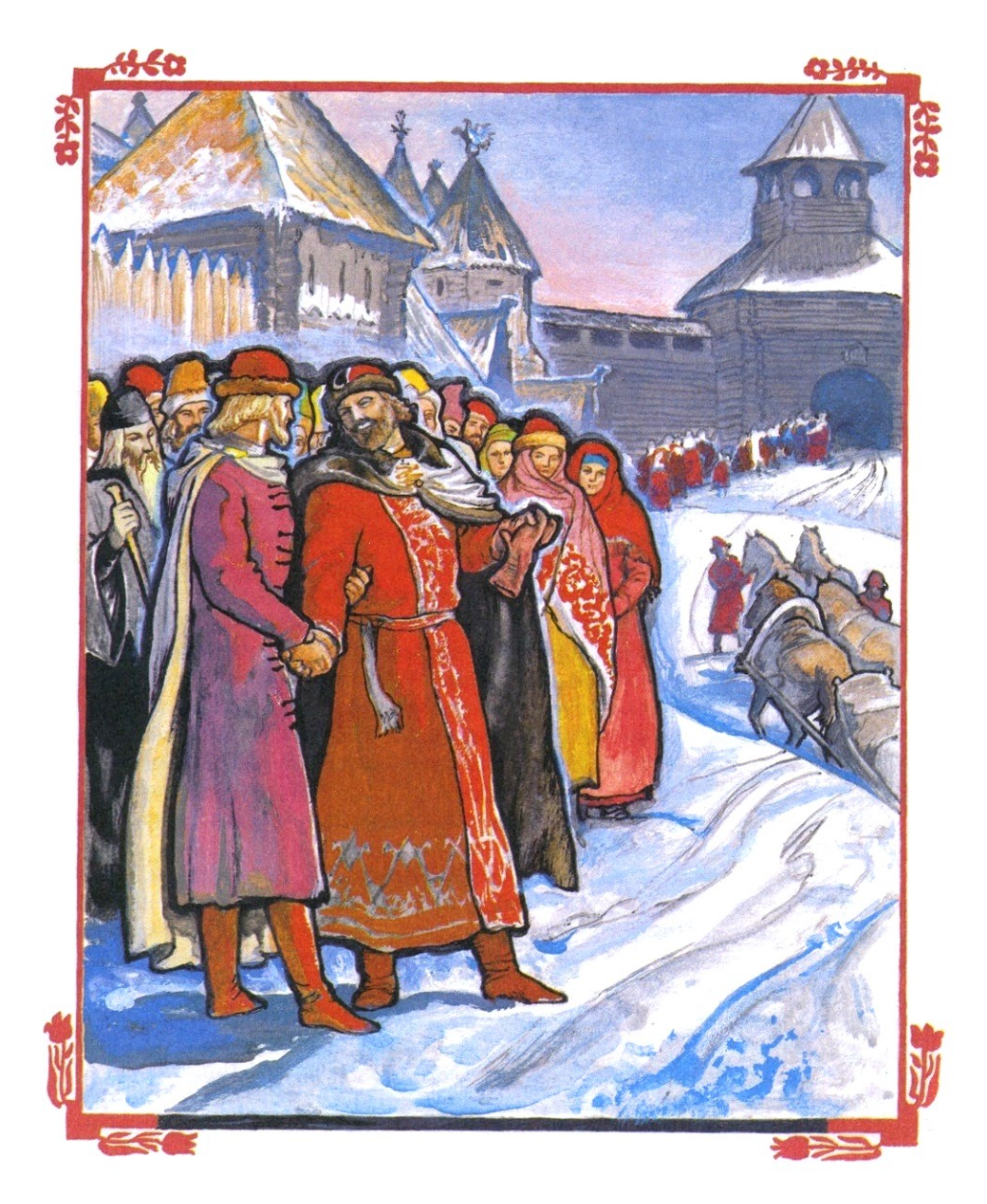
Затем послал меня Святослав в Польшу; ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира прогнанный, и я позвал его к себе на обед в Чернигов, на Красном дворе. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль...

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а пленников всех отняли...

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на совет в Броды и союз великий заключили.

И весной посадил меня отец в Переяславле выше всей братии, и ходили за Супой. И по пути в Прилуку-городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и мы хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город. Только смердов нескольких захватили, а наши половцев больше убили и захватили, и они, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на успение, пошли мы к Белой Веже и истребили девятьсот половцев и двух князей взяли, и только два мужа убежали...

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всеми половцами к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог. Сжалился я над христианскими душами и селами горящими и монастырями и сказал: «Пусть не похваляются язычники!» И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы в день святого Бориса из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и святой Борис не выдали им меня на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и перебили их, а других захватили. И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли. И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка за Рось...

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после пасхи вышел; и, в Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску, и потом пошел к Ростову...

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце, и без отца, и раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких сто. А князей бог живыми в руки давал. А иных витязей моло-

дых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку в Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь: коней диких ловил своими руками в пущах и на равнинах и вязал их живыми. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один меня ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня с бедра меч сорвал, медведь мне у колена потник прокусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги себе повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов; и о соколах, и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой,кто прочтет: не хвалю ведь я себя, ни смелости своей, но хвалю бога, ибо меня, грешного и ничтожного, столько лет хранил от тех смертных опасностей и не ленивым меня, худого, создал, но к любому делу человеческому способным.

Прочитав сию грамотку, потщитесь делать всякие добрые дела... Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам приведется. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет того суждено. А если придет смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не смогут вас отнять от нее.

Письмо Олегу Святославичу

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем, и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не примирившись между собою...

Пророк говорит: «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны и при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому.

Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя. Прислал он ко мне мужа своего и грамоту со словами: «Договоримся и помиримся, а братцу моему божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на бога, когда предстанут они на суд; а Русскую землю не погубим».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоего письма. Этими ведь словами предупреждал я тебя, объяснил, чего ждал от тебя...

Что мы такое, люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты. Другие собранное нами разделят меж собой. Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, пред тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее, как цветок, впервые распустившийся, как агнец заколотый, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! Воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного, нажил я грех себе, а отцу и матери его — слезы...»

Покаяться бы тебе, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне — ибо нет в ней ни зла, ни добра,— чтобы

я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее, с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда все и уладили. Но сам рассуди, мне ли было достойно посылать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Разве удивительно, что муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зло. И если начнешь каяться и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель... Не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому не видать мира душе своей на том свете!

«Начальная русская[1] летопись» — так принято называть «Повесть временны́х лет», то есть «Повесть о былых годах», составленную монахом Киево-Печерского монастыря Нестором в начале XII века на основании многих предшествующих, не дошедших до нас летописей XI века и различных русских и греческих исторических источников.

Удивительно появление этого произведения и не менее удивительна его судьба.

Чтобы у народа появилась необходимость в создании своей истории, в выяснении своих истоков и связей с другими народами, а тем более места своей истории в истории мировой,— для этого нужно было уже обладать высоким национальным самосознанием. Это самосознание было в Древней Руси уже в устном народном творчестве. В тех устных произведениях, которые отразились в составе «Повести временных лет», уже явственно чувствуется интерес к истории, к происхождению названий тех или иных городов или урочищ, к военным подвигам предков.

Нетрудно различить и главные типы фольклорных исторических произведений, использованных летописью. Их несколько. Один из главнейших — местные легенды, связанные с урочищами, могильниками, селами и городами всей великой русской равнины.

Могильные насыпи издавна и у всех народов были связаны с историческими преданиями. Высокие холмы, насыпавшиеся над могилами вождей, сами по себе свидетельствовали о стремлении сохранить на многие поколения память об умерших. Но, кроме того, память о погребенных поддерживалась тризнами, совершавшимися

---

[1] Летописи называют жителей Древней Руси русскими, но надо помнить, что эти «русские» или «русичи» IX—XIII веков были общими предками украинцев, великорусов и белорусов. Киевская Русь, охватившая пространство от Балтийского моря на севере до Черного моря на юге, от Карпат на западе до Волги на востоке, была общей прародиной трех братских народов.

на их курганах, культом, которым были окружены многие из могильных насыпей. С ними связывались различные сказания, жившие в окружающем населении, пока существовали и самые насыпи. Число этих холмов на территории Древней Руси было особенно велико. Их было очень много и в самом Киеве.

Первые летописцы неоднократно ссылаются на эти могильные холмы как на достоверных и правдивых свидетелей точности их исторического повествования. Так, например, память о завоевании Киева Олегом была связана с могилами Аскольда и Дира; гибель Игоря — с его могилой «у Искоростеня града у древлян»; легенда о Вещем Олеге — также с его могилой: «Есть же могила его и до сего дня, слывет могила Олегова» и т. д. Об этих могилах летописец замечает, что они существуют и «до сего дня», о многих из них он говорит, что они «слывут», то есть славятся погребенными в них князьями.

Не только с древними могилами была соединена народная память о делах минувшего. Города и урочища прочно хранили память о своем возникновении. Народная память в Новгороде и в Ладоге связывала определенные места с Рюриком, в Изборске — с Трувором, в Белоозере — с Синеусом. Местные по своему приурочению, эти предания говорили об общерусских деятелях, о событиях общерусской истории. Местные воспоминания о княгине Ольге хранили многочисленные урочища, села, погосты, перевесища (места, где ловились птицы) по Днепру и Десне. В Пскове сохранялись сани Ольги. «И ловища ее сохранились по всей земли и свидетельства о ней и места ее и погосты»,— пишет летописец, отмечая общерусский характер исторических преданий о княгине Ольге.

Насколько обильными и подробными были эти исторические воспоминания, показывает хотя бы та точная топография древнего Киева, которую дает летописец, описывая времена, отстоящие от него на целое столетие: «Вода тогда текла у подножия горы Киевской, и на Подоле не жили люди, но на горе. Град же был Киев там, где стоит ныне двор Гордятин и Никифоров, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротиславля и Чюдина, а перевесище (ловушки для птиц) было вне града, и был вне града двор другой, где находится двор деместика (руководителя хора) за церковью святой Богородицы; над горою был двор теремной, был тут терем каменный». Сейчас эти указания летописца ничего не говорят рядовому читателю, но для читателя в XII веке они говорили многое.

Характерно, что наиболее древние исторические воспоминания самым тесным образом связаны с языческим, дохристианским культом предков, но чем ближе ко времени, когда уже пишут летописцы, тем яснее выступают исторические припоминания сами по себе. Историческое самосознание народа становится все более интенсивным, вводится в точные хронологические рамки.

Таким образом, на всем пространстве Руси от Изборска, Ладоги и Белоозера и до северных берегов Черного моря, до Корсуни, где показывали летописцу церковь, в которой крестился Владимир, и до Тмуторокани, нынешняя Тамань на берегу Черного моря, хранилась историческая память об общерусских героях, о первых русских князьях, «трудом» своим великим собиравших Русскую землю. Даже вне пределов Руси, на далеком Дунае, указывали город (Киевец), якобы основанный Кием. Местные по своему приурочению, но общерусские по своему содержанию, эти предания свидетельствовали о широте исторического кругозора народа. В этих местных исторических

преданиях говорилось не только о Руси, но и о соседящих с нею народах и странах: венгры, печенеги, греки, скандинавы, хазары, поляки, болгары, а с другой стороны — Царьград, Тмуторокань, Корсунь, Ладога, Новгород, Киев и т. д. составляли тот широкий географический фон, на котором развертывалось действие легенд, связанных с урочищами. Таким образом, сама Русская земля с ее многочисленными городами, урочищами, селами, могильными насыпями была как бы живою книгою ее неписаной истории.

Та же «Повесть временных лет», которая сохранила нам многие местные легенды, свидетельствует и о других формах устной исторической памяти.

Внимательный анализ киевского летописания показывает, что многие записи сделаны в нем на основании рассказов двух лиц: Вышаты Остромирича и его сына Яня Вышатича, участие которого в летописании прямо отмечено под 1106 годом; под этим годом составитель «Повести временных лет» говорит о Яне, о его смерти и отмечает: «От него же и я многие слова слышал, которые и вписал в летописанье это,— все то, что от него слышал».

Князья постоянно вспоминали отцов и дедов своих, в широкой степени считаясь с родовыми традициями, с родовою преемственностью, с правами своего рода. Когда, например, в 1097 году Давыд и Олег Святославичи узнали об ослеплении Василька Теребовльского, оба они стали очень печальны и сказали: «Сего не было еще в роде нашем».

Еще одним видом устной исторической памяти, отраженной в «Повести временных лет», была дружинная поэзия. Дружинная среда, окружавшая русских князей, прочнее всего сохраняла память о военных подвигах прошлого. Дружина была хранительницей своих, дружинных традиций. Именно поэтому Святослав не решается нарушить заветы старины и принять крещение. Святослав говорит своей матери Ольге, предлагавшей ему креститься: «Дружина смеяться станет».

«Повесть временных лет» сохранила нам от дописьменного периода Руси содержание нескольких героических преданий именно этой дружинной поэзии. Их основной темой были смелые походы русских дружин на главный и богатейший центр тогдашней Европы — Константинополь. Необычайно дерзкие походы русских создали особенно благоприятные условия для расцвета героической песни. Отголоски этой дружинной поэзии звучат в летописных рассказах о походах на Царьград Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава. Они присутствуют в рассказе о том, как Олег повелел своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. С попутным ветром корабли развернули паруса и с поля подошли к Царьграду. Испуганные греки предложили мир и дань.

Дружинные песни рассказывали о том, как Вещий Олег отказался принять под стенами Царьграда предложенные ему в знак мира яства и вина, которыми греки собирались его отравить. Остатки дружинных песен об Олеге можно видеть в рассказе «Повести временных лет» о щите, который Олег прибил над вратами Царьграда, «свидетельствуя тем о победе». Наконец, и предание о смерти Олега от любимого коня через песни перешло в летопись и распространилось по всей Северной Европе, в местных преданиях Ладоги и в скандинавских сагах.

Отголосками дружинных песен явились и рассказы летописи о знаменитых пирах Владимира Святославича. Воспоминания об этих пирах, для которых варилось по

300 «провар»[1] меду, на которых было «множество мяса — домашнего скота и диких зверей», сохранились в современных былинах. Сознание дружиной своей силы и значения отчетливо выражено в летописном описании одного из пиров, составленном летописцем также, очевидно, на основании дружинной песни. Дружина ропщет на князя за то, что ей приходится есть деревянными ложками, а не серебряными. Более всего на свете любя свою дружину, Владимир, согласно этому дружинному преданию, приказал исковать ей серебряные ложки. «Серебром и золотом не найду себе дружины,— говорит Владимир,— а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой доискались с дружиною золота и серебра».

Особенно рельефна в «Повести временных лет» созданная на основе дружинных песен характеристика бесстрашного князя Святослава, всю свою недолгую жизнь проведшего в далеких походах. «Когда князь Святослав вырос и возмужал, стал он воинов собирать многих храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил с собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и на углях зажарив, так ел. Не имел шатра, но спал, подостлав потник конский и подложив седло в головах. Такими же и все прочие его воины были. И посылал в иные страны, предупреждая: «Хочу на вас идти». Когда побежденные им греки, желая испытать его, прислали ему многочисленные дары — золото и знаменитые византийские паволоки (шелковые ткани), Святослав не взглянул на них, приказав отрокам спрятать принесенное. Когда же греки принесли Святославу меч и иное оружие, Святослав принял оружие в свои руки, ласкал его, хвалил и просил приветствовать византийского царя, пославшего ему их. Греческие послы ужаснулись воинственности Святослава и, вернувшись к своим,сказали: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал царь своих послов к Святославу, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь».

Сходный рассказ, подчеркивающий воинственность русских, передает летописец и о полянах. Когда хазары обложили полян данью, поляне выплатили ее оружием: по мечу от дыма. Хазары отнесли эту дань своему князю, и старцы хазарские ужаснулись воинственности русских: «Не добрая это дань, князь! Мы доискались ее оружием острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружье обоюдоострое, то есть мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных стран».

Таким образом, дружинная поэзия дописьменной Руси была поэзией высокого патриотического пафоса. Именно это делало поэзию дружинников одновременно поэзией народной. Дружина русских князей была дружиной русской по своему патриотическому сознанию.

Этот особый характер народной памяти, отмечавшей в прошлом прежде всего все героическое, придал и первой русской летописи оттенок героичности и эпичности. Начало русской истории было для летописца напоено героизмом. Хвала и прославление отчетливо дают себя чувствовать в летописном изображении первых русских князей — Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира. Напротив того, обращаясь к князьям, своим современникам, летописец уже не воздает им хвалы, он зачастую противопоставляет им прежних князей. Тем самым героическое восхваление прошлого является

---

[1] «Провар» — количество напитка, которое можно было сварить за один раз.

одновременно и поучительным по отношению к современным летописцу князьям, которых он нередко осуждает.

Это героическое и учительное одновременно значение русской истории прямо подчеркнуто, и в тех же выражениях, что и у киевлян в 1097 году, в предисловии к Начальному своду в Новгородской летописи, предшествовавшему «Повести временных лет»: «Вас молю, стадо Христово: с любовию приклоните уши ваши разумно! Какими были древние князья и мужи их. И как обороняли Русскую землю и иные страны покоряли себе: ибо те князья не собирали многих богатств, не накладывали несправедливых податей, не распродавали имущество людей. Но если была справедливая подать, то ту и взимали и давали дружине на оружие. А дружина их кормилась, воюя иные страны, и говорила, вступая в сражение: «Братье! Потщимся по своем князе и по Русской земле». Не жадничали: «Мало мне, княже, 200 гривен!» Не воскладывали на своих жен золотых обручей, но ходили жены их в серебре. И обогатили землю Русскую...»

Так из устной народной истории Русской земли летопись заимствует не только факты, но и освещение этих фактов, заимствует общее представление о русской истории, ставя эти представления на службу политическим задачам современности.

Важно отметить, что распространенность этой славы не мыслится замкнутой только в пределах Русской земли. Слава князя — не его личная слава, но также и слава всей Русской земли, если только деятельность князя направлена на пользу Русской земле. Эта патриотическая точка зрения, с которой рассматриваются героические подвиги князей, свидетельствует и о высоком историческом сознании.

О славе русских князей говорит в середине XI века митрополит Иларион в своем знаменитом «Слове о законе и благодати»: «Не в бедной и не в неведомой земле владычествовали,— обращается Иларион к Владимиру,— но в Русской, о которой знают и слышат во всех концах света».

О той же всесветной славе пишут и летописцы под разными годами. Под 1111 годом в Ипатьевской летописи говорится о возвращении Владимира Мономаха из победоносного похода на Дон: «Возвратились русскии князья восвояси с славою великою к своим людям; и ко всем странам дальним прошла слава о них: к грекам, и к венграм, и к полякам, и к чехам, даже и до Рима прошла во славу богу. Пусть будет так всегда: и нынче и всегда во все века, аминь».

«Повесть временных лет» написана в период, когда один общественный уклад сменялся другим: уходящий патриархально-общинный новым, феодальным. С этим связаны два исторических сознания — эпическое и летописное. «Повесть временных лет» создана как произведение письменности, но, по существу, отражает устное народное творчество. На основе устной традиции своего времени «Повесть временных лет» создает письменный литературный язык, письменную историю Руси.

Устные истоки давали главным образом материал, содержание и идеи для построения русской истории, отчасти ее стилистическое оформление — язык. Традиции же

письменности вводили весь этот материал в привычные для средневековой книжности композиционные рамки. Летописцы работали обычными приемами средневековых книжников. В «Повести временных лет» сказались навыки обращения с материалом, типичные для средневековых писателей и совсем не похожие на писательские навыки нового времени.

Средневековая русская книга внешне, своим составом резко отличается от книг нового времени — XVIII—XX веков. В средневековой письменности редко можно было найти произведение одного автора или одно произведение, переплетенное в отдельный переплет, выделенное в отдельную самостоятельную книгу. Нельзя представить себе, что на книжной полке средневекового любителя чтения стояли рядом в отдельных переплетах «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Поучение Мономаха» и т. д. Средневековая русская книга — пергаменная первоначально (то есть написанная на особым образом выделанной коже), а в конце XIV века бумажная, крытая деревянными крышками, обтянутыми кожей, застегивавшаяся на медные застежки, многолистная и тяжелая — была чаще всего сборником.

Действительно, внимательное и тщательное изучение многочисленных текстов русских летописей показывает, что летописцы составляли летописи как сборники — «своды» предшествующих летописных материалов с присоединением своих записей за последние годы. Именно в результате такого рода соединений в летописях предшествующих летописных материалов иногда получается так, что та или иная летопись дважды, а иногда и трижды говорит об одном и том же событии: соединяя несколько предшествующих летописей в одну, летописец мог не заметить, что он повторил свой рассказ, «дублировал» известие на основании нескольких источников.

Итак, летопись — это свод, сборник. Составляя свой свод, летописец прежде всего заботился о том, чтобы получить в свои руки труды своих предшественников — таких же летописцев, затем исторические документы — договоры, послания, завещания князей, исторические повести, жития русских святых и т. д. и т. п. Собрав весь доступный ему материал, иногда многочисленный и разнообразный, иногда всего два-три произведения, летописец соединял его в последовательном изложении по годам. Летописи он соединял год с годом. Документ помещал под годом, к которому он относился, житие святого — под годом смерти этого святого, историческую повесть, если она охватывала несколько лет, разбивал по годам и каждую часть помещал под своим годом и т. д. Построение летописного изложения по годам давало ему удобную сеть для разнесения в нее все новых и новых произведений. Работа эта не была механической: летописцу приходилось иногда устранять противоречия, иногда производить сложные хронологические изыскания, чтобы поместить каждое событие под своим годом. Исходя из своих политических представлений, летописец иногда пропускал то или иное известие, делал тенденциозную подборку этих известий, изредка сопровождал их собственным кратким политическим комментарием, но при этом не сочинял новых известий. Закончив свою работу «сводчика», летописец дополнял этот материал собственными записями о событиях последних лет.

Составленная из разновременных кусков, из произведений разных жанров, летопись внешне кажется пестрой, сложной, неоднородной. Однако в целом летопись все же едина, как едино здание, построенное из крупных грубо отесанных камней. В этом есть даже особая красота — красота силы, огромности, монументальности.

Единство летописи, как исторического и литературного произведения, не в заглаженности швов и не в уничтожении следов кладки, а в цельности и стройности всей большой летописной постройки в целом, в единой мысли, которая оживляет всю композицию. Летопись — произведение монументального искусства, она мозаична. Рассмотренная вблизи, в упор, она производит впечатление случайного набора кусков драгоценной смальты, но, окинутая взором в ее целом, она поражает нас строгою продуманностью всей композиции, последовательностью повествования, единством и грандиозностью идеи, всепроникающим патриотизмом содержания.

Итак, летописи — это своды, но при этом не только своды предшествующих произведений, но и своды идей. В них получают свое отражение различные идеологии.

Мы видели выше, что в «Повести временных лет» отражены рассказы старых дружинников — Вышаты Остромирича и Яня Вышатича. Вместе с ними в «Повесть временных лет» проникли элементы дружинной идеологии. Эта дружинная идеология сказывается не только в рассказах Вышаты и Яня. Так, например, под 1075 годом в рассказе о прибытии в Киев немецкого посольства проведена та мысль, что дружина дороже всякого богатства. «Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво,— говорят послы о богатствах Святослава. Этого лучше воины. Ведь храбрые мужи добудут и больше того». В сходных выражениях говорит в летописи и Владимир Святославич, когда до него дошел ропот его дружины: «Серебром и золотом не добуду дружины, а дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой добыли дружиною золото и серебро» (в «Повести временных лет» под 996 годом). Особенно ярко противопоставление дружины богатству ощущается в уже приведенном нами рассказе «Повести временных лет» о дарах греков Святославу. Но то же противопоставление заметно и в рассказе под 1073 годом о бегстве князя Изяслава в Польшу «с богатством многим», о котором Изяслав, обманываясь, думал: «Этим наберу воинов». Наконец, то же противопоставление золота дружине звучит и в других летописях.

Естественно напрашивается вопрос: как могла проникнуть в монастырскую летопись дружинная точка зрения на политические события своего времени? Ответ на этот вопрос опять-таки лежит в сводном характере «Повести временных лет». Летопись — это не только свод предшествующих исторических материалов, но иногда и свод различных идеологий. При этом необходимо отметить, что остроте и целенаправленности политической точки зрения летописца не противоречит его стремление сохранить в своей летописи более или менее сходные точки зрения, сходные по своей направленности, хотя иногда и различные по исходным позициям. Идеология «старой дружины» в конце XI века была направлена против новой политики князей, и она дает себя чувствовать в летописи Киево-Печерского монастыря, находившегося в ссоре со Святополком. Для летописца часто не важно, с каких позиций критикуется княжеская власть, ему важна сама критика ее.

То же самое следует сказать не только о политической идеологии летописца, но и о его мировоззрении в целом.

В средневековом обществе религия и церковь играли очень большую роль. Часто говорится о божественном вмешательстве, о божественной помощи и в древней русской

литературе. Автор обращается иногда с молитвой к богу, богоматери и святым. Это, в основном, форма средневекового сознания, а за молитвой и обращением к богу часто стоит вполне конкретная мысль: иногда сознание своего патриотического долга, иногда радость по поводу освобождения из плена или по случаю победы, иногда надежда на будущее благополучие или горе. Средневековый человек привык изливать свои чувства и мысли в церковной традиционной форме, обряжать их в церемониальные одежды. Но действовал он, поступал, рассчитывал свои поступки всегда, исходя из реальных обстоятельств и учитывая свои реальные возможности. Это нельзя назвать противоречием — это обычай жить, — обычай, глубоко уходящий в традиции средневековья. Принято говорить о религиозном мировоззрении летописца. Следует, однако, заметить, что летописец отнюдь не отличается последовательностью в этой своей религиозной точке зрения на события. Ход повествования летописца, его конкретные исторические представления очень часто выходят за пределы религиозного мышления и носят чисто практический характер. Свою религиозную точку зрения летописец в значительной мере получает в готовом виде, и она не является для него следствием особенностей его мышления. Поскольку свои религиозные представления летописец во всех их деталях получает извне, обязан их придерживаться официально, они в значительной степени могут расходиться с его личным опытом, с его практической деятельностью как историка. Русская политическая мысль находила себе выражение в тесной связи с реальными событиями своего времени. Она конкретно опиралась на факты современной истории. Для нее не характерны самостоятельные отвлеченные построения христианской мысли, уводившей летописца от земного мира к отвлеченным вопросам предстоящего со смертью каждого человека его разрыва с земным бытием. Вот почему, к счастью для исторического знания Древней Руси, летописец не так уж часто руководствовался своей религиозной философией истории, не подчинял ей целиком своего повествования, а только внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к своему деловитому и, в общем, довольно реалистическому рассказу о событиях. Важно при этом отметить, что в выборе моментов, по поводу которых летописец находил необходимым пускаться в религиозные размышления, сказывался тот же средневековый «этикет» писательского ремесла, о котором мы говорили уже выше. Религиозно-дидактические комментарии летописца вызывали всегда одни и те же явления описываемой им жизни: неурожаи, моры, пожары, опустошения от врагов, внезапная смерть или небесные знамения.

Вот пример такого торжественного выражения надежды и исторического оптимизма. Под 1093 годом летописец рассказывает об одном из самых страшных поражений русских от половцев и о страдании русских пленников в половецком плену. Закончив этот рассказ, летописец восклицает: «Да никто не дерзнет сказать, что нас ненавидит бог! Да не будет этого! Кого бог любит так, как нас? Кого так почтил, как нас он прославил и вознес? Никого!»

Итак, момент религиозный не пронизывал собою всего летописного изложения.

В этой непоследовательности летописца ценность летописи, так как только благодаря этой непоследовательности в летописное изложение властно вторгаются опыт, непосредственное наблюдение, элементы реализма в описании и рассказе, политическая злободневность — все то, чем так богата и благодаря чему так ценна русская летопись.

Снова возвращаемся к той теме, что «Повесть временных лет» — свод предшествующего исторического материала. В самом деле, в «Повести временных лет» мы отнюдь не имеем дела с единым авторским текстом, принадлежащим одному автору. Ясно, например, что тексты договоров русских с греками под 907, 912, 945 и 971 годами не выдуманы летописцем, что это — документы, только включенные летописцем в свою летопись.

Совершенно отчетливо выделяются в «Повести временных лет» и переводные источники. Летописцы пользовались как историческими источниками различными переводными сочинениями, делали из них выборки, кропотливо, на основании документов воссоздавая историческое прошлое Руси. Эти переводы дошли до нас полностью; поэтому не трудно установить, откуда, из какого места того или иного сочинения взят летописцем какой-нибудь текст и как он переработан для включения в летопись. Из переводных источников исторических сведений летописца укажем прежде всего греческую Хронику Георгия Амартола (то есть «грешного») и его не известного нам по имени греческого продолжателя. На эту Хронику ссылается и сам летописец: «Говорит Георгий в летописании...» Ссылается летописец и на Хронограф (под 1114 годом), из которого также приводит выдержки в разных местах «Повести временных лет». Пользуется летописец как историческим источником и «Летописцем вскоре» константинопольского патриарха Никифора, откуда заимствует под 852 годом хронологическую выкладку. Из переводного греческого Жития Василия Нового летописец приводит под 941 годом описание военных действий Игоря под Константинополем. Ссылается летописец и на авторитет «Откровения» Мефодия епископа Патарского под 1096 годом («Мефодий же свидетельствует о них...» — о половцах). Летописец дает из Мефодия Патарского большие выдержки. Несомненно, что и большое Сказание о начале славянской грамоты под 898 годом также не выдумано летописцем, а приведено им из каких-то западнославянских источников. Труднее определить отдельные русские сказания, вошедшие в состав «Повести временных лет»: о крещении и смерти Ольги, о первых мучениках-варягах, о крещении Руси с «Речью философа», о Борисе и Глебе и другие. Еще более трудно определить те предшествовавшие «Повести временных лет» летописи, которыми пользовался ее составитель и его предшественники. Каков был состав этих предшествовавших «Повести временных лет» летописей? Какими из внелетописных исторических источников воспользовался каждый из летописцев, когда были составлены эти летописи? На все эти вопросы ответить нелегко, здесь возможны по большей части лишь предположения — одни более убедительные, другие менее.

Пристальное наблюдение текста «Повести» тотчас же обнаруживает отдельные части, которые не могли быть написаны автором начала XII века. Летописец XII века не мог знать, что поражение Всеволода половцами в 1061 году произошло точно 2 февраля, что Ростислав Тмутороканский умер 3 февраля 1066 года, что в 1065 году рыбаки выловили в Сетомле неводом урода, что 3 марта 1067 года произошла битва на Немиге, и многое другое.

Кроме того, в «Повести временных лет» обнаруживаются явные вставки, разрушающие логическое развитие рассказа. Так, например, рассказав о троекратном мщении Ольги древлянам за убийство мужа — Игоря, летописец заключает: «И победили древлян». Казалось бы, после этих слов следует ожидать сведений о той дани, которую

Ольга возложила на побежденных. Но оказывается, что с древлянами не все покончено: древляне затворяются в своих городах, после чего летописец рассказывает о второй победе Ольги — о ее четвертой мести; и только после этого уже следуют слова: «Возложила на них дань тяжку». Ясно, что рассказ о четвертой мести Ольги древлянам искусственно вставлен в летописный текст.

Или еще пример вставки: в 971 году, видя убыль в своей дружине, Святослав решает вернуться из византийских пределов за новым войском. «Пойду на Русь,— говорит он,— приведу больше дружины». И он действительно исполняет свое решение: «пошел в ладьях к порогам». Но между рассказом о решении и рассказом об исполнении этого решения находится повествование о заключении Святославом мира с греками и обширный текст договора. Ясно, что и здесь мы имеем дело со вставкой.

Вставки в тексте «Повести временных лет» были обнаружены различными исследователями. Наличие этих вставок свидетельствует о том, что в основе «Повести временных лет» лежит летопись еще более древняя. Очевидно, что составитель «Повести временных лет» использовал труды своих предшественников летописцев, расширив их этими самыми вставками и продолжив изложение событий до своего времени.

Восстановление летописных сводов, предшествовавших «Повести временных лет», принадлежит к увлекательнейшим страницам филологической науки. Приведем лишь некоторые из соображений, дающих возможность восстановить работу предшественников составителя «Повести временных лет».

Этим составителем «Повести временных лет» был, по-видимому, монах Киево-Печерского монастыря Нестор, работавший около 1113 года. В непосредственном виде труд Нестора не сохранился. Он сохранился лишь в переделках и доработках последующих редакторов. Эти редакторы, принадлежавшие к другой политической ориентации и к другому, враждебному печерянам, монастырю, изъяли имя Нестора из заглавия летописи. Но в одном из списков имя Нестора все-таки сохранилось: «Нестора, черноризца Федосьева монастыря Печерского». Можно думать, что это не позднейшая вставка, так как еще в XIII веке имя Нестора связывали с созданием «Повести временных лет»: в своем послании к епископу Симону 1232 года Поликарп в числе прочих постриженников Печерского монастыря упоминает и Нестора, «иже написа Летописець».

Правда, признание Нестора составителем «Повести временных лет» встречало в науке неоднократные возражения. Исследователи ссылались на противоречия между отдельными сведениями, читающимися в «Повести временных лет» о Киево-Печерском монастыре, и теми, которые даются о том же монастыре в достоверно принадлежащих Нестору произведениях, в частности в Житии одного из основателей монастыря — Феодосия. Однако противоречия эти отнюдь не могут свидетельствовать против авторства Нестора: «Повесть временных лет», как доказывает А. А. Шахматов, была составлена Нестором на 25 лет позднее Жития Феодосия, и противоречащие в ней Житию Феодосия места не принадлежат Нестору: они находятся в ней в составе той части, которая целиком была заимствована Нестором из предшествующего летописного свода.

В пользу авторства Нестора следует привести и следующее соображение: уже два ранних житийных произведения Нестора — «Чтение» о князьях Борисе и Глебе и Житие Феодосия Печерского — характеризуют его как писателя, склонного к большим

историческим обобщениям и к тщательной проверке исторического материала. Он называет лиц, со слов которых записаны им события или у которых можно было бы проверить сообщаемые им сведения. В Житии Феодосия он ссылается на свидетельство не только монахов своего Печерского монастыря — современников Феодосия, но и на лиц сторонних: на черниговского игумена Павла, на выдубицкого игумена Софрония, на боярина Гегуевича Здеслава и других.

Начитанность, проявленная Нестором при создании «Повести временных лет», исключительна. Однако Нестор не следует литературной манере своих источников, или если и следует, то лишь в некоторых случаях. Он использует византийские произведения не как литературные образцы, а как исторические источники. Он пользуется их историческими сведениями, но не идеями и не подражает им.

Замечательно, что, пользуясь сведениями своих исторических источников, Нестор свободно перестраивает их текст: сокращает и упрощает стилистически.

Иногда в стилистической переработке источников чувствуется патриотическая рука. Нестор не только изменяет стиль, но отчасти, очень осторожно, перерабатывает и самое освещение событий. Так, например, в Житии Василия Нового говорится о сражении Игорева войска с греками: «И было между ними сражение, побеждена была Русь, и били их греки бежащих». Нестор же излагает это событие так: «И было между ними жестокое сражение, едва одолели греки» («Повесть временных лет», 941 год).

Высокое литературное образование Нестора, его исключительная начитанность в источниках, умение выбрать в них все существенное, сопоставить разноречия и т. д. сделали «Повесть временных лет» не просто собранием фактов русской истории и не просто историко-публицистическим сочинением, связанным с насущными, но преходящими задачами русской действительности, а цельной, литературно изложенной историей Руси.

Патриотическая возвышенность рассказа, широта политического горизонта, живое чувство народа и единства Руси составляют исключительную особенность создания Нестора.

Историческое сознание Нестора выше его предшественников. Он интересуется первопричинами, происхождением народа, государства, княжеского рода, названий городов и племен. Он в большей мере, чем его предшественники,— исследователь. Его изыскания в области хронологии изумительны. Он пытливо стремится разобраться в противоречиях источников и строит свои сложные исторические гипотезы. Перед нами историк-мыслитель.

Летописец сравнил книги с реками: «Ибо они реки, напояющие Вселенную» («Повесть временных лет» под 1037 годом). Это сравнение летописца как нельзя более подходит к самой летописи. Величавое изложение летописью русской истории действительно может быть уподоблено торжественному и могущественному течению большой русской реки. В этом течении летописного повествования соединились многочисленные притоки — произведения разнообразных жанров, слившиеся здесь в единое и величественное целое. Тут и предшествующие летописи, и сказания, и устные рассказы, и исторические песни, созданные в различной среде: дружинной, монастырской, княжеской, а порой ремесленной и крестьянской. Из всех этих истоков — «родников мудрости» — родилась и «Повесть временных лет» — создание многих авторов, произведение, отразившее в себе и идеологию верхов феодального общества, и народные

воззрения на русскую историю, народные о ней думы и народные чаяния, произведение эпическое и лирическое одновременно — своеобразное мужественное раздумье над историческими путями нашей родины.

«Повесть временных лет» — произведение родное для всякого русского человека. Она повествует о начале Русской земли, о начале русского народа голосом далеких и вместе с тем близких нам русских людей XI — начала XII века. К ее спокойному изложению мы не раз возвращаемся и всегда находим в нем новые и новые, не замеченные нами прежде глубины содержания.

«Повесть временных лет» в полном виде, с дополнениями или с сокращениями, начинала собой все русские летописи в течение полутысячелетия. Это было очень важно, так как она постоянно напоминала своим читателям о единстве Руси, о былой независимости Руси в пору чужеземного ордынского ига, учила патриотизму и взывала к сохранению мира между князьями. Ею открывались летописи владимирские, тверские, ростовские, московские, киевские, галицкие, а впоследствии и белорусские и украинские. В том или ином виде она отразилась во всех историях Древней Руси.

И сейчас, когда мы стоим перед знаменательным юбилеем тысячепятисотлетия «матери городов русьских» Киева, она одна из самых больших святынь для трех братских народов — украинского, русского и белорусского, свидетельствуя об их единстве, о славе и величии нашего общего прошлого.

В издание, которое лежит перед нашими читателями, «Повесть временных лет» вошла далеко не полностью. Мы выбрали из нее только те рассказы, которые стали непременным элементом знаний всякого образованного человека, которые вошли в русскую литературу, послужив основой для стихотворений, исторических повестей, драматических произведений, опер и картин. Пожелаем читателю счастливой встречи с этим замечательнейшим произведением нашей древности.

Д. С. Лихачев

Пояснения

СЛАВЯНЕ ПРИШЛИ И СЕЛИ ПО ДНЕПРУ

Стр. 6

Древнерусский летописец понимал единство славянских народов и отразил это в рассказе о расселении славян.

БЫЛ ТУТ ПУТЬ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ

Стр. 6

Летописец дает первое географическое описание Руси и определяет место Руси среди других стран Востока и Запада.

Реки — главные дороги древности; в местах, где русла рек сближаются, устраивались «волоки». Было два главных водных пути. Один назывался «из Варяг в Греки». Он вел из Скандинавии, страны варягов, в Византию, страну греков. Плыли через Балтийское море и по Неве входили в Ладожское озеро. Из него поднимались по Волхову в Ильмень-озеро и плыли вверх по реке Ловати. Далее волоком переводили ладьи в Днепр и спускались вниз до Черного моря. По Черному морю шли через Босфорский пролив в Константинополь, в столицу Византии. Вторым великим водным путем был Волжский путь. Он вел на восток в страну волжских или камских болгар и далее через Каспийское (Хвалисское) море в Хорезм. В летописи много говорится о соседях Руси.

Озеро великое Нево — Ладожское озеро.

Устье того озера — река Нева.

Море Варяжское — Балтийское море.

Болгары — страна волжских и камских болгар, тюркского народа.

Хвалисы — Хорезм.

Понтийское море — Черное море.

НА СИХ ГОРАХ БУДЕТ ГОРОД ВЕЛИКИЙ

Стр. 7

Исследователи считают, что предание о посещении апостолом Андреем Русской земли включено в летопись только в начале XII века, когда на Руси уже давно было принято христианство. Предание основано на древних греческих легендах о путешествии Андрея в Синоп и в Корсунь.

В рассказе две части. В первой возвеличивается Русская земля: летописец гордится тем, что его родина, хотя в ней новая религия восторжествовала позже, чем в других странах, все же не

была обойдена апостолами. Особенно возвышало Русскую землю в его глазах то, что по ней ходил первозванный апостол, казалось, сбывается речение: «Последние будут первыми». Вторая часть рассказа — бытовая картинка, шутка киевлян над незнакомым на юге Руси обычаем новгородцев париться в банях.

Синоп — греческая колония на южном берегу Черного моря, впоследствии крупный политический центр Византийской империи.

Корсунь — древнерусское название Херсонеса, византийской колонии в Крыму.

И БЫЛИ ТРИ БРАТА — КИЙ, ЩЕК И ХОРИВ

Стр. 8

Легенда о трех братьях — распространенный вид преданий о начале города, селения или о происхождении названия местности. Само число три — эпическое число. Долгое время рассказ об основателях Киева считали выдумкой летописца. Но у предания есть исторические основания: когда археологи стали проводить раскопки в Киеве, они обнаружили, что в глубокой древности на трех соседних холмах действительно было три самостоятельных славянских поселения, которые впоследствии слились. В предании о Кии, Щеке и Хориве отражены древние связи славян с Византией, что подтверждается греческими и арабскими источниками.

Спуск Боричев — соединял главную часть Киева на горе с Подолом у реки.

И ЖИЛИ МЕЖДУ СОБОЮ В МИРЕ ПОЛЯНЕ, ДРЕВЛЯНЕ, СЕВЕРЯНЕ, РАДИМИЧИ, ВЯТИЧИ И ХОРВАТЫ

Стр. 8

Данные археологии все больше и больше подтверждают достоверность сообщений «Повести временных лет». Подтвердился и рассказ о расселении славянских и неславянских племен. Этому помогли находки женских украшений, так называемые височные кольца, которые вплетались в волосы и висели на висках. Оказывается, все славянские женщины носили височные кольца. Но у женщин разных племен кольца имели различную форму. Древлянки вплетали сразу много мелких колец, которые звенели при каждом движении. А северянки носили на висках кольца, красиво загнутые в плоскую спираль. Кольца женщин из племени кривичей напоминали тонкие браслеты. Места находок всех этих колец разной формы точно совпадают с местами расселения славянских племен, указанными летописцем.

По соседству со славянами жили финно-угорские, эстонские и литовские племена — чудь, весь, ямь, меря, мурома, черемисы (мари) и другие.

«Великая Скифь» — византийцы называли скифами славян, перенеся на них наименование народа, жившего в тех же местах в античную эпоху и известного им по трудам древнегреческих историков.

ПОГИБЛИ КАК ОБРЫ

Стр. 9

В V—VII веках н. э. происходило так называемое «великое переселение народов». Различные племена под воздействием до сих пор не совсем ясных причин непрерывно двигались. Среди этих народов были и авары — обры нашей летописи. Они кочевали на просторах Центральной и Средней Азии, потом вторглись в степи Западного Прикаспия, двинулись на Балканы, угрожали Константинополю. Они покорили некоторые славянские племена, и об их тяжелом иге рассказывается в летописном предании. В X веке авары были разбиты венграми, и после этого они уже не упоминаются в исторических источниках.

НЕ ДОБРАЯ ЭТО ДАНЬ, КНЯЖЕ

Стр. 10

Хазары занимали степи между Волгой и Доном, между Азовским и Каспийским морями. В VII—IX веках они представляли большую силу. Их главным городом был Саркел. Русские называли его Белая Вежа, то есть Белая Башня. Это была мощная крепость с каменными стенами и башнями, но впоследствии она была настолько разрушена, что о ее точном местоположении исследователи спорят и сейчас. Вторым крупным городом хазар был Итиль, стоявший в устье Волги. Хазарское царство находилось на перекрестке важных торговых путей и играло видную роль в международной торговле. Хазары совершали набеги на славянские племена и заставляли их платить дань.

С ЭТОЙ ПОРЫ НАЧНЕМ И ЧИСЛА ПОЛОЖИМ

Стр. 12

Летосчисление в Древней Руси, как и в Византии, велось иначе, чем у нас теперь. Тогда года считали «от сотворения мира» и начинали год 1 марта или 1 сентября. Наша же «новая эра» считает года «от рождества Христова». Чтобы получить дату по современному календарю, надо от древнерусского года отнять 5507 или 5508 в зависимости от того, приходится ли событие на время до 1 марта (или 1 сентября) или после.

ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА

Стр. 12

Легенда о призвании варяжских князей, как доказал виднейший знаток русского летописания академик А. А. Шахматов, новгородского происхождения и записана в летопись сравнительно поздно, лишь в начале XII века. В ней отразился новгородский обычай по своему выбору призывать князей как военных вождей. В основу легенды легли местные племенные предания — новгородские (словенские), белозерские (племена весь) и изборские (кривичевские). До сих пор один из холмов возле Новгорода на берегу Волхова называют Рюриковым городищем, недалеко от Белозерска показывают могилу Синеуса, а в Изборске над озером высится Труворово городище. Но сохранились предания и о том, что задолго до призвания легендарных варяжских князей в Новгороде правил мудрый и справедливый Гостомысл, а в Изборске — Словен, который якобы и дал имя всему славянскому племени.

Варяжские князья названы братьями по законам фольклора, одновременно это братство отражало действительно существовавший союз трех племен, их «побратимство». В XII веке ожесточились княжеские междоусобицы, «братоубийственные козни», и утверждение братских уз первых князей имело тогда громадное значение. Вот почему северное предание нашло поддержку у киевских летописцев, по мысли которых князья, связанные кровным родством и призванные первоначально для установления мира, должны прекратить братоубийственные распри.

Легенда типична для средневековья: чтобы возвысить свою страну, было принято возводить происхождение правящей династии к иностранному государству — французские короли будто бы происходили от троян, многие немецкие династии выводились из Рима, чем очень гордились. В Англии бытовало предание, что бритты призвали князей-братьев саксов Хингиста и Хорса. Таким образом, легенда о призвании князей обычна для того времени. Однако в XVIII веке она породила среди некоторых немецких историков, работавших в России, так называемую норманнскую теорию, согласно которой норманны-варяги были не только воинами и купцами, приходившими на Русь, но и создателями Русского государства. В действительности, как показали работы советских исследователей, Русское государство складывалось в результате внутренних социально-экономических причин, а не под внешним воздействием.

Варяги — в скандинавских странах варягами называли скандинавские и англо-саксонские дружины, служившие у византийского императора. На Руси варягами назывались скандинавские воины и купцы.

БЫЛО У РЮРИКА ДВА МУЖА, АСКОЛЬД И ДИР

Стр. 13

Рассказ об Аскольде и Дире основан на каких-то, очевидно, дружинных преданиях. В этом сказании, возможно, отражены события тех лет, когда отдельные дружины варягов, пробиваясь к Царьграду, задерживались в тех или иных городах.

НАЧАЛИ БРАТЬЯ ЭТИ СОСТАВЛЯТЬ СЛАВЯНСКУЮ АЗБУКУ

Стр. 14

Братья Кирилл и Мефодий, греки, или македонские болгары по национальности, жили в IX веке. Они составили азбуку для болгарского языка (теперь мы называем этот язык древнеболгарским или церковнославянским). Древнеболгарский, или церковнославянский, язык был понятен каждому славянину и вскоре стал общим литературным языком славянского мира. Кирилл и Мефодий собрали целый ряд переписчиков и переводчиков и перевели с греческого большое число произведений, приобщив славян к тысячелетнему наследию народов Греции, Иудеи, Египта, Сирии и других стран.

На Руси письменность существовала уже в языческие времена, но азбука Кирилла и Мефодия пришла к нам с христианством в X веке. В несколько измененном виде мы пользуемся ею и сейчас, и нам следует с благодарностью вспоминать братьев Кирилла и Мефодия, которых справедливо называют просветителями славянскими. В 80-е годы этого века исполняется тысяча лет русской письменности.

ЭТО БУДЕТ МАТЬ ГОРОДАМ РУССКИМ

Стр. 15

Киев словно создан был стать матерью городов русских. С незапамятных времен он был центром племенного объединения полян. Крутые берега Днепра, перерезанные глубокими оврагами, защищали его от врагов. Мягкий климат и плодородная почва ускорили развитие земледелия. В Киеве сходились торговые пути на запад (в Чехию, Польшу, Венгрию, Германию), на восток (в Хазарское царство и в Арабский халифат), на юг (в Болгарию и Византию) и на север (по Днепру в Смоленск, Новгород и в Скандинавию).

Память об Аскольде и Дире, убитых Олегом в Киеве, живет до сих пор. На Угорской горе над Аскольдовой могилой поставлена в 1810 году небольшая, круглая в плане церковь, надстроенная в 1936 году колоннадой. Писатель М. Н. Загоскин написал повесть из жизни Древней Руси под названием «Аскольдова могила», а композитор А. Н. Верстовский сочинил одноименную оперу.

И ВЛАСТВОВАЛ ОЛЕГ НАД ПОЛЯНАМИ, И ДРЕВЛЯНАМИ, И СЕВЕРЯНАМИ, И РАДИМИЧАМИ

Стр. 16

Олег был не только воителем, но и государственным деятелем — так рисует его летопись. Он способствовал укреплению нового феодального строя, который уже давно, но медленно, постепенно сменял прежние родовые и племенные отношения. Объединив полян, древлян, северян, ради-

мичей и положив конец их зависимости от хазар, Олег подчиняет славянские племена Киеву как единому политическому центру; старые племенные отношения исчезают, и складывается территория Древнерусского государства.

И ПОВЕСИЛ ОЛЕГ ЩИТ СВОЙ НА ВРАТАХ ЦАРЬГРАДА

Стр. 17

Олег прославился своим победоносным походом на Царьград (Константинополь). Самым главным его достижением в борьбе с Византией было завоевание беспошлинной торговли. В предместье Константинополя был выделен целый квартал, где могли жить русские купцы. Им назначалось определенное содержание на время пребывания в Царьграде и снаряжение на дорогу. Они могли входить в обнесенную стенами часть города, но — видно, греки сильно боялись воинственной Руси — входить разрешалось только по 50 человек через одни ворота, без оружия и обязательно с провожатым.

После заключения мира греки водили русских послов по своей великолепной столице, показывая им различные достопримечательности. Так военный поход Олега дал Киевской Руси не только возможность выгодно торговать с Царьградом, но и познакомил молодое государство с многовековой культурой Византии.

Греки же замкнули Суд...— Суд, залив и гавань Золотой Рог, запирался цепью, протягивавшейся между двумя башнями на обеих сторонах входа в залив.

Дмитрий — Дмитрий Солунский, считался покровителем славян. *Солунь* — византийский город, населенный преимущественно славянами.

...Перуном, богом своим, и Велесом, богом скота...— *Перун* — бог грома и войны; *Велес* (Волос) — покровитель скота и пастухов.

Сшейте для руси паруса из паволок, а словенам — полотняные.— В данном месте летописи под *русью,* очевидно, подразумеваются киевляне и дружина киевского князя, под *словенами* — новгородцы.

И ВСПОМНИЛ ОЛЕГ КОНЯ СВОЕГО

Стр. 20

Прост и краток рассказ об Олеговой смерти. Его глубокая поэтичность привлекла А. С. Пушкина, выбравшего этот сюжет для «Песни о вещем Олеге».

В отличие от киевского летописца Нестора, новгородские летописцы утверждали, что могила Олега находится не в Киеве, а в Ладоге. Действительно, недалеко от Старой Ладоги, в излучине Волхова, над обрывом к воде высится ряд курганов. Какое-то особое ощущение испытываешь подле этих памятников еще языческой древности. Быстро мчит свои воды серебряный Волхов, вдали на мысу виднеется древняя ладожская крепость с белеющим собором св. Георгия (XII век), а эти огромные курганы — свидетели совсем седой старины.

ПОШЕЛ ИГОРЬ НА ГРЕКОВ

Стр. 21

Мы читаем о походах Олега, Игоря на греков. Как же совершались эти походы? Летописец не пишет об этом. Но византийский император Константин Багрянородный, писатель и ученый X века, посвятил целую главу своего сочинения «Об управлении государством» рассказу о том, как русские купцы приезжают в Константинополь. Из его рассказа мы узнаем, что зимою в раз-

ных областях Руси готовили ладьи-однодеревки, то есть лодки, сделанные из одного толстого выдолбленного дерева с набивными бортами. Весною ладьи сплавлялись вниз. В Киеве их оснащали. После этого нагруженные товаром ладьи шли вниз по Днепру до порогов. Проходя их, часть дружинников выходила на берег, чтобы нести охрану, а другие, разувшись, нащупывали путь и осторожно проводили ладьи между камней. У самых же больших порогов приходилось выгружать ладьи и тянуть их волоком или переносить на руках. Тут часто из засады нападали печенеги. Неудивительно, что, пройдя пороги благополучно, русские князья зажигали жертвенные костры на острове Хортица и под большим священным дубом благодарили богов за счастливый исход.

Спустившись в самое устье Днепра, русские купцы или воины-дружинники снаряжали однодеревки парусами и всем необходимым для морского плавания и выходили в море. Плыли вдоль западных берегов Черного моря. Но и здесь их часто подстерегала беда. Налетит шквал, выбросит ладьи на берег, а тут уже рыщут печенеги, ждут добычи. Целых 30—40 дней длилось путешествие из Киева в Царьград. Константин называл его «многострадальным, страшным и тяжелым плаванием».

Феофан же встретил их в ладьях с огнем...— Феофан — византийский военачальник; *огонь* — так называемый греческий огонь: через медные трубы, установленные на носу или на бортах кораблей, византийцы выбрасывали горючую смесь, состав которой они держали в секрете. Предполагают, что в смесь входила нефть и селитра.

ЕСЛИ ПОВАДИТСЯ ВОЛК К ОВЦАМ, ТО ВЫНОСИТ ВСЕ СТАДО

Стр. 23

Константин Багрянородный, который рассказал, как ходили русские в Царьград, писал и о сборе дани. Русские князья с осени уходили «в полюдье». Константин дает это слово без перевода на греческий язык — очевидно, он хорошо знал русские обычаи. В полюдье «кормились» князь и его дружина, то есть получали с населения все для себя необходимое, и собирали дань. Весною, когда вскрываются реки, князья забирали всю собранную дань и, как только проходил лед, возвращались в Киев.

Часто во главе сборщиков дани стоял не сам князь, а кто-нибудь из его дружинников. Дружинники жили с князем, ходили с ним собирать дань, отправлялись в военные и торговые походы, кормились за его столом и решали с ним основные дела государства. Постепенно из среды дружинников выделились особенно богатые и влиятельные — их называли старшими, в отличие от остальных — младших. Старшие дружинники часто сами имели свои дружины. К таким старшим дружинникам относился и Свенельд. Рассказ о смерти Игоря красноречиво рисует жестокость и насилие князей при сборе дани.

ХОЧУ МСТИТЬ ЗА ОБИДУ МУЖА СВОЕГО

Стр. 24

Ольга принимала древлян в богатых княжеских хоромах. Главной постройкой на ее дворе (двором назывались все жилые и хозяйственные строения) был терем. О теремах пели в песнях, рассказывали в сказках. Их называли красными, то есть красивыми, златоверхими — покрытыми позолоченной шатровой кровлей. Теперь археологи находят толстые медные листы от таких кровель с хорошо сохранившейся позолотой. Терем был богато украшен деревянной резьбой с изображением животных и растений. Он возвышался над остальными хоромами княжеских дворов и издали блестел своим золоченым шатром.

Терема и сени, клети и повалуши (в последних устраивались залы для пиров) — все эти разнообразные постройки создавали красочную картину древнерусского города.

За городом, «в поле» высились зеленые шапки насыпных холмов — курганов. Особенно грандиозны были княжеские курганы X века возле Чернигова и Смоленска. Под ними покоились те воинственные князья, которые ходили с Олегом, Игорем и Святославом на Волгу и Каму, на Северный Кавказ или Византию. Многие князья погибали на чужбине, тонули в морской пучине. В таких случаях курган был только памятником, который должен был увековечить славу почившего героя.

Обычно курганы делались круглыми в плане, и земля насыпалась на высоту до 6 метров. Посредине верхней площадки клали оружие и доспехи покойного; вокруг этих знаков боевых доблестей садились сподвижники князя. Они устраивали поминки, кончавшиеся поединками и военными играми. Это называлось тризной. После тризны еще выше насыпали курган и ставили на вершине столб с именем князя.

Такой курган Ольга велела насыпать над могилой Игоря, здесь она устроила ему тризну, а древлянам смертный пир.

Слово «город» происходит от слова «городить», «огораживать». Город — это огороженное стенами поселение. Часто сами стены также назывались городом. Города, как правило, устраивались на местах, укрепленных самой природой: в излучинах рек, на вершинах холмов, иногда среди болот. Их окружали рвами и высоким валом, поверх которого шел деревянный остроконечный тын, защищавший обороняющихся от вражеских стрел. Взять такие города, имея только стрелы да мечи, было не легко. Осада часто продолжалась очень долго, и только голод и болезни среди осажденного населения или какая-нибудь хитрость осаждающих помогали овладеть городом.

ПЕРЕХИТРИЛА ТЫ МЕНЯ, ОЛЬГА

Стр. 29

Летописный рассказ о поездке Ольги в Царьград не совсем точен. Император Константин Багрянородный, который царствовал тогда в Константинополе, не мог предложить Ольге выйти за него замуж: он был в то время давно женат, да и Ольге было уже много лет. Но он действительно оказал русской княгине почетный прием. Этот прием описан самим Константином и изображен на миниатюре в книге одного из византийских историков.

Царь принимал «игемону и архонтиссу руссов» в самом торжественном и роскошном зале своего дворца, где устраивался прием только знаменитым и великим людям. Император восседал на «троне Соломона». Трон назывался так потому, что он был устроен в подражание великолепному трону иудейского царя Соломона, описанному в Библии. Трон императора Византии был сделан из чистого золота, усыпан драгоценными каменьями и стоял на возвышении из зеленого мрамора. По обеим его сторонам лежали и сидели искусно вырезанные фигуры различных животных, среди них выделялись своей величиной львы. Возле трона стояло дерево, также сделанное из золота. На его ветвях сидели золотые птицы.

И вот один из царедворцев подал знак золотым жезлом: отдернулась парчовая завеса главного входа, и Ольга в сопровождении многочисленной свиты вошла в зал. В это время музыканты заиграли на музыкальных инструментах, золотые птицы, сидевшие на дереве, запели на разные голоса, звери, окружавшие трон, встали и поднялись на задние лапы, а львы раскрыли пасти и зарычали. Так хитро был устроен «трон Соломона».

Царь богато одарил именитую гостью. Но и Ольга не осталась в долгу. Привыкшие к роскоши византийцы поразились красотой ее даров и поместили их в церкви св. Софии, главной святыне Царьграда. Там в конце XII века один из русских паломников (так назывались у нас путешественники) видел золотое блюдо «Ольги русской», украшенное резным камнем и жемчугом.

...царь Константин, сын Леонов... — Константин Багрянородный, сын Льва Философа.

Великий Константин — римский император Константин Великий (ок. 285—337 гг. н. э.).

ИДУ НА ВЫ

Стр. 31

«Иду на вы» означает «иду на вас», «вы» — древняя форма предложного падежа. Выражение «иду на вы» прочно вошло в русский язык и в русскую литературу, как честное и открытое объявление войны.

Сын Игоря и Ольги Святослав олицетворяет по летописи бесстрашного воина, в бесчисленных битвах неизменно одолевавшего врагов. Святослав действительно был блестящим полководцем. Первые его походы были направлены на восток. Разгромив недавно еще могучее хазарское царство, Святослав пошел на Северный Кавказ и упрочился на Таманском полуострове. Русь стала главной силой на северных берегах Черного моря. Беглецы из покоренных стран разносили вести о непобедимости Святослава вплоть до далеких арабов. В 967 году Святослав двинулся в Болгарию. Быстрым ударом проник он в страну и обосновался в Переяславце на Дунае (ныне село Преслав в Болгарии).

Пардус — гепард, отличается быстротою бега. С обученными гепардами охотились на всем Востоке.

И победил ясов и касогов.— Ясы — осетины; *касоги* — черкесы, жили в степях и в предгорьях Кавказа.

ПРИШЛИ ВПЕРВЫЕ ПЕЧЕНЕГИ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ

Стр. 32

Хазарское царство, разгромленное Святославом, было расположено на пути на восток и мешало русским купцам общаться с арабскими странами. Но хазары сдерживали печенегов, азиатских кочевников, которые теперь хлынули в причерноморские степи.

В летописном рассказе об осаде Киева печенегами слышится осуждение завоевательных походов Святослава: Киев спасает не его воинственный князь, а смелый и находчивый юноша.

В начале XIX века в связи с патриотическим подъемом, который переживало русское общество в годы борьбы с Наполеоном, рассказ о молодом киевлянине привлек известного живописца А. И. Иванова. Его картина на эту тему висит в одном из залов Русского музея в Ленинграде.

НЕ ЛЮБО МНЕ СИДЕТЬ В КИЕВЕ, ХОЧУ ЖИТЬ В ПЕРЕЯСЛАВЦЕ НА ДУНАЕ

Стр. 34

Как только Святослав отогнал печенегов «в поле», то есть в степь, простирающуюся к югу от Киева, он стал мечтать о возвращении в Болгарию. Его манили удобные торговые пути, которые проходили через Переяславец, манила близость Византии с ее богатым рынком.

Стремление русских князей закрепиться поближе к торговым путям отражено в рассказе летописи о разделе земли между сыновьями Святослава. Каждый из сыновей желал княжить в Киеве или где-нибудь в южных русских областях.

НЕ ПОСРАМИМ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Стр. 35

Святослав, «пылкий, мужественный, сильный и деятельный», как о нем писал один из византийских историков, вызывал в греках восхищение своей отвагой. Они много о нем писали, изображали на миниатюрах. Образ Святослава, нарисованный его противниками, очень близок

образу смелого князя нашей летописи. Но ход событий греческие авторы представляют подробнее и точнее. Наиболее полно описал поход Святослава византийский историк Лев Диакон.

Заняв Переяславец на Дунае, Святослав действительно двинулся дальше на юг к самым границам Византии. Византийский император Иоанн Цимисхий увидел, что империи грозит страшная опасность. Он предложил большой откуп. Это предложение нашло поэтическое отражение в рассказе о дарах в Начальной летописи. Святослав отказался. Тогда Цимисхий собрал огромное войско. Горными тропами он перевалил через Балканы и неожиданно подошел к Преславу. Небольшой отряд, оставленный там Святославом, отчаянно сопротивлялся. Когда греки ворвались в город, русские заперлись во дворце болгарских царей и продолжали борьбу. Греки подожгли дворец. Из пламени и дыма вышли русские воины, опаленные, закопченные. С огромным трудом часть их пробилась через ряды врагов и ушла в Доростол, город на Дунае, где в это время был Святослав.

После этого Иоанн Цимисхий подошел к Доростолу. «Сомкнув щиты и копья наподобие стены», навстречу ему вышли русские. Щиты у них были узкие и высокие, они закрывали человека почти с ног до головы. После боя, длившегося с утра до самой темноты, русские вынуждены были уйти обратно в город. Началась трехмесячная осада. В Доростоле наступили голод и болезни. Ночью на берегу Дуная у стен города полыхали огромные костры — русские сжигали трупы погибших и совершали жертвоприношения. А ниже по реке стояли греческие огненосные суда, преграждавшие выход из Доростола к морю. С суши царь велел прорыть окопы и посадить в них воинов, чтобы препятствовать вылазкам. Положение в осажденном городе становилось все тяжелее. Воины заговорили о сдаче. Тогда, по словам Льва Диакона, Святослав обратился к ним с такой речью: «Если мы теперь постыдно уступим ромеям (византийцам), то погибнет слава, спутница русского оружия, без труда побеждавшего соседние народы и без пролития крови покорявшего целые страны. Итак, с храбростью предков наших и с мыслью, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спасаться в отечество. Мы хотим или жить победителями, или, совершив великие подвиги, умереть со славою». Речь эта очень близка знаменитым словам нашей летописи: «Не посрамим земли Русской, но ляжем костьми, ибо мертвые срама не имам».

Была сделана еще одна отчаянная попытка прорвать осаду. Внезапно поднявшийся смерч нес пыль и песок прямо в глаза русским. Святослав был ранен, осажденным пришлось пойти на переговоры о мире. Святослав и Цимисхий встретились на берегу Дуная. Император в позолоченном оружии, украшенном самоцветными каменьями, подъехал на боевом коне. Его сопровождала свита в блестящих доспехах. Святослав с дружинниками подплыл в ладье. Он сам сидел на веслах. На нем была белая одежда, ничем, кроме чистоты, не отличавшаяся от одежды его воинов. Голубые глаза, длинные свисающие усы, гладко выбритая голова с длинным чубом; золотая серьга в одном ухе. Он казался мрачным и суровым. Так описывает Святослава Лев Диакон.

Согласно договору император обязывался дать Святославу беспрепятственно выйти по Дунаю в море и снабдить его продовольствием. Святослав же должен был оставить Болгарию, вернуть пленных греков и не нападать больше на владения Византии.

Святослав, заставивший даже врагов уважать себя, служил в течение веков примером мужества. Портрет, нарисованный греческим историком, послужил основой для небольшого, но очень выразительного скульптурного изображения Святослава на коне, сделанного Е. А. Лансере в начале нашего столетия. Скульптура находится в Русском музее в Ленинграде.

И СДЕЛАЛИ ЧАШУ ИЗ ЧЕРЕПА, ОКОВАВ ЕГО, И ПИЛИ ИЗ НЕГО

Стр. 40

Когда в 1930 году на Днепре строили электростанцию, на дне реки, в самом узком ее месте, нашли пять мечей. Кто знает, может быть, это оружие воинов Святослава, погибших здесь от руки печенегов? Здесь было самое опасное место. Обрывистые берега сближались так тесно, что стрела легко могла перелететь с одной стороны на другую. Тут не раз устраивали засаду печенеги.

Отношение летописца к Святославу двойственное. В рассказе о его гибели чувствуется осуждение князя. В одном из списков летописи даже приводится надпись на кубке, сделанном из черепа Святослава: «Чужих ища, своих погуби». Согласно другому списку надпись совсем иная: «Пусть дети наши будут похожими на него». Святослав привлекал честностью, простотой и удалью. Но его походы не вызывали сочувствия у русских людей.

ПОДИ НА БРАТА СВОЕГО И ЗАХВАТИ ВОЛОСТЬ ЕГО

Стр. 41

Летопись не только исторический памятник. Это и памятник литературы. Стиль ее отличается от стиля литературы нового времени. Рассказы Начальной летописи написаны очень просто, сдержанно, сжато. Авторы не описывают ни своих чувств, ни чувств своих героев. Например, отчаяние Ярополка при виде трупа убитого брата Олега выражено лишь несколькими словами упрека Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел». Точность, сжатость при большой образности отличают художественную манеру большей части летописных рассказов.

НЕ ХОЧУ РАЗУТЬ СЫНА РАБЫНИ

Стр. 42

В Полоцке утвердилась отдельная княжеская семья, не связанная с родом князей киевских. Обширные полоцкие земли с могучей красавицей Западной Двиной, с непроходимыми лесами, богатыми пушным зверем, и с топкими болотами лежали на пути из Новгорода в Киев. Купцы, идущие из обоих городов, должны были или длинным путем обходить Полоцкое княжество, или платить пошлину тамошнему князю да терпеть произвол его дружинников. Вот почему и Киеву и Новгороду хотелось захватить Полоцк. Борьба обоих городов отразилась в кратком летописном рассказе о сватовстве Владимира.

Был на Руси старинный обычай: новобрачная должна была в знак покорности разуть жениха. Гордая Рогнеда не желала склониться перед новгородским князем, которого называла сыном рабыни Малуши, ключницы Ольги.

Владимир, женившись на Рогнеде, через девять лет бросил ее и выслал в Полоцкий край. До сих пор в Краславе, небольшом городке недалеко от Полоцка, рассказывают, будто именно здесь, на высоком берегу Западной Двины, среди сосновых лесов доживала свой век оскорбленная полоцкая княжна.

Летописный рассказ привлек многих художников, писателей, музыкантов XVIII—XIX веков. Наиболее известна картина А. П. Лосенко «Владимир и Рогнеда» — в Русском музее в Ленинграде. В XIX веке композитор А. Н. Серов написал на эту тему оперу «Рогнеда». Трагический образ полоцкой княжны и коварство Владимира легли в основу одной из дум К. Ф. Рылеева.

Вручий — современный город Овруч, Житомирской области.

И ПОШЕЛ ВЛАДИМИР НА ЯРОПОЛКА, БРАТА СВОЕГО

Стр. 42

Рассказывая события русской истории, летописец обычно выражает свое отношение к ним. Так, передавая повесть о жестокой борьбе Владимира с Ярополком, он делает морализующие отступления: он осуждает тех, кто начинает кровопролитие, кто нарушает клятву.

Давид — библейский царь; ему приписывается авторство большей части псалмов, входящих в Псалтырь.

Родня — город на реке Рось.

И ПОСТАВИЛ ВЛАДИМИР КУМИРЫ НА ХОЛМЕ

Стр. 44

Став киевским князем, Владимир начал укреплять единство своего огромного государства. Для этого он пытался использовать языческую религию. До того времени каждое племя поклонялось своим богам. Владимир установил статуи (кумиры) славянских и неславянских богов в Киеве и других городах. Самым главным был Перун, бог грома, молнии и войны, покровитель князя и его дружины. Бог скота и торговли Велес также весьма почитался в дружинной среде. Летописец упоминает богов солнца Хорса и Дажьбога. Их считали источниками жизни и благополучия. Симаргл и Мокош были богами тюркских и финских племен.

Изготовление кумиров требовало большого искусства резьбы по дереву и камню. У каждого идола были свои особые черты. Перун, например, держал тяжелую палицу. Предание рассказывает: когда несколько позже новгородцы, принявшие христианство, сбросили Перуна в Волхов, рассерженный идол замахнулся палицей и швырнул ее на мост, крикнув людям: «Поминайте меня и бейтесь, безумные, на мосту этом». Так в старину объяснялась причина частых столкновений новгородцев на мосту через Волхов. Интересно, что дубины, которые новгородцы употребляли во время боев, назывались перуновыми палицами и, что особенно удивительно, хранились в одной из новгородских церквей. Язычество долго уживалось с христианством.

ИДИТЕ К БОЛГАРАМ, К НЕМЦАМ И К ГРЕКАМ, ИСПЫТАЙТЕ ВЕРУ ИХ

Стр. 44

Торговые сношения Русского государства с Византией и Хазарским царством, с Северным Кавказом и Западной Европой становились все оживленнее. «Гости», то есть иноземные купцы, приезжавшие в русские города, рассказывали об обычаях своих государств и о своей религии. А религия у всех была разная. Греки в церковном отношении имели свое управление и назывались православными. Немцы, французы, итальянцы и другие народы были теми же христианами, но подчинялись римскому папе. Они назывались католиками. Хазары, ведшие торговлю с еврейскими купцами, приняли иудаизм, еврейскую религию. Арабы и волжские болгары были магометанами.

Многим странам хотелось привлечь на свою сторону богатое и обширное Русское государство. Между ними шла борьба за влияние на Руси, а это было связано с тем, чью религию примет киевский князь.

Выбор греческого исповедания объясняется тесными экономическими, политическими и культурными связями Руси с Византией. Но летописец не понимает этих причин и пишет, что русские выбрали греческую веру потому, что она оказалась всех «краше». В этом сказывается отношение русских людей к религии, в которой прежде всего видели эстетическую сторону. Эстетический момент, столь подчеркнутый летописцем, говорит о развитом чувстве красоты, о роли искусства в ту эпоху, о высоте культуры.

ПОШЕЛ ВЛАДИМИР НА КОРСУНЬ, ГОРОД ГРЕЧЕСКИЙ

Стр. 47

До сих пор возле Севастополя на фоне зеленоватого моря и синего южного неба возвышаются стройные античные колонны. Здесь стоял Херсонес Таврический — Корсунь русских летописей. Когда-то это был опорный город Византии в Крыму.

Летописец описывает крещение Владимира, как результат взятия Корсуни: ценой спасения своего государства греки вынуждены были крестить Владимира и отдать ему в жены царевну. Таким образом, он подчеркивает, что греческая вера не была навязана киевскому князю силой, напротив, он завоевал ее своим оружием, и поэтому, приняв религию чужой страны, Русское государство отнюдь не поступилось своей независимостью.

ВЫШЕЛ ВЛАДИМИР НА ДНЕПР, И СОБРАЛОСЬ ТАМ ЛЮДЕЙ БЕЗ ЧИСЛА

Стр. 48

Христианство вводилось «огнем и мечом», но его введение было необычайно важно для дальнейшего развития Руси. Оно подняло значение княжеской власти и тем укрепило молодое государство. Став единой религией, оно сделалось могучей силой, укреплявшей единство племен, входивших в его состав. Греческая религия приобщила Русь к древней, восходящей к античности и к древнему Востоку культуре, дала стройное (для того времени) объяснение устройства мира, принесла новые виды и формы искусства, распространила письменность и начатки образованности.

Вскоре после крещения вверх по Днепру из Византии медленно поплыли ладьи с лиловатым и белым мрамором и другими дорогими породами камней. Из Херсонеса везли готовые колонны с резными капителями, а из города Вручего (Овруч) красивый красноватый камень, шифер. В Киеве строились мастерские для обжига кирпича, для производства поливных плит. Все это шло на постройку первого каменного храма. И вот поднялся храм. Он был назван Десятинным, потому что князь Владимир отдал ему десятую часть своих доходов. Красновато-розовый, он стоял, окруженный княжескими дворцами, златоверхими теремами богатых дружинников, мастерскими ремесленников и полуземлянками горожан. Тут же на широкой площади всем на диво стояли вывезенные Владимиром из Херсонеса бронзовые кони, оставшиеся от греческой квадриги, то есть четверки лошадей, впряженных в колесницу Аполлона. А подле них стояли какие-то античные статуи... Владимир и впрямь задумал сделать свою столицу вторым Царьградом.

Так вместе с христианством проникла на Русь и эллинская культура. Рядом с опытными греческими мастерами над первым храмом работали и русские ремесленники. Среди находок в Десятинной церкви есть кирпичи со знаками Владимировых мастеров и с русскими надписями, процарапанными на кирпиче еще до его обжига. Киевляне были не только помощниками греков. Они внесли в постройку такие технические приемы, которые были неизвестны в Византии, и, что важнее, выразили в этом первом каменном храме свои идеалы красоты, давно выработанные на Руси в деревянном зодчестве. Ведь церковь-то была о 25 верхах, то есть ее увенчивало 25 глав — невиданная в Византии вещь! Это многоверхие, по-видимому, отражало русские вкусы, любовь к шатровым теремам и затейливым покрытиям повалуш. Десятинная церковь открыла новую главу в истории русской культуры. Византийское наследие сразу стало творчески перерабатываться русскими художниками.

ТОГДА ВЫСТУПИЛ МУЖ ВЛАДИМИРА

Стр. 50

Ко времени княжения Владимира приурочено известное летописное сказание о скромном юноше ремесленнике, совершившем высокий подвиг. Повесть основана на народных мотивах. Образ Владимира, растерявшегося перед лицом врага, знаком нам всем по многим былинам. Но в то же время в летописи, как и в былинах, подчеркивается близость Владимира к народу: киевский князь, оценив простого кожемяку, то есть кожевника, принимает его в свою дружину.

Сюжет этот привлек в 90-х годах XVIII века крупного живописца Г. И. Угрюмова, написавшего картину «Испытание силы Яна Усмаря» (хранится в Русском музее в Ленинграде). Впервые в русской исторической живописи XVIII века героем оказался не князь, не великий полководец или государственный деятель, а простой человек из народа. Имя Яна Усмаря художник заимствовал из сообщения более поздней летописи.

ЗАВЕЛ ВЛАДИМИР НА ДВОРЕ СВОЕМ В ГРИДНИЦЕ ПИРЫ

Стр. 54

В былинах Владимира называли «Красное Солнышко»: с ним связывалось время расцвета Киевской Руси. В летописи представление о широкой натуре щедрого, «ласкового» князя полнее всего отразилось в рассказе о его пирах. Воскресные пиры были не только развлечением. На них Владимир совещался с любимой дружиной и одаривал ее жалованьем в виде золотых и серебряных монет, на которых вокруг изображения князя читается надпись: «Владимир на столе, а се (это) его злато» или «а се его серебро».

НАС КОРМИТ САМА ЗЕМЛЯ

Стр. 55

В сказании об осаде Белгорода, небольшого города под Киевом (ныне село Белгородка), как и в рассказе о юноше кожемяке, главным героем выступает простой русский человек, своей отвагой и находчивостью освобождающий Русь от врагов. Рассказ основан на фальклорных мотивах.

На городище в селе Белгородка археологи нашли колодец с дубовым срубом, копали его на пятнадцать метров и все же до конца не дошли. Возможно, с этим колодцем и связано летописное предание. Белгородское городище — городищем называется заброшенный город — высится на крутом берегу Ирпеня. Его мощные валы и рвы и теперь еще выглядят внушительно и не менее красноречиво, чем летопись, рассказывают о суровой истории Древней Руси. Археологи обнаружили интересное устройство валов: один подле другого ставились деревянные срубы, которые засыпа́лись землей. Получался прочный и долговечный вал. По верху его шла дубовая рубленая стена, защищавшая тех, кто с вала обстреливал врага. Так был укреплен город Белгород, построенный Владимиром для охраны Киева с юга.

И ПОХОРОНИЛИ ТЕЛО ВЛАДИМИРА С ПЛАЧЕМ

Стр. 56

Один из списков нашей летописи был богато украшен «картинками», миниатюрами, на которых были изображены описываемые события. Эти миниатюры сохранились в воспроизведении художника XV века в рукописи, называемой «Радзивиловская летопись». Исследователь древнерусских миниатюр А. В. Арциховский назвал их «окнами в исчезнувший мир». Они рисуют быт своего времени, укрепления городов, оружие, столы, на которых восседают князья, вежи — кибитки кочевников — и многое, многое другое. На миниатюрах изображено, как, разобрав помост, спускали на землю тело князя Владимира, как везли его на санях (перевозка покойника на санях входила в древнерусский погребальный обряд).

Берестово — княжеское село близ Киева у Киево-Печерского монастыря.

ЗАСТУПНИКИ ОНИ ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ

Стр. 57

В залах древнерусского искусства в наших музеях можно увидеть изображения князей Бориса и Глеба. Их обычно рисовали в богатых одеждах, в отороченных мехом княжеских шапочках, с мечом — символом княжеской власти — в руке. Иногда их писали стоящими в рост, иногда едущими на стройных конях. Часто на полях доски, на так называемых клеймах, то есть отдельных рисунках, изображались события из их жизни, рассказанные в летописи.

Летописная повесть о вероломном убийстве Бориса и Глеба Святополком отражала государственные и народные интересы, так как призывала князей к миру, к «братолюбию». Рассказывая о трагическом конце Бориса и Глеба, погибших от «братоненавистнических козней», летописец создал идеальный образ двух любящих братьев, безропотно подчинявшихся отцу и старшему брату. Он подчеркивал их нравственную правоту, кротость и дружбу. Борис и Глеб стали примером братской любви. Их считали верховными заступниками и покровителями Руси в борьбе с иноплеменниками и с князьями-крамольниками. Напротив, братоубийца Святополк, прозванный Окаянным, рассматривался врагом Русской земли.

КНЯЖЕ, МОЖЕМ ЗА ТЕБЯ БОРОТЬСЯ

Стр. 59

За помощь Ярославу новгородцы получили грамоты, давшие им некоторую независимость от Киева. Это было началом самостоятельности Новгорода и началом дробления Киевского государства.

Как воспоминание о том времени, когда Ярослав, прозванный впоследствии Мудрым, княжил на севере, в Новгороде целый большой квартал, прилегающий к Волхову, называется Ярославовым дворищем. Здесь когда-то был рубленый двор Ярослава, а теперь один подле другого высятся белые каменные храмы, суровые и величавые. Самые древние из них относятся к XII веку (они построены сто лет спустя после княжения Ярослава). Место это теперь объявлено заповедником. Именно там, у белых стен этих зданий, собиралось буйное Новгородское вече.

И ОДОЛЕЛ ЯРОСЛАВ

Стр. 59

Когда летописец описывает какое-либо событие, он всегда дает ему оценку с точки зрения норм высокой морали. Эта оценка иногда делается прямо, но часто она не высказана, читатель сам должен сделать вывод о том, что хорошо и что плохо. Например, весь ход событий, изложенных в данном рассказе, показывает мысль летописца: нехорошо похваляться перед боем или насмехаться над противником.

Что вы пришли с хромцом этим? — Ярослав был действительно хром.

Эх вы, плотники.— Киевляне презрительно называют плотниками новгородцев, которые издавна славились плотницким искусством.

ХОТИМ И ЕЩЕ БИТЬСЯ С БОЛЕСЛАВОМ И СО СВЯТОПОЛКОМ

Стр. 60

Во время междоусобных войн князья часто обращались к внешней военной помощи. Насколько тяжелым бременем была эта помощь для народа, видно из данного рассказа.

Мы узнаем и другое: князь в Древней Руси в значительной степени зависел не только от дружины, но и от жителей своего города. И дружинники и «люди городские» могли заявить князю: «Можем за тебя бороться» или «Хотим и еще биться», а могли, напротив, отказать князю в поддержке, сказав кратко: «Ты собе, а мы собе». Положение князя, не заручившегося народной поддержкой, было неустойчиво, говорит современный исследователь И. Я. Фроянов в книге о киевском периоде русской истории, вышедшей в 1980 году. «Народ в Древней Руси,— пишет он,— принимал личное участие как в приглашении князей на стол, так и в сгоне их со стола». Главными героями в решительных событиях того времени выступали киевляне, смолняне, переяславцы, новгородцы и жители других городов. Это очень интересный факт.

«Разведите дружину мою... на покорм».— Покорм, кормление — особый вид подати: на население возлагалась обязанность обеспечивать всем необходимым — едой, одеждой и пр.— князя, его дружину или какое-либо должностное лицо.

ПРИНЯЛ ОН МУКИ ОКАЯННОГО

Стр. 62

Борис и Глеб олицетворяли братскую любовь, верность, покорность старшему в роде (именно это должно было обеспечить мир между князьями). Святополк, напротив, служил олицетворением братоненавистничества, раздоров и козней. Потому и получил он страшное прозвище — Окаянный. Ведь согласно библейскому преданию, Каин — первый убийца на земле, причем убийца родного брата, Авеля. В последующие столетия напоминание о страшном конце Святополка не раз удерживало князей от роковых проявлений взаимной вражды.

В Снетогорском монастыре под Псковом сохранилась часть росписи XIV века с изображением Страшного суда. На ней представлен ад. Сатана сидит на звере о двух головах с предателем Иудой на руках. Богач, отказавший нищему в куске хлеба, томится от голода и жажды. И тут же подле лап чудовищного зверя нарисована голова в короне и под ней надпись: «Святополок». Так Святополк в сознании русских людей был самым страшным грешником: он виновник междоусобий, страданий Руси.

ЧЕГО РАДИ ГУБИТЬ НАМ ДРУЖИНЫ? СОЙДЕМСЯ ДА ПОБОРЕМСЯ САМИ

Стр. 63

Когда мы теперь говорим «в Тмуторокань» (Тьмутаракань), это значит куда-то очень далеко. Тмуторокань стояла на Таманском полуострове. Она часто упоминалась в нашей летописи. Это был торговый порт, стратегический пункт и один из древнейших культурных центров Руси. Сюда, в далекий край, уходили удальцы, искатели приключений и все, кто был чем-либо недоволен или обижен в стольном Киеве. Поэтому и случилось так, что население Тмуторокани прославилось смелостью и воинственностью. Во главе его становились князья. Они устраивали набеги на греческие владения и на Северный Кавказ. Одним из таких князей был и Мстислав, сын Владимира. О храбром Мстиславе, который «зарезал Редедю перед полками касожскими», пел, по свидетельству автора «Слова о полку Игореве», Боян, когда поминал «давних времен рати».

И БЫЛА ГРОЗА ВЕЛИКА И СЕЧА СИЛЬНА И СТРАШНА

Стр. 64

Битва между Мстиславом и Ярославом описана в приподнятом стиле. Это возвышенная, ритмичная героическая песня. Среди сдержанных летописных записей она выделяется романтической красочностью.

Описание Лиственской битвы дает нам возможность судить об искусстве военной тактики того времени. Оказывается, тогда войско разделялось перед боем на три полка. Полк, стоявший в центре, назывался «чело», по бокам его находились «крылья». Чело выдвигалось вперед и первым билось с врагом. Мстислав поставил сюда северян, жителей Черниговщины, а свою тмутороканскую дружину расположил по бокам. Северяне начали бой. Когда же варяги, наемники Ярослава, стали уставать, на них обрушился Мстислав со свежими силами и обратил их в бегство.

МСТИСЛАВ ВЫШЕЛ НА ОХОТУ, РАЗБОЛЕЛСЯ И УМЕР

Стр. 65

Описывая смерть Мстислава, летописец рисует его портрет. Он отмечает в нем те черты, которые считает самыми существенными для военного вождя. При чтении летописи вспоминаются изображения князей-воинов на иконах. Их также рисовали дородными, с румяными лицами, с большими глазами. Рассказывая о Мстиславе, летописец не забывает упомянуть и начатую при нем постройку церкви Спаса в Чернигове. Это тот самый храм, который и теперь стоит в Чернигове. Он — самая древняя сохранившаяся русская постройка.

ЗАЛОЖИЛ ЯРОСЛАВ ГОРОД ВЕЛИКИЙ

Стр. 65

Во времена Ярослава Мудрого древний Киев эпохи Владимира оказался мал. Ярослав расширил столицу. Более чем трехкилометровый земляной вал, с деревянными рублеными стенами, полукольцом охватил новый город. Торжественный въезд проходил через Золотые ворота. Их назвали так потому, что их створки были обиты золоченой медью, как в Царьграде, где тоже Золотые ворота служили главным въездом. Величественные руины Золотых ворот в Киеве производят и теперь сильное впечатление. В центре нового города на месте, где перед тем было поле, на котором Ярослав разбил печенегов, был построен собор св. Софии. Он повторял по имени знаменитый храм Софии в Царьграде.

О пышном и торжественном искусстве времен Ярослава можно теперь судить, войдя в собор св. Софии. Купол и алтарная часть храма украшены мозаикой. Великолепие мозаики не передается никакими фотографиями и воспроизведениями. Ее надо видеть в натуре. Ее блеск, переливы красок, мерцание золота завораживают глаз. Стены и столбы Софийского собора расписаны фресками. Написанные во весь рост, стоят неподвижные фигуры людей. У них удивительные лица — тонкие носы, изогнутые брови, маленькие рты, а глаза большие, полные мысли. Эти лица служили примером высоких добродетелей, мужественной стойкости и непреклонности. Это не были портреты. Художники не рисовали современников. Они выражали свое понимание великого и прекрасного, передавали внутренний мир идеального человека.

Иногда живописцы стремились запечатлеть своих современников. Высоко в центральной части храма написана торжественная процессия из четырех фигур. Это дочери Ярослава. Держа в руках длинные зажженные свечи, они движутся по направлению к ныне утраченному изображению самого Ярослава. Портреты киевского князя с семьей в центре храма, среди святых, должны были возвеличить его власть.

Стены широкой лестницы на хоры украшены неожиданными для храма росписями. Музыканты играют на свирелях, а под их музыку пляшут скоморохи. Тут же представлена охота на медведя — любимая, но опасная забава русских князей. А рядом — погонщик с верблюдом.

Хоры Софийского собора имели общественное назначение: здесь принимались иноземные послы, хранились княжеская казна и библиотека.

На Руси любили и ценили книги. «Подобны книги глубине морской, ныряя в которую добывают дорогой жемчуг» — такое образное сравнение книг с глубинами моря, а знаний — с дорогим жемчугом находим мы в одном произведении древнерусской литературы. «Ум без книг, аки птица опешена», то есть как птица без крыльев,— говорится в другом.

Древнерусские книги делались с любовью, терпением, старательностью. Писец внимательно выводил гусиным пером красивые четкие буквы. Такой почерк назывался уставом. Писал книжник не на бумаге, а на пергамене, особым образом обработанной коже. Первые буквы абзаца он выводил красной краской и золотом, отсюда и идет выражение «с красной строки», то есть с нового абзаца. Многие книги украшались рисунками, сейчас они называются миниатюрами от латинского слова «миниум» — красная краска. Миниатюры бывали и многоцветны.

Русь к XI веку превратилась в могущественную державу. Об этом можно судить по строительству того времени и по частым упоминаниям иностранцев о Руси, о русских товарах, об изде-

лиях ювелирного искусства. О международном значении Руси говорят и брачные связи, отражавшие связи политические. Обливаясь горькими слезами, уезжали в чужие страны одна за другой дочери Ярослава. Одна вышла замуж за французского короля Генриха I. Другая — за скандинавского викинга Гаральда Смелого, будущего короля Норвегии. Он был не только воином, но и поэтом и в своих стихах воспел русскую деву с золотой гривной. Стихи эти переведены К. Н. Батюшковым, А. К. Толстым и другими русскими поэтами XIX века. Третья дочь Ярослава стала женой венгерского короля. А в Киев ехали знатные иноземки. Их выдавали за сыновей русского князя.

Прославлением книжной мудрости и созидательной деятельности Ярослава заканчивается Древнейший летописный свод. Рассказ под 1037 годом как бы подводит итог целому периоду в истории Древней Руси, завершая свод торжествующим, радостным аккордом.

ПОСЛАЛ ЯРОСЛАВ СЫНА СВОЕГО ВЛАДИМИРА НА ГРЕКОВ

Стр. 68

Сын Ярослава Мудрого, Владимир, княжил в Новгороде. В это время отношения с Византией осложнились. Греки считали, что Русь, приняв их религию, должна была подчиниться их «игемонии», как они говорили. Киевский князь не мог с этим согласиться и велел Владимиру идти на Царьград. «Пылая яростной и бешеной ненавистью против греческой игемонии,— писал один византийский историк,— русские возобновили старую вражду». «Нарубив вверху (то есть в верховьях Днепра) леса, выстроили из него малые и большие ладьи» и вышли в море. «Во время морского боя с востока подул сильный ветер, вихрь поднял страшные волны, которые потопили одну из ладей, а другие рассеял и разбросал по скалистым и утесистым берегам»,— рассказывает тот же историк. Однако Владимир и с ничтожными остатками своих «воев» сумел разбить посланные за ним в погоню греческие корабли.

Только через несколько лет был заключен мир с Византией, скрепленный браком сына Ярослава Всеволода с греческой царевной из рода Мономахов.

Вернувшись из тяжелого похода, Владимир Ярославич строит в Новгороде собор св. Софии (1045—1050) — замечательный памятник мировой архитектуры.

ИМЕЙТЕ ЛЮБОВЬ МЕЖДУ СОБОЙ, ПОТОМУ ЧТО ВСЕ ВЫ ДЕТИ ОТ ОДНОГО ОТЦА И МАТЕРИ

Стр. 69

Наставление умирающего Ярослава детям проникнуто грустным раздумьем отходящего от жизни большого государственного деятеля, обеспокоенного судьбами своего государства и своих сыновей.

Исследователи считают, что «Наставление» основано не на письменном документе, а на устном предании. Может быть, этим и объясняется его значительность: оно не только выражает мысли Ярослава, но и обобщает стремление русских людей к единению и миру.

ПОДНЯЛ РАТЬ ВСЕСЛАВ ПОЛОЦКИЙ

Стр. 70

В то время как на юге Руси власть над русскими землями разделяли трое старших сыновей Ярослава — Изяслав, Святослав и Всеволод, в Полоцке сидел потомок сына Владимира Святославича и Рогнеды — Всеслав. Это был воинственный и лихой князь. В Киеве ходили о нем таинственные слухи. Рассказывали, будто мать родила его «от волхования», то есть по колдовству, что от рождения на голове его была рана, перевязанная чудесной повязкой, которую Всеслав носил всю жизнь, и оттого был «жесток на кровопролитие». Говорили, что Всеслав князь-чаро-

дей, чуть не оборотень. Внезапно покидая болотистый Полоцкий край, он являлся то под Новгородом, то на Днепре и столь же неожиданно исчезал. Схватить Всеслава было возможно только путем обмана. Но летописец, всегда верный высоким моральным принципам, осуждал обман. Вот почему он отнесся с симпатией к Всеславу, доверившемуся клятве своих двоюродных братьев.

Битва на реке Немиге между Всеславом и Ярославичами была жестокой и кровопролитной. Образно описана она в знаменитой поэме Древней Руси, в «Слове о полку Игореве»: «На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными; на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были засеяны — засеяны костьми русских сынов».

ДАЙ, КНЯЖЕ, ОРУЖИЕ И КОНЕЙ, И МЫ ЕЩЕ БУДЕМ БИТЬСЯ С ПОЛОВЦАМИ

Стр. 70

Киев в XI веке был красивым и многолюдным городом. На основании последних археологических данных современные исследователи считают, что его площадь достигала 230 га. На этом огромном пространстве стояло более 8 тысяч усадеб с общим количеством населения около 50 тысяч человек. Киев не только не уступал, но значительно превосходил по числу жителей крупнейшие города средневековой Европы. Только Париж, вероятно, был больше его. Как и в большинстве средневековых городов, планировка Киева имела радиально-кольцевой характер. От ворот пучки улиц выходили на площадь к центральному храму Киева, к св. Софии. На Подоле планировка была иной, в связи с расположением города между береговой линией и горной грядой.

На главных площадях города — у храма св. Софии на горе и возле Торга на Подоле созывалось народное собрание — вече. Нам часто представляется, что вече собиралось самостийно: грянет кто-нибудь в набат, и сбегутся люди, чтобы всем вместе обсудить дела — требовать ли мира или продолжения войны, кричать ли о выдаче на казнь лихоимного дружинника, или прогнать неугодного князя да выбрать другого. Да, случалось именно так, но не только так. Существовало выражение «стать вечем», но на вече не только стояли, но и сидели на специальных скамьях, терпеливо ожидая, когда начнется собрание. На помост поднимались руководители веча — митрополит, тысяцкий, сам князь. Проводилось вече по веками выработанным правилам. Выступающий начинал с приветствий и поклонов сановитым лицам и всем людям «киянам». После того как руководитель веча просил его объяснить, о чем он хочет говорить, он начинал свою речь.

Часто в городе бывало две или более враждебные боярские партии. Иногда одной стороне удавалось натравить простой люд против другой, тогда народные массы, подстрекаемые теми, кто стоял во главе веча, поднимались против своих притеснителей, и их движение, перерастая предполагаемые рамки, переходило в восстание. Такое вот вече, закончившееся народным восстанием, и описывает летописец. Заметьте, что хотя автор этого рассказа — в нем исследователи видят игумена Печерского монастыря Никона — осуждает киевлян за то, что они разграбили княжой двор и прогнали Изяслава, он сочувствует им. Они ведь требовали продолжения борьбы с половцами, они хотели встать на защиту Руси.

КОГДА ЖЕ НАСТУПИЛА НОЧЬ, ВСЕСЛАВ ТАЙНО ОТ КИЕВЛЯН БЕЖАЛ ИЗ БЕЛГОРОДА

Стр. 71

О бегстве Всеслава от киевлян из Белгорода пишет и автор «Слова о полку Игореве»: «Скакнул от них лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей мглой».

Рассказ написан печерским летописцем. В нем звучит резкое осуждение князя Мстислава, сына Изяслава, без суда и следствия погубившего стольких людей. Вспомним, что тот же летописец укорял Изяслава и других Ярославичей за нарушение клятвы, данной Всеславу (1067). При

описании освобождения Всеслава из поруба в 1068 году симпатии летописца, как и в данной повести, на стороне киевлян. Вот почему Изяслав, вернувшись в Киев, «начал гневаться» на игумена Киево-Печерского монастыря Антония и, схватив его ночью, отослал в Чернигов. Но такое действие князя не остановило печерских летописцев, они и дальше будут винить князей, не дававших отпора кочевникам, приводивших иноплеменников на Русь, нарушавших клятвы, бросавших горожан в тяжелую минуту. Тем и замечательна летопись, что она выражает народные интересы и смело обличает неправых правителей.

ОНИ СМЕРДЫ МОИ И МОЕГО КНЯЗЯ

Стр. 72

В средние века народные движения и на Руси и на Западе обычно принимали религиозную форму. Потому-то во главе смердов, сельского населения, восставшего в Ростовской области, стали жрецы-волхвы.

Рассказ сообщает немало интересного о жизни смердов. Мы узнаем, что из их среды выделились зажиточные слои, которые держали запасы продовольствия и пользовались этим во время неурожаев. Голод вызывал восстания неимущих слоев смердов. Летописец Никон, автор рассказа, сам принадлежал к высшему сословию. Поэтому естественно, что он относился отрицательно к мятежным смердам. Но все же он нарисовал правдивую картину. Его рассказ говорит об ожесточенности социальной борьбы, о беспощадности расправы над восставшими. Особенно интересно, что смерды изображены им не приниженными и безгласными. Напротив, Никон отмечает их стойкость, уверенность в своей правоте, наличие у них самостоятельных взглядов на мир.

Рассказ о сотворении человека из «ветошки», то есть старой тряпки, отражает одну из первых попыток несколько иначе объяснить происхождение человека, нежели его объясняла господствующая церковь. Объяснение мира, несогласное с учением церкви, называлось ересью и было мировоззрением народных масс, боровшихся с официальной религией. В наивной легенде о ветошке впервые в русской литературе противопоставляется добро и зло, как искони господствующие в мире враждующие и непримиримые начала. Такое понимание было философской основой большинства народных движений Запада в средние века.

И БЫЛ МЯТЕЖ В ГОРОДЕ

Стр. 75

Рассказы о волхвах летописец объединяет под 1071 годом. В народе была жива вера в то, будто волхвы обладают даром высшего знания. Эту веру летописец и стремится опровергнуть. Из записи о «мятеже» в Новгороде очевидно резкое расслоение городского населения. С одной стороны епископ, с ним князь и его дружина, с другой — остальной городской люд.

ВОЗДВИГ ДЬЯВОЛ РАСПРЮ СРЕДИ БРАТЬЕВ ЯРОСЛАВИЧЕЙ

Стр. 77

После смерти Ярослава установился сложный порядок наследования. По завещанию Ярослава киевский стол занял его сын — Изяслав. Но после смерти Изяслава власть переходит не к его сыну, а к следующему по старшинству брату — Всеволоду. (Святослава, второго брата, в это время уже не было в живых.) Когда же умирает и Всеволод, то право на киевский стол получает опять не сын покойного, то есть не Владимир Мономах, а сын старшего брата — Святополк Изяславич.

При смене киевского князя старшие князья переходили из Переяславля в Чернигов. Когда умирали младшие братья, занимавшие окраинные волости, их сыновья становились «изгоями», они изгонялись из отцовских волостей, а взамен получали какую-нибудь совсем небольшую волость. Вот и поднимали они междоусобные брани, требуя себе лучших уделов.

Междоусобные войны поднимали не только «изгои». Старшие князья стремились завладеть Киевом. Так, сын Ярослава, Святослав, сидевший в Чернигове, силой захватил Киев.

УКРАСИЛ ГОРОД ПЕРЕЯСЛАВЛЬ ЗДАНЬЯМИ

Стр. 79

Приводимые летописные записи рисуют то обширное строительство, которое велось в конце XI века. Летописец пишет только о Киеве и о Переяславле (Южном). Однако на протяжении XI и XII веков, а также в начале XIII столетия обстраивались и другие крупные города Руси, прежде всего Новгород, Ростов, Суздаль, Владимир и другие. Прекрасные здания, построенные в те времена, украшают эти города и поныне. Только монголо-татарское завоевание прервало каменное строительство на Руси.

...святого Михаила в монастыре... — Выдубицкий монастырь в Киеве, основанный отцом Владимира Мономаха Всеволодом.

Никон, игумен Печерский, — настоятель Киево-Печерского монастыря, один из составителей Начальной летописи.

Церковь Печерская — церковь Успения, разрушенная в 1942 году.

Монастырь Феодосьев — Киево-Печерский монастырь.

В ПОЛОЦКЕ НОЧЬЮ СО СТОНОМ ПО УЛИЦАМ РЫСКАЛИ БЕСЫ

Стр. 80

Читая рассказ о моровом поветрии в Полоцке, вспоминаешь, как восхищала А. С. Пушкина «прелесть простоты» наших древних поверий. Бесы русских летописей — то «немощные и невзрачные видом», то невидимые, грозные, способные «язвить», то есть заражать людей страшными болезнями,— поражали воображение людей того времени. Это бесы народных сказок и легенд. О них весело писал Гоголь. Но рассказ летописца отнюдь не весел, он драматичен. Он говорит о необыкновенных бедствиях, о засухе, войне с половцами и прежде всего о страшном море, унесшем столько человеческих жизней.

И ЛЮДИ НЕ МОГЛИ ДОБИТЬСЯ ПРАВДЫ КНЯЖОЙ

Стр. 81

Большие изменения произошли в жизни киевского общества. Они и отражены в полном грустного раздумья некрологе князю Всеволоду. Человек оказывается бессильным перед течением событий, он не может изменить их ход. Все чего-то просили, требовали у старого князя, все «несли розно» Русскую землю, притесняли людей, а князь «и не ведал того».

ОПУСТЕЛИ СЕЛА НАШИ И ГОРОДА НАШИ

Стр. 82

Половцы — кочевой народ тюркского происхождения — представляли большую опасность для Руси. Они были еще страшнее, чем печенеги, так как превосходили их численностью. Их военная тактика отличалась стремительностью набегов.

Трагический рассказ о нашествии половцев — один из самых сильных и глубоких рассказов летописи.

Летописец написал повесть о страдающем русском народе, о муках, которые он терпит из-за несогласий и неразумности своих князей. Описание половецкого опустошения — это плач о бедствиях Русской земли и о ее людях, плач, проникнутый не только горячей любовью к страдающей отчизне, но и глубокой верой в ее силы.

Ужасы половецкого разорения вызвали в умах людей того времени страшную для средневекового сознания мысль, что Русская земля оставлена богом, то есть, переводя на язык современных понятий, что Русь окончательно и навсегда погибла. Эту мысль не разделяет летописец. Напротив, он убежденно отстаивает обратное положение: нет другой страны, которую бы бог так возлюбил, как нашу. Такой вывод нам представляется неожиданным и не совсем понятным, поскольку он связан с религиозным мировоззрением той эпохи, столь нам далекой. Но, вчитываясь в патетическое заключение рассказа, видишь, что оно выражает глубоко патриотическое настроение летописца: древний историк верит в силы русского народа, в жизненность Русского государства, и даже страшные бедствия не колеблют его гордой уверенности.

ЭТО УЖЕ В ТРЕТИЙ РАЗ НАВЕЛ ОЛЕГ ЯЗЫЧНИКОВ НА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ

Стр. 86

Олег Святославич — яркий представитель своего времени. Судьба горько и зло над ним посмеялась. Ведь если бы не умер его отец Святослав Ярославич раньше своего старшего брата Изяслава, так владел бы Олег Киевом, а теперь ему нет «части» в Русской земле, он «изгой» и должен или скитаться по Руси да выпрашивать себе какое-нибудь захудалое княжество, или силой завоевывать себе стол. Как все обиженные на Руси, он нашел убежище в Тмуторокани. Но Тмуторокань была близка к греческим владениям в Крыму, и смелый князь казался византийцам слишком беспокойным соседом. Однажды хазары, остатки которых еще кочевали в причерноморских степях, схватили Олега и выдали его византийцам. Греки отправили опасного пленника на остров Родос. На острове ссылка была особенно томительной. Но каким-то образом неугомонный князь неожиданно снова явился в Тмуторокань. Собрав здесь половецкие полки, он двинулся на Чернигов добиваться отчего стола. Он был смел до дерзости, его оскорбленная гордость переходила в высокомерие и надменность. Он не думал о Русской земле и о ее невзгодах. Ему нужно было только одно — заставить своих двоюродных братьев признать его права на Чернигов, и он добился этого. Но какой ценой! «Тогда, при Олеге Гориславиче,— писал автор «Слова о полку Игореве»,— засевалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажьбожьего внука (то есть русского народа); в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу».

ПРИШЕЛ БОНЯК С ПОЛОВЦАМИ К КИЕВУ

Стр. 88

Наши древние писатели, так же как и живописцы и зодчие, обычно ничего не рассказывали о себе, даже не писали своего имени. Тем более интересен рассказ Нестора, монаха Печерского монастыря, о нападении половцев на Киев и Печерский монастырь. В нем неожиданно встре-

чаются местоимения «наши», «мы». Рассказ ведется от первого лица. Именно поэтому он кажется таким живым и ярким. Сразу представляешь себе напуганных монахов, которые, подняв длинные, неудобные рясы, бегут в разные стороны; представляешь себе и дикий грабеж, учиненный половцами. Сколько ценнейших книг, сколько произведений искусства гибло во время их нападений.

ПОЧТО ГУБИМ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ?

Стр. 89

Опасность со стороны степи росла. Для отпора кочевникам требовалось объединить все силы Руси, прекратить междоусобия. Чтобы вместе обсудить все вопросы, князья съехались в Любече, в небольшом селении близ Киева. На совете князья решили так: каждый должен получить «отчину», то есть волость, принадлежащую отцу, в наследное владение; тогда все раздоры прекратятся, так как у каждого будет свой «удел». По существу, в Любече было лишь узаконено то, что уже имело место в жизни, но что не препятствовало борьбе князей за власть. Феодальная раздробленность получила признание на съезде; но одновременно была поставлена преграда княжеским распрям, преграда в нравственно-этическом плане: каждый князь получал относительную самостоятельность, но все князья были связаны взаимными обязательствами.

С дроблением Руси на уделы передовые люди той поры еще острее, чем прежде, сознавали единство всей Русской земли и призывали к сплоченному отпору общему врагу — кочевникам. Эти высокопатриотические мысли с особой силой и убежденностью выразил летописец в своем рассказе.

НЕ БЫВАЛО В РУССКОЙ ЗЕМЛЕ ТАКОГО ЗЛА

Стр. 90

Василько Теребовльский владел лишь небольшим уделом на западных границах Руси, но он был настолько отважным и энергичным князем, что казался своим родичам опасным.

Повесть об ослеплении Василька — одна из самых драматических в летописи. Автор этого рассказа показал на живом примере вероломство, коварство и жестокость князей. Рассказчик имел незаурядный литературный талант. Он обрисовал людей с разными характерами. Василько — человек огромной физической силы, доверчив и прямодушен. Давыд Игоревич полон коварства. Он нашептывает злые речи слабовольному, колеблющемуся Святополку. Очень тонко, с большим пониманием психологии написана сцена, когда не подозревающий злого умысла Василек приходит к Святополку и начинается односложный, тягостный разговор.

В конце повести нарисован величественный образ Владимира Мономаха, ужаснувшегося при известии о неслыханном преступлении и обратившегося к князьям с призывом поправить зло, чтобы не погибла земля от междоусобных крамол. Его призыв подкрепляют киевляне, напоминающие о былых князьях, оборонявших Русь от врагов.

БРОСИЛ ТЫ НОЖ В НАС

Стр. 95

В рассказе о совете в Уветичах (в Вятичеве) главным действующим лицом является Владимир Мономах. Не занимая еще киевского стола, Владимир, по летописи, фактически оказывается старшим князем. Он выступает блюстителем порядка, он судит Давыда Игоревича, ослепившего Василька. Давыд противопоставлен Мономаху. То дерзкий, то угрюмо молчащий, этот князь, поднявший усобицу, вызывает резкое осуждение летописца.

ЕСЛИ У ТВОЕГО СЫНА ДВЕ ГОЛОВЫ, ТО ПОСЫЛАЙ ЕГО НАМ

Стр. 96

Было время, когда никто из южных князей не хотел идти в Новгород. Но положение изменилось. Новгород вырос в богатейший торговый город. Теперь каждый князь, заняв киевский стол, стремился послать туда своего старшего сына. Когда Всеволод Ярославич сидел в Киеве, он послал в Новгород Мстислава, своего совсем тогда юного внука, сына Владимира Мономаха. Когда же киевским князем стал Святополк, то последний захотел, чтобы его сын стал князем в Новгороде, он даже договорился об этом с Мономахом. Но новгородцы, «вскормившие» Мстислава, решительно отказались принять сына Святополка. Рассказ свидетельствует о значительной самостоятельности Новгорода. Недалек тот час, когда город на Волхове станет Господином Великим Новгородом, независимым владетелем огромных земель.

ОГОРОДИЛОСЬ СОЛНЦЕ ТРЕМЯ ДУГАМИ

Стр. 97

Историк Н. М. Карамзин писал, что русские летописцы «были в России первыми наблюдателями тверди небесной, замечая с великой точностию явления комет, солнечные и лунные затмения». Эти слова всецело относятся к записи 1102 года.

В небесных явлениях, в солнечных и лунных затмениях, в падении метеоритов и пр. все средневековые народы видели чудесные знаки, знамения, которые посылаются людям как предвестие о грядущих, обычно грозных и страшных событиях. Солнечное затмение, случившееся 1 мая 1185 года, служит как бы вступлением к «Слову о полку Игореве».

В данной записи речь идет о двух явлениях, о северном сиянии, столь редком в южных широтах, и о так называемом гало. Гало вызывается преломлением лучей солнца или луны в ледяных кристаллах облаков, когда вокруг светила возникают радужные круги, которых касаются радужные дуги, обращенные выпуклостью, «хребтами», по выражению летописца, к солнцу или луне. Это великолепное и грандиозное зрелище очень точно описано в летописи.

ЛОШАДИ ВАМ ЖАЛЬ, А СМЕРДА НЕ ЖАЛЬ ЛИ?

Стр. 97

Картинно рисует летописец совет князей в Долобске и их поход на половцев. Душою съезда опять был Мономах. В краткой, но энергичной речи он выступает как защитник общенародных интересов. Битва 1103 года, как и ряд последующих удачных походов Мономаха, ослабивших половецкие силы, была важна не только для Руси. Половцы грозили и Византии. Победа объединенных русских войск помогла империи в очень тяжелый период ее истории и имела международное значение. Она не только усилила мощь Русского государства, но и увеличила его влияние среди других народов.

ИГУМЕН СИЛЬВЕСТР НАПИСАЛ КНИГУ СИЮ

Стр. 99

Начальная летопись составлялась многими летописцами. До нас она дошла в переработке игумена Михаило-Выдубицкого монастыря Сильвестра, который и закончил свой труд записью под 1116 годом. Он обращается к грядущим поколениям, то есть к нам с вами. Для нас и еще для многих будущих людей написал он эти повести о начале Русской земли и о трудных годах ее древней истории. Вспомним же с благодарностью о первых русских историках, патриотах нашей земли.

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Стр. 101

Какое суровое, тревожное время. «Ночью, со всех сторон расставив охрану, ложитесь около воинов...», «Оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись». Жизнь была полна непредвиденных опасностей, которые подстерегали всюду — в походе, на охоте, при переездах и даже дома за крепкими стенами города. И одновременно, какое глубокое понимание необходимости доброты, заботы о людях, внимания к ним: «Напойте и накормите просящего... Не давайте сильным губить человека... Соблюдайте свое слово... Больного навестите, покойника проводите... Не пропустите человека, не приветив его, и доброе слово ему молвите...»

Владимир Мономах был одним из самых выдающихся князей конца XI — начала XII века (его годы жизни 1053 — 1125). С раннего детства его приучали переносить лишения. Когда княжичу исполнилось восемь лет, его посадили на коня, это означало, что мальчик перестал быть ребенком и может вместе с отцом участвовать в военных походах и в «ловах», в охоте на дикого зверя.

По обычаю того времени, Владимира рано женили. Его невеста, светловолосая Гита, приехала из-за моря, она была дочерью последнего англосаксонского короля Геральда, погибшего в 1066 году в битве с Вильгельмом Завоевателем.

Вся жизнь Владимира Мономаха, по образному выражению академика А. С. Орлова, прошла «на коне и на ковре» — в военных походах и в совещаниях с дружиной и с князьями.

Время Владимира Мономаха — время удельной раздробленности. Разделение Руси на уделы, как вы уже прочитали, было признано на Любечском съезде: «Каждый да держит отчину свою». «Отчина» каждого князя — это его «удел», его часть, его наследственное владение, где он был полновластным господином. Однако на чужой удел, чужую часть он не должен был посягать. Он был обязан соблюдать простой закон: уважай права других и не преступай чужих. Вместе с принципом блюсти свою отчину был выдвинут и другой, казалось бы противоположный: «Объединимся всем сердцем». Распад на уделы одновременно подразумевал совместные, дружные «братские» усилия всех князей, направленные на укрепление всей земли в целом. Эти высокие принципы не забывались даже среди самых ожесточенных междоусобиц и наиболее полно отразились в произведениях знаменитого внука Ярослава. Владимир стремился морально воздействовать на князей-братьев, преподать им поучение, научить личным примером.

От литературного наследия Владимира Мономаха до нас дошло «Поучение», «Летопись жизни» и «Письмо Олегу Святославичу». В единственном списке летописи, сохранившем творения Владимира Мономаха, в Лаврентьевской летописи, все три произведения идут подряд без подзаголовков, и поэтому исследователи обычно объединяют эти три различные сочинения одним заглавием — «Поучение».

Первая часть, собственно «Поучение»,— наставление престарелого князя, как следует управлять государством и самим собой. Вторая часть — «Летопись жизни» служит наглядным примером деятельной, неутомимой жизни, полной невзгод, лишений и опасностей. Наконец последняя, «Письмо Олегу Святославичу»,— пример того, как следует подавлять свое личное горе, подчинять свою обиду, боль, гнев общим интересам Русской земли. Свои положения Владимир Мономах, человек, живший в представлениях XI—XII веков, подкрепляет авторитетом церковной литературы. Это понятно — вся жизнь и все формы искусства, все этические учения в те времена на Руси и на Западе были пронизаны религиозной идеологией, а богословие служило основой для объяснения мироздания.

Нас привлекает в произведениях Мономаха высокая нравственность, искренность чувств и забота о Родине. Любовью к людям и к миру, восхищением его красотой и гармоничностью исполнены сочинения Владимира Мономаха. Они проникнуты лиризмом, теплотой и поэтичностью, и можно только поражаться, как такие тонкие чувства могли жить в душе сурового воина.

Летописец назвал Мономаха «добрым страдальцем за Русскую землю». «Страдалец» — от слова «страда» — труд, означает труженик. Всю свою жизнь, весь свой труд Владимир отдал Русской земле.

ПОУЧЕНИЕ

Стр. 101

...нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир...— В XI—XIII веках на Руси зачастую люди имели два имени — христианское, данное при крещении, и родовое, «русское», «мирское», языческое.

...из рода Мономахов...— Владимир был, очевидно, прозван Мономахом по матери, гречанки из императорского дома Константина Мономаха.

Дети мои или иной кто...— Мономах предназначал свое «Поучение» не только для своих детей, но и для других русских князей.

На санях сидя...— образное выражение, означающее: «в преклонных годах», у порога смерти. Перевозка тела покойного на санях входила в древний погребальный обряд.

Ростиславичи — Володарь Перемышльский и Василько Теребовльский, сыновья двоюродного брата Владимира Мономаха.

...взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось...— Псалтырью, собранием библейских песнопений, часто пользовались в Древней Руси для гаданий. Гадающий раскрывал наугад книгу и читал открывшееся место.

...как Василий учил...— Василий Великий, византийский писатель IV века.

...как птицы небесные из рая идут...— По некоторым славянским представлениям птицы на зиму улетают в рай, в сказочную страну, где не бывает зимы. Весь пассаж — прославление гармоничности устройства мира. Он основан на «Шестодневе» Иоанна, Экзарха Болгарского, одной из самых поэтических книг в мировой литературе, широко читаемой в Древней Руси.

...отец мой, дома сидя, знал пять языков...— Это место «Поучения» Н. М. Карамзин комментирует так: «Довод сильный против тех, кои праотцев наших почитают невеждами». В Западной Европе германский император Карл IV знал пять языков, что ставилось ему в особую заслугу.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ

Стр. 104

Владимир — Владимир-Волынский.

Берестье — ныне Брест.

Переяславль — Переяславль Южный (княжение Всеволода Ярославича, отца Мономаха).

...сын старший, новгородский.— Мстислав (родился в 1076 году). В Новгороде Мстислав княжил с 1088 по 1093 год и с 1095 по 1117 год.

...и победили Бориса и Олега.— Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве в 1079 году.

...за Новым Городом...— за Новгородом-Северским.

...оружие было отослано вперед на возах...— А. В. Арциховский пишет: «Воины в походе не обременяли себя доспехами». Шлемы и кольчуги обычно надевали только перед битвой.

...и потом мир сотворили с Тугорканом...— после этого мира (1094) Святополк взял дочь половецкого хана Тугоркана в жены.

...и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.— Русские имена неоднократно встречаются у половцев, это, очевидно, свидетельствует о влиянии русской культуры на половецкую.

...и о соколах, и о ястребах заботился.— Ястребиная и соколиная охота были любимой потехой князей и знати.

ПИСЬМО ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

Стр. 108

Олег Святославич (прозванный в «Слове о полку Игореве» Гориславичем) — двоюродный брат Владимира Мономаха. Письмо написано в связи с гибелью младшего сына Владимира — Изяслава в битве с Олегом.

...понудил меня сын мой, крещенный тобою... — Речь идет о Мстиславе Владимировиче (Новгородском), старшем сыне Мономаха, крестнике Олега. Мстислав писал Олегу, советуя ему написать Владимиру Мономаху и примириться с ним. Он, как видно из письма Мономаха, и отцу писал о том же.

...дитя мое и твое... — По-видимому, Изяслав так же, как Мстислав, был крестным сыном Олега.

Разве удивительно, что муж пал на войне? — Лучшие князья считали честью погибнуть на войне. «Если брата моего убил, то это не дивно, ибо в ратях и цари и мужи погибают»,— писал Мстислав Олегу.

Т. Н. Михельсон

Бирич — глашатай, сборщик податей, блюститель порядка.
Блюсти — беречь, оберегать.
Брань — битва, бой.

Взострить на брань — поднять на битву.
Вежы — кибитки и поселения кочевников.
Вено — выкуп за невесту.
Вечерня — вечерняя церковная служба.
Вещий — обладающий даром предвидения, от глагола «ведать», знать.
Волость — от глагола «володеть» (владеть) — владение, область, княжение, власть.
Волхв — языческий жрец; считалось, что волхвы обладают даром предвидения и колдовства — волхвования.

Гость — купец.
Гривна — денежная единица в виде серебряного бруска определенного веса; шейное украшение в виде полукольца из золота или серебра.
Гридница — зала для пиров и советов; здание на княжеском дворе для гридей.
Гридь — ближайший дружинник князя.

Заутреня — церковная служба, совершавшаяся рано, до восхода солнца.
Зело — очень.

Игумен — настоятель (глава) монастыря.

Кормилец — воспитатель.
Корчага — большой глиняный сосуд с одной или двумя ручками, обычно употреблялся для хранения вина.
Красный — красивый.
Кудесник — колдун.
Кумир — скульптурное изображение языческого бога.

Латки — глиняная посуда и глиняные сковороды с высокими краями.
Лето — год.
Ловище — место охоты; от глагола «ловить».
Ловчий — охотник.
Лукавый — обманщик, хитрый, коварный.
Лучший — наиболее знатный и богатый.
Лядский — польский.
Ляхи — поляки и Польша.

М е д — сладкий, хмельной напиток на меду.
М у ж — член старшей, то есть наиболее родовитой и богатой дружины.

Н а р я ж а т ь — снаряжать; н а р я ж а т ь с т о р о ж е й — расставлять сторожей.
Н е м ц ы — западные народы; «немые», то есть не говорящие по-русски.

О с т р о г — город, укрепленный частоколом.
О т р о к — младший дружинник; слуга.
О т ч и н а — владение отца, родовое владение.

П а в о л о к а — дорогая шелковая ткань.
П а ч е — больше.
П о г а н ы й — язычник, чужеземец.
П о г о с т — место, куда свозились дань и оброк.
П о л д е н ь — юг.
П о л е — степь к югу от Киева.
П о л у н о щ ь — север.
П о ч т о — зачем.

С в е и — шведы.
С е н и — помещение между жилой частью дома и крыльцом.
С м е р д — земледелец, крестьянин.
С н о х а — жена сына.
С т а р е й ш и й — старший.
С т а р е й ш и н ы, с т а р ц ы — лица, стоявшие во главе города.
С т о л — княжеский престол, символ княжеской власти; с и д е т ь н а с т о л е — княжить; с е с т ь н а с т о л е — получить княжение.
С т о р о ж и — передовые разведывательные отряды.
С т р е х а — нижний, свисающий край крыши деревянного дома, избы.
С т я г — военное знамя, которым подавали знаки войскам, «стягивая» их в нужное место.
С ы т а — сладкий напиток на меду.

Т и у н — управляющий.
Т о р г о в и щ е — место торга, торг.
Т р у т — гриб-паразит, его употребляли для высекания огня.

У г о р с к и й — венгерский.
У г р и н — венгр.
У г р ы — венгры, Венгрия.
У з о р о ч ь е — предметы роскоши, драгоценные украшения.
У р о к — оброк, дань, подать.
У с т а в — дань, налог.

Ч а д ь — приверженцы, близкие лица, слуги.
Ч е л о — лоб; передний полк.
Ч е л я д ь — рабы, слуги.

Х а р т и я — пергамен, особым образом обработанная телячья кожа, употреблявшаяся как материал для письма; документ, написанный на пергамене.

Ц е л о в а т ь к р е с т — давать клятву.

Т. Н. Михельсон

Содержание

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

РАССКАЗЫ НАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ

ИБ 4786

Ответственный редактор
Н. В. Белякова

Художественный редактор
В. А. Горячева

Технический редактор
В. К. Егорова

Корректоры
Л. И. Дмитрюк и О. И. Иванова

Сдано в набор 02.11.81. Подписано к печати 16.04.82. Формат 60×90 1/8. Бум. офсетная № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0. Усл. кр.-отт. 78,0. Уч.-изд. л. 12,1. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4629. Цена 2 руб. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Р24 **Рассказы** Начальной русской летописи/ Пер. с древнерусск. и пояснения Т. Н. Михельсон; научн. ред., сост. и автор послесл. Д. С. Лихачев; художн. И. Архипов.— М.: Дет. лит., 1982.— 151 с., ил.

В пер.: 2 руб.

Книга издается к тысячепятисотлетию Киева.

Р $\frac{4803010101-309}{М101(03)82}$ 166—82 Р1